

Буржуазная правовая
идеология в Прибалтике
в период буржуазной
диктатуры и ее рецидивы
в среде современной
эмиграции

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра государственно-правовых наук

БУРЖУАЗНАЯ ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПРИБАЛТИКЕ
В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ ДИКТАТУРЫ И ЕЕ РЕЦИДИВЫ
В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1984

БУРЖУАЗНАЯ ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПРИБАЛТИКЕ
В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ ДИКТАТУРЫ И ЕЕ РЕЦИДИВЫ
В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Буржуазная правовая идеология в Прибалтике в период буржуазной диктатуры и ее рецидивы в среде современной эмиграции: Сборник научных трудов /Отв. ред. О.В.Миллер. -Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1984. - 139с.

В межведомственном тематическом сборнике научных трудов с позиций марксизма-ленинизма исследованы антинаучные правовые теории и концепции "теоретиков" буржуазной Литвы, Латвии и Эстонии и антисоветские взгляды реакционных правоведов - главным образом литовских, латышских и эстонских буржуазных эмигрантов. Всесторонне показана научная несостоятельность и реакционная роль этих взглядов. Сборник является первым такого рода коллективным трудом представителей советской правовой науки прибалтийских республик. Статьи сборника могут быть использованы в контрпропаганде, в борьбе с реакционной идеологией. Книга предназначена для научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для пропагандистов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.О.Миллер (отв. ред.),
Р.В.Апситис (зам. отв. ред.),
А.А.Плотниекс, И.Р.Крастиньш, Э.А.Иостсон

Печатается по решению Редакционно-издательского
совета ЛГУ им. П.Стучки

Б II002-059y 63.84 .I2030I0000
MBI2(II)-84

С Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки, 1984

В.О.Миллер

БУРЖУАЗНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

1940 год занимает особое место в исторических судьбах народов Прибалтики. С ним связаны глубокие революционные перемены в жизни литовского, латышского и эстонского народов. Именно в тот, теперь уже далекий год народы Прибалтики революционным путем свергли фашистские режимы, восстановили власть Советов и образовали три советские социалистические республики — Литовскую ССР, Латвийскую ССР, Эстонскую ССР. В начале августа того же года все три республики по воле своих народов вступили в состав Союза ССР на правах союзных республик.

Прошедшие с тех пор годы показали, что советский путь развития, избранный народами Прибалтики, является единственно правильным и верным. В их многовековой истории годы Советской власти стали самыми яркими, значительными и плодотворными. Используя преимущества социалистического общественного и государственного строя, дружбу и взаимопомощь народов СССР, народы Прибалтики успешно развивают свою экономику, культуру, науку, на равных правах участвуют в строительстве советского социалистического многонационального государства.

Замечательная характеристика успехов советских Прибалтийских республик была дана в докладе Л.И.Брежнева о 50-летию образования СССР: "... встав на социалистический путь, они показали самые высокие в Союзе темпы развития. Объем промышленной продукции в сравнении с 1940 годом вырос в Латвии в 31, в Эстонии — в 32, в Литве — в 37 раз. Поднялось их сельское хозяйство, расцвела культура, освободившаяся от пут провинциализма и прозябания на задворках капиталистической Европы. Такой поразительный рост оказался возможен только на пути объединения этих республик с другими республиками Союза".

Вряд ли нужно более подробно характеризовать успехи народов Прибалтики. Они общеизвестны. Сегодня мы с полным основанием можем сказать, что социализм одержал полную и оконча-

тельную победу и в Литве, и в Латвии, и в Эстонии; и в мире нет таких сил, которые могли бы реставрировать капитализм в республиках Прибалтики.

Эту истину никак не хотят понять реакционные круги в капиталистических странах. И сегодня за рубежом находятся люди, которые вроде бы сомневаются в законности существования литовского, латвийского и эстонского советских государств. Они никак не могут примириться с давно свершившимся фактом победы Советской власти в Прибалтике, с тем, что населениям ее народы навсегда вырвались из лагеря капитализма и вошли в мировую систему социализма. Поэтому кое-кто на Западе поддерживает беглых деятелей бывших фашистских режимов, свергнутых прибалтийскими народами в 1940 году, служивших верой и правдой Гитлеру, давным-давно никого не представляющих, но до сих пор не отказавшихся от бредовых планов восстановления в Прибалтике капиталистических порядков.

В послевоенные годы "балтийский вопрос", поднятый и раздутый реакционными политиками США, Англии и других капиталистических стран, сыграл свою роль в развязывании и ведении "холодной" войны против Советского Союза. И в наши дни кое-кто хочет использовать этот вопрос для подрыва процесса разрядки.

Вот почему и сегодня исследования историков о восстановлении Советской власти, о создании советской государственности у прибалтийских народов в 1940 году актуальны и с научной, и с политической точек зрения.

В работах советских ученых процесс восстановления Советской власти и создания государственности у народов Прибалтики получил всестороннее освещение. Советские ученые едины в своих выводах, что Советская власть в Прибалтике в 1940 году победила в результате социалистической революции. Одна из особенностей этой революции - ее мирный характер. Словно сопротивление реакционных сил, рабочий класс Литвы, Латвии и Эстонии завоевал государственную власть без гражданской войны и обеспечил переход основных средств производства в руки народа.

Социалистическая революция в странах Прибалтики не была случайной. Уже с осени 1939 года в Литве, Латвии и Эстонии

усиливался кризис фашистских режимов, разрасталось революционное движение, все яснее назревала революционная ситуация. Именно эти внутренние процессы в странах Прибалтики и привели к революционному свержению фашистских режимов и созданию народных правительств в середине июня 1940 года.

Переход власти в руки народных правительств сопровождался коренным изменением государственного строя стран Прибалтики. Вышедшие из подполья коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии возглавили народные правительства и направили их деятельность по пути осуществления революционных преобразований. За короткий срок (с 20 июня по 21 июля) народные правительства Литвы, Латвии и Эстонии, опираясь на широкие массы трудящихся, провели в жизнь важнейшие революционные политические мероприятия. В результате были ликвидированы фашистские учреждения, проведена демократизация политической и общественной жизни, созданы необходимые условия для того, чтобы трудящиеся на деле могли пользоваться демократическими правами и свободами. 14 и 15 июля 1940 года были избраны Народные сеймы в Литве и Латвии и Государственная дума в Эстонии. 21 июля 1940 года высшие органы государственной власти этих республик торжественно провозглашали восстановление Советской власти. Тем самым завершился процесс перехода власти в руки рабочего класса.

Мирной победе социалистической революции в Прибалтике в огромнейшей степени способствовали существование и неуклонный рост мощи Советского Союза, моральная поддержка и помощь, которую он оказал трудящимся Прибалтики в их революционной борьбе.

Пребывание на территории Литвы, Латвии и Эстонии советских войск и мудрая внешняя политика СССР спасли трудящихся Прибалтики от угрозы империалистической интервенции и сорвали расчеты контрреволюционной буржуазии на развязывание гражданской войны.

Исключительно благоприятной была для мирной победы социалистической революции в Прибалтике международная обстановка: империалистические государства Западной Европы были в это время заняты начавшейся второй мировой войной и не могли вмешиваться в события, развернувшиеся в Прибалтийских странах.

За послевоенные годы в капиталистических странах западной Европы и США издано и опубликовано множество книг и статей по вопросам становления советской государственности в Прибалтике. Характерными чертами этой литературы являются необоснованность выводов, необъективность и тенденциозность оценок исторических фактов и событий, игнорирование работ советских авторов, недобросовестное использование документов.

Подобного рода низкопробная "методология" этих "научных исследований" объясняется тем, что их авторы преследуют несовместимые с исторической правдой политические цели - доказать, что страны Прибалтики были "захвачены, инкорпорированы" Советским Союзом, что Советская государственность силой оружия навязана балтийским народам, что она не отвечает их интересам. Поэтому эти авторы и вынуждены идти на фальсификацию, клевету, на подтасовывание фактов и другие нечистоплотные приемы. Маскируя свои истинные политические цели, все эти горе-исследователи уверяют, что они борются за свободу, справедливость и другие светлые идеалы. В действительности, вся эта так называемая "научная деятельность" далеко не бескорыстна. Она весьма щедро финансируется определенными кругами ряда капиталистических стран. Именно их щедрые подарки позволили реакционным эмигрантам из Литвы, Латвии и Эстонии создать разного рода "центры", "советы", "общества", "фонды", "комитеты" и прочие организации, в которых фабрикуются грязные, антисоветские публикации. Например, "Эстонский национальный фонд" в Швеции "Эстонский комитет свободной Европы", "Эстонский национальный комитет в США", "Эстонское общество в ФРГ и другие. Аналогичные организации созданы белоэмигрантами-латышами и литовцами. Эти организации объединяют наиболее махровых реакционеров и антисоветчиков.

То, что они враждебно относятся к Советскому Союзу, к Советской Прибалтике, понятно и закономерно, ведь трудовые народы Прибалтики лишили их фабрик и заводов, домовладений и земельной собственности, лишили их власти и привилегий; боясь расплаты за свою антинародную деятельность в период немецко-фашистской оккупации, они бежали от гнева народа. К ним полностью применимы слова В.И.Ленина: "И после первого серьезного поражения свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали

своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией и (бешеной) страстью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого "рая", за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь "простонародная сволочь" осуждает на разорение и нищету (или на "простой" труд ...)"¹

Что же представляет собой те "научные силы", которые, выполняя заказ империалистических кругов, фальсифицируют и извращают события, связанные с победой Советской власти в Прибалтике в 1940 году?

За последние 10-15 лет в капиталистических странах Западной Европы и США издано много мемуарной литературы, причем в меньшей степени на литовском, латышском, эстонском языках, а главным образом на английском и немецком. В ней затрагиваются и революционные события в Прибалтике в 1940 году. Авторами этих "мемуаров" являются бывшие премьер-министры бывших прибалтийских буржуазных стран и различного рода чиновники, послы, генералы, выброшенные на свалку истории.

Если же посмотреть, что собой представляют суждения этих господ о создании в 1940 году советской государственности в Прибалтике, то нельзя не отметить, что они злобно клеветают на свои народы, лишившие их власти, привилегий, собственности. Естественно, с научной точки зрения все эти "мемуары" не представляют никого интереса. Выводы и оценки в них, в частности, о событиях 1940 года, основаны не на фактах, а на антисоветских убеждениях авторов.

К другой группе "исследователей" следует отнести более или менее профессиональных историков, юристов, философов, эмигрировавших из Прибалтики и обосновавшихся в странах Западной Европы и США. Многие из них полностью отдали себя службе тем реакционным силам, которые финансируют их для антисоветской деятельности. О беспринципности, продажности этих "ученых" говорит хотя бы такой факт. Один из главарей латышских белоэмигрантов-историков В. Швабе в своих работах, опубликованных в буржуазной Латвии, признавал, что 700-летнее иго остзейских баронов-помещиков принесло тяжкие страдания латышскому и эстонско-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 264

му народам. Однако в послевоенные годы, будучи в эмиграции, он стал доказывать обратное, воздавая хвалу "остзейской автономии". Такие же метаморфозы произошли и с другими историками буржуазной Прибалтики.

Среди так называемых "исследователей" истории Прибалтики особую группу составляют историки и юристы ФРГ - выходцы из прибалтийских республик. Эти западногерманские "исследователи" считаются главными специалистами по вопросам Литвы, Латвии и Эстонии. И своими "трудами", насыщенными злобой и клеветой на народы Прибалтики, на советский строй они всячески стремятся оправдать то доверие, которое оказывает им международный империализм. Почему же ФРГ стала одним из главных центров фабрикации многочисленных фальсификаторских трудов по вопросам Прибалтики? Объясняется это двумя главными обстоятельствами. Во-первых, широко используется опыт остзейских литераторов, которые на протяжении веков деятельно занимались извращением истории народов Прибалтики, стремясь доказать права остзейских баронов на эту часть Европы, представляя их как носителей культуры и цивилизации. Многие идеи и теории идеологов остзейских баронов в приукрашенном виде используют в настоящее время западногерманские "остфоршеры".

Во-вторых, главным ядром "исследователей" Прибалтики являются прибалтийские немцы, покинувшие ее в 30-е годы. Они все еще никак не могут забыть, что когда-то их предки были властителями Прибалтики, что им принадлежали огромные земельные поместья. Недаром один из идеологов западногерманских реваншистов профессор истории И.Бем в 1957 году в предисловии к работе Э.Томсона "Прибалтийская библиография 1945-1956 гг." открыто объявлял Прибалтику "восточно-германским отечеством" немецких баронов. Он выражал уверенность в том, что у авторов работ, включенных в библиографический сборник, в том числе и у тех, которые родились уже вне Прибалтики, "...все еще живо чувство принадлежности к прибалтийской родине". Западногерманские "остфоршеры" из числа бывших прибалтийских немцев в своих писаниях неоднократно называли Прибалтику "немецкой землей", "немецкой родиной". Конечно, никто из этих господ не интересуется мнением народов Прибалтики на этот счет.

Из бывших прибалтийских немцев вышло немало "советоло-

гов", занявших лидирующее положение среди советологов других стран. Это например, Б.Мейснер (работа "Советский Союз, Прибалтийские государства, международное право", изданная в 1956 г. в Кельне объемом 377 страниц, и др.). Его труды отличаются особой антисоветской и антикоммунистической направленностью.

К тем же "исследователям" истории становления советской государственности народов Прибалтики следует отнести Георга фон Рауха, фон Хена, Римшу и многих других представителей "остфоршунга". В работах этих авторов предпринята попытка наукообразного подхода к теме, но это не более чем прием для воздействия на читателей. Таким образом они хотят скрыть преследуемые ими узко классовые политические интересы.

Политическая цель подобных "исследований" заключается, по-видимому, в том, чтобы подготовить соответствующие идеологические аргументы для тех империалистических кругов ФРГ, которые не теряют надежды не только на реставрацию капитализма в Прибалтийских республиках, но и на восстановление германского влияния в Прибалтике. Следует отметить, что авторы этих работ более тонко, под видом наукообразности извращают и фальсифицируют историю становления советской государственности народов Прибалтики.

В отдельную группу "исследователей" можно выделить историков и юристов США и некоторых других стран. В их трудах также отчетливо просматривается желание выполнить социальный наказ своих хозяев - реакционных кругов этих стран. Последним по сей день не дает покоя ими самими выдуманная "балтийская проблема". Они не только организуют комиссии для "изучения" вопроса о "захвате Советским Союзом Прибалтийских государств", не только выпускают сборники "документов и материалов", которые представляют собой гнусную и грубую фальсификацию истории образования советских республик в Прибалтике в 1940 году, но в свое время протаскивали в конгрессе резолюции, с помощью которых пытались опорочить политику Советского Союза в отношении Прибалтийских республик и отрицать истинную волю народов Прибалтики к созданию советских социалистических государств. Именно эти позиции реакционных кругов США и определяют содержание и направленность "исследований" некоторых американских

историков и кристов.

Разумеется, можно и по другим основаниям группировать антисоветских авторов, фальсифицирующих революционные события 1940 года в Прибалтике. Но важно подчеркнуть другое - всех их объединяет ненависть и злоба к Советской власти, социализму, к советским народам, строящим коммунистическое общество. Антикоммунизм - главная идеологическая основа всех современных буржуазных фальсификаций политики КПСС и Советского государства.

К чему же сводятся домыслы многочисленных реакционных буржуазных исследователей? Прежде всего они преподносят явно извращенную картину экономических и политических предпосылок становления советской государственности народов Прибалтики, в тенденциозном свете показывают внешнюю и внутреннюю политику буржуазных правительств Литвы, Латвии и Эстонии. У них явно прослеживается попытка оправдать антинародную, противоречащую интересам прибалтийских народов деятельность фашистских хликов Прибалтики, направленную на разрыв экономических, культурных и политических связей с Советским Союзом.

Особое место в работах буржуазных идеологов занимает стремление опорочить внешнюю политику Советского Союза в отношении стран Прибалтики в 1939-1940 годах. Наибольшие усилия направлены на то, чтобы оклеветать пакты о взаимопомощи между СССР и буржуазными странами Прибалтики, заключенные в октябре 1939 года.

Реакционные историки ФРГ и других стран доказывают "незаконность" пактов о взаимопомощи. Впрочем, их рвение в этом отношении вполне понятно. Ведь пакты о взаимопомощи между СССР и Прибалтийскими странами, заключенные осенью 1939 года, сорвали планы гитлеровцев в отношении захвата Прибалтийских стран. Если бы фашистская Германия еще до нападения на СССР оккупировала Прибалтийские страны, как она оккупировала Чехословакию, то это могло в значительной степени повлиять на ход Великой Отечественной войны, дало бы гитлеровским войскам возможность начать войну против СССР с более выгодных для них рубежей.

С особым усердием стремится опровергнуть законность пактов о взаимопомощи между СССР и Прибалтийскими странами

Б.Мейснер. С этой целью он написал несколько работ, в которых пытается доказать "миролюбие" гитлеровской Германии и "агрессивность" Советского Союза.

Аргументация Мейснера весьма примитивна: поскольку де Советский Союз при заключении пактов с Прибалтийскими странами применил "давление", эти пакты следует признать незаконными. Однако Мейснер, естественно, не может привести никаких доказательств которые подтвердили бы его измышления. В действительности же, если на правителей Прибалтийских стран при заключении пактов и был оказан нажим, то это был нажим со стороны народных масс Литвы, Латвии и Эстонии, хорошо понимавших жизненное значение пактов с СССР для стран Прибалтики и поэтому требовавших немедленного их подписания.

Весьма далеки от действительности также утверждения Б. Мейснера, будто правительство Литвы, Латвии и Эстонии "корректно" выполняли свои обязательства по пактам. На самом деле буржуазные правительства стран Прибалтики многократно нарушали их. Они видели, что заключение пактов привело к росту авторитета Советского Союза в глазах народных масс, вдохновило трудящихся Прибалтики на революционную борьбу с фашистскими режимами. Следует отметить, что и нота Советского правительства правительствам Литвы, Латвии и Эстонии в июне 1940 года Б. Мейснер также квалифицирует ни много ни мало... как акт агрессии.

Явная абсурдность такого утверждения для каждого трезво мыслящего человека совершенно очевидна. Не нота Советского Союза, а решительные революционные действия народных масс сыграли главную роль в исторических событиях лета 1940 года. А как раз роль народных масс, их право по своему усмотрению изменять характер общественно-политического строя в стране, создавать правительства, отвечающие их интересам, и отрицает Мейснер.

Другим, не менее важным вопросом становления советской государственности у народов Прибалтики, который фальсифицируется реакционными буржуазными идеологами, является вопрос о свержении фашистских режимов и создания народных правительств в Литве, Латвии и Эстонии.

Вопреки очевидным фактам они на протяжении вот уже более

30 лет тщетно пытаются "доказать", что июльские события в Прибалтике, закончившиеся свержением фашистских режимов и созданием народных правительств, являются якобы результатом "оккупации" Прибалтики советскими войсками. Однако эти авторы умышленно "забывают" о том, что, во-первых, части советских войск находились на территории Прибалтики в соответствии с международными договорами, заключенными еще до 1940 года; во-вторых, дополнительные части советских войск вступили и были размещены на территории стран Прибалтики также с разрешения и согласия буржуазных правительств стран Прибалтики; в-третьих, пребывание советских войск на территории Литвы, Латвии и Эстонии было мерой, необходимой для предупреждения агрессии со стороны гитлеровской Германии против СССР, и в то же время полностью соответствовало жизненным интересам народов Прибалтики; в-четвертых, история не знает примеров, чтобы население встречало оккупационные войска так дружелюбно и с таким воодушевлением, как это было в 1940 году в Прибалтике.

Народы же Литвы, Латвии и Эстонии встретили советские войска воодушевлением, ибо видели в них не армию оккупантов, как об этом трубят на Западе, а армию защитников свободы и независимости этих стран. Наконец, части советских войск, находившиеся на территории Прибалтики, не вмешивались во внутренние дела этих стран, в борьбу между революционными народами и фашистскими кликами. До 21 июля 1940 года, т.е. до провозглашения Советской власти в Прибалтике никто из идеологов ни внутри республик, ни за рубежом ни единым словом не обмолвился о том, что народные правительства будто бы созданы в результате "оккупации" Литвы, Латвии и Эстонии Советскими войсками. Такие заявления с их стороны появились только после 21 июля 1940 года, что свидетельствует о явной тенденциозности оценки июльских событий.

Еще одним излюбленным коньком, используемым буржуазными идеологами, является вопрос об "экспорте революции" из Советского Союза в Прибалтику, о том, что Советская власть в июле 1940 года была якобы насильственно навязана литовскому, латышскому и эстонскому народу.

Марксистско-ленинское понимание исторического процесса несовместимо с экспортом революции из одной страны в другую.

Социалистическую революцию нельзя навязать извне, она вызревает в конкретных исторических условиях данной страны.

Социалистическая революция в Прибалтике явилась результатом внутреннего развития этих стран, крайнего обострения социальных противоречий в них. В.И. Ленин подчеркивал, что только безумцы и провокаторы полагают, будто "...революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению".^I Революционные события 1940 года в Прибалтике ярко подтверждают эти слова В.И. Ленина. Социалистическая революция вызревала в странах Прибалтики еще задолго до июня 1940 года. В конце 1939 и начале 1940 года здесь сложилась обстановка, свидетельствующая о глубоком кризисе антинародной внутренней и внешней политики фашистских клик Сметоны, Ульманиса, Пятса.

Им не под силу было справиться ни с экономическими проблемами, ни с ростом недовольства и возмущения трудящихся масс, ни с растущим революционным движением. В Литве, Латвии и Эстонии с каждым днем все шире нарастала революционная ситуация. В июне 1940 года революционная борьба трудящихся Прибалтики привела к падению фашистских режимов и созданию народных правительств.

События тех дней рассмотрены во многих работах, авторы которых приводят убедительные доказательства того, что главную, определяющую роль в свержении фашистских режимов и в создании народных правительств сыграла сложившаяся в странах Прибалтики революционная ситуация, мощный подъем революционного движения, которое возглавили компартии Литвы, Латвии и Эстонии. Приведенные в этих работах факты противоречат всякого рода измышлениям о так называемом "экспорте" революции в страны Прибалтики.

Буржуазные идеологи фальсифицируют историю создания Советской государственности народов Прибалтики и по многим другим направлениям. Если взять буржуазную литературу последних лет, посвященную истории создания советской государственности народов Прибалтики, то следует отметить что реакционные буржуазные идеологи не сложили своего идеологического оружия. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы вести решительную, бескомпромиссную борьбу против буржуазных фальсификаторов истории

^I Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 457

А.Т.Уусталь

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ "ТЕОРИЙ" ЛИДЕРОВ ЭСТОНСКИХ ЭМИГРАНТОВ О СУЩЕСТВОВАНИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ БУРЖУАЗНОГО ЭСТОНСКОГО ГОСУДАРСТВА

За сорок четыре года Советская Эстония при поддержке других братских Республик Советского Союза достигла блестящих успехов в социалистическом строительстве. В республике бурно выросло промышленное производство. Эстонская ССР экспортирует свои промышленные товары во многие зарубежные страны. Торговые суда Эстонского Морского пароходства посещают порты во всех частях света. Навсегда ушло в историю время, когда эстонским рабочим не хватало работы, что было обыкновенным явлением в буржуазной Эстонии. Полностью изменился облик деревни - вместо разбросанных бедных хуторов построены модные сёла сельскохозяйственных коллективов с многоэтажными зданиями, со столовыми и клубами, последние в смысле удобств не отличаются от городских. Тяжелая ручная работа в колхозах давно уже заменена машинами: тракторами, комбайнами, удойными агрегатами. Эстонский народ под руководством Коммунистической Партии, при поддержке других советских народов, уверенно идет к коммунизму.

На западе, в буржуазных странах находятся еще люди, которые мечтают о восстановлении буржуазного строя в Эстонии, об отнятии у эстонского народа его великих завоеваний и достижений. Это - бывшие капиталисты и кулаки, которые были отстранены от власти в 1940 году, и их потомки. Они надеются получить обратно национализированные народом заводы, магазины и землю, чтобы снова иметь возможность обогащаться посредством суровой эксплуатации эстонских рабочих и батраков. Но тщетны их надежды. Однако, поощряемые реакционными кругами западных держав, они предпринимают идеологические диверсии. В частности лидеры эстонских буржуазных эмигрантов за рубежом сочинили и распространяют "теорейку" о существовании, якобы, зарубежного национального (читайте: буржуазного) эстонского государства. При этом они уверяют, что для образо-

вания и деятельности различных государственных органов зарубежного буржуанного эстонского государства имеются даже конституционные основания. И это беззастенчиво утверждается вопреки очевидному факту, что никакого другого эстонского государства, кроме Эстонской ССР, на свете не существует и не может существовать. Напрасны и их потуги найти какие либо юридические основания плоду своего вымысла. Хорошо известно, что в 1940 году в результате социалистической революции национальное эстонское государство не исчезало, а только изменило свою классовую природу: из государства буржуазного превратилось в государство социалистическое. Теория современного международного права утверждает, что в случае изменения формы правления (замены монархии республикой) или экономического и политического строя (замены феодализма капитализмом или капитализма социализмом) на место прежнего государства субъектом международного права становится новое государство, которое образовано в результате внутригосударственных изменений, независимо от того, признают или не признают его другие государства.

Известный английский специалист по международному праву Л.Оппенгейм утверждает, что "государство остается тем же международным лицом, несмотря на перемены главы, династии, формы правления, ранга титула и теории" ... "Франция, например, - поясняет он, - сохранила свое личное тождество со времени начала существования международного права и до настоящего дня, хотя она приобретала, теряла и возвращала себе части своей территории, меняла свою династию, была королевством, республикой, империей, опять королевством, опять республикой и является сейчас, кажется окончательно, республикой. Все ее международные права и обязанности оставались теми же самыми в течение столетий, несмотря на эти важные изменения в условиях ее существования и в ее положении" ¹.

Народ как носитель верховной власти государства сам реша-

¹ См. Оппенгейм Л. Международное право.- М., 1948.- Том I, полуптом I, с.159-160.

ет, какую форму правления и какой экономический строй избрать. Это право народа закреплено в принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. пактах о правах человека. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах утверждает: "Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие." ¹

Эстонский народ, провозгласив в 1940 г. Социалистическую Республику, вместе с этим, в полном согласии с современным международным правом ликвидировал буржуазное государство. Советская Эстония - это суверенное государство и полноправный субъект международного права.

Но с этим законным фактом не хотят считаться эстонские буржуазные эмигранты. Один из их лидеров, Х.Марк, например, уверяет, что буржуазная Эстония продолжает существовать за границей, независимо от того, признана или не признана другими государствами.

Тезисы о существовании эрубежного "Эстонского государства" невозможно обосновать никакими нормами ни международного, ни внутреннего права. Для существования государства требуется ряд условий. Так, упомянутый уже Л.Оппенгейм утверждает: "... для существования государства требуется следующие четыре условия.

Во-первых, должно быть население, т.е. совокупность лиц..., живущих совместно в обществе ... Во-вторых, должна быть страна, в которой это население проживает... В-третьих, должно быть правительство, т.е. одно или несколько лиц, представляющих население и правящих согласно праву данной страны... В-четвертых, должно быть суверенное правительство..." ²

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1978. - Вып. 32, с.36.

² См. Оппенгейм Л. Цит. соч., с.130.

Эти положения признавали и специалисты международного и государственного права в буржуазной Эстонии. Профессор международного права юридического факультета буржуазного Тартуского университета А.Пийп писал в своем учебнике: "... государство существует только там, где живущим на определенной территории народам управляет единая верховная власть" ¹. Профессор государственного права Н.Майм писал: "Государство только мыслимо территориальным соединением. Без территории государство не может существовать ..." ².

Эстонское государство в эмиграции, существование которого пытаются доказать реакционные элементы эмиграции, не имеет ни одного из перечисленных, требуемых для существования государства, элементов.

Территориальную базу, предположим, можно создать, организовав государство в открытом море, на каком-то искусственном острове или на рифах, не входящих в состав территории какого-либо государства. Надо сказать, что лидеры эстонской буржуазной эмиграции уже пытались решать этот вопрос ... в открытом море. В 1945 году правительство Швеции не разрешило тогдашнему лидеру Эстонских реакционных эмигрантов А.Рейю и его друзьям разыгрывать комедию провозглашения создания в Швеции "эстонского правительства в эмиграции". Тогда А.Рей с сопровождающими его лицами отправился в Осло, нанял лодку, выехал на ней в открытое море и там, в царстве Нептуна, провозгласил создание "правительства в эмиграции". Вот-так "государство", вмещающееся в лодке, и то не в своей, а в чужой, арендованной!

Вопрос о населении они пытаются решать не менее оригинально, чем вопрос о территории. Так, Х.Марк находит, что народом "эстонского государства в эмиграции" являются эстонцы, которые живут за рубежом, т.е. в капиталистических странах. Все живущие за границей эстонцы, по его мнению, должны подчиняться актам эмигрантского "правительства" ³. Но заграничные эстонцы - это,

¹ См. Пийп А. Международное право. Тарту, 1936, с.76 (на эстонском языке).

² См. Майм.Н. Государственное право. Тарту, 1936, с.85 (на эстонском языке).

³ См. Eesti Päevaleht, 1972, 22 марта.

во-первых, не компактная масса, а "масса", растворившаяся среди населения многих зарубежных стран; во-вторых, они составляют незначительную часть эстонцев, основная же их часть находится в Советском Союзе, а в компактном виде - в Эстонской ССР. Эмигранты - это даже не "странствующий народ", о котором Л.Оппенгейм говорит, что он "не является государством" ¹, а лишь незначительные разбросанные по миру его осколки.

Для того, чтобы воображаемому "государству в эмиграции" придать некоторую весомость, Х.Марк считает, что правительство этого государства ("правительство в эмиграции") должно иметь право представлять в иностранных государствах всех эстонцев, в том числе и живущих в Советской эстонии. ² Но весомости этому "государству" это суждение все же не прибавляет.

Другой лидер эстонской буржуазной эмиграции Х.Валласте утверждает, что у эстонцев, живущих за рубежом, сохраняется гражданство буржуазной Эстонии даже в том случае, если у них в кармане имеется паспорт гражданина какого-нибудь другого государства, например, США, Канады, Швеции и т.д. Это суждение столь же наивное как и предыдущее. Во-первых, не все государства признают двойное гражданство. Во-вторых, немислимо существование гражданства без государства. Буржуазной Эстонии не существует уже с 1940 года.

Не лучше выглядят суждения лидеров эмиграции о так называемом "правительстве в эмиграции". Реально "правительство Эстонии в эмиграции" не существует. То, что они сами называют "правительством в эмиграции", есть лишь небольшая группа самозванцев из числа лидеров реакционной буржуазной эмиграции, которая поддерживается антисоветскими кругами некоторых западных государств. Практически эта группа паразитирует за счет находящейся под ее влиянием части эстонской эмиграции.

Для оправдания существования самозванного "правительства

¹ Цит. соч., с.130.

² Eesti Paevaleht, 1972, 22 марта.

в эмиграции" лидеры эмигрантов ссылаются на статью 46 Конституции буржуазной Эстонии. В этой статье говорилось о положении, когда президент республики не может выполнять свои функции. В такой ситуации функции президента переходят к премьер-министру, а функции премьер-министра - к его заместителю.

Лидеры эмигрантов стараются доказать, что будто бы после социалистической революции в Эстонии создалась обстановка, при которой президент не мог выполнять свои функции.

Создалось ли в Эстонии в 1940 году фактически такое положение, что президент буржуазной Эстонской республики не мог выполнять свои функции? - Нет, не создалось. Президент буржуазной Эстонии К.Пяте своим приказом от 21 июня 1940 г., в полном согласии с Конституцией буржуазной Эстонии реорганизовал правительство и назначил на пост премьер-министра Д.Вареса. Носитель верховной суверенной власти - эстонский народ на свободных выборах в июле 1940 г. избрал новый верховный орган власти - Государственную думу. Выполняя волю эстонского народа, Государственная дума провозгласила Эстонию Советской Социалистической Республикой. В августе 1940 г. Государственная дума Эстонии приняла новую Конституцию республики. В Конституции Советской Эстонии не была предусмотрена должность президента республики. Его заменил новый коллегиальный орган - Президиум Верховного Совета, избираемый Верховным Советом республики. После принятия Конституции Эстонской ССР было образовано новое правительство Советской Эстонии во главе с Д.Лауристином. Когда Эстония была оккупирована немецкими захватчиками, правительство Советской Эстонии, эвакуированное в тыл, руководило героической борьбой эстонского народа против фашистских захватчиков вместе с правительством Советского Союза. Оккупанты организовали в Эстонии местное самоуправление во главе с приспешником немцев Х.Мяэ, которое было послушным исполнителем приказов оккупантов. Таким образом, в действительности буржуазное правительство Эстонии было ликвидировано народом в 1940 году и никогда оно не эвакуировалось. Оно просто перестало существовать. И поэтому нет никого, ни фактического, ни юридического основания говорить о каком-то буржуазном "правительстве в эмиграции".

Все же, лидеры эстонских буржуазных эмигрантов создали за рубежом бутафорское "правительство Эстонии в эмиграции" во главе с бывшим послом буржуазной Эстонии в Советском Союзе А.Рейем. Как уже было выше сказано, провозглашение этого "правительства" произошло необычным образом - в лодке в открытом море. А.Рей, под измышленным предлогом, что президент буржуазной Эстонии будто бы временно не может выполнять своих функций, взял на себя, ссылаясь на ст.46 Конституции буржуазной Эстонии, выполнение этих функций и присвоил себе титул "премьер-министра с полномочиями президента".

На основе этой Конституции (ст.46 абз. II) премьер-министр может выполнять обязанности президента только в течение шести месяцев. По истечении этого срока должны быть проведены выборы президента или, во время войны, - временно исполняющего его обязанности лица. Согласно этой Конституции президент должен избираться коллегией, состоящей из обеих палат парламента и ряда должностных лиц, а временный исполнитель обязанностей может быть избран коллегией в составе премьер-министра, главнокомандующего вооруженными силами, председателя Государственной думы и председателя государственного суда. Ни одно из этих требований Конституции буржуазной Эстонии деятелями эмиграции соблюдено не было, хотя они везде рекламируют себя последовательными защитниками Конституции. Так, в принятой на заседании "правительства" 14 июля 1972 года в Торонто специальной декларации подчеркивается, что оно "заботится о точном выполнении Конституции". Жизнь показывает иное - лидеры эмигрантов пытаются использовать только те положения Конституции буржуазной Эстонии, которые им выгодны, но явно игнорируют те положения той же Конституции, которые им невыгодны.

Из сказанного видно, что нет никаких правовых основ для существования "эстонского государства", а равно и "эстонского правительства в эмиграции".

Но посмотрим, что происходило фактически. Упомянутый нами Х.Марк, игнорируя факты, старается утверждать, будто бы буржуазное правительство Эстонии действительно эмигрировало за границу и продолжало там свою деятельность. Такое утверждение является явной ложью. Как выше уже было показано, бур-

жуазное правительство Ю.Улуотса было реорганизовано приказом номер 55 тогдашнего президента К.Пятса от 21 июня 1940 г. и прекратило свое существование. Тем самым члены этого правительства утратили свои полномочия. Эмигранты говорят, что в 1941 г. при немецко-фашистских оккупантах были сделаны попытки восстановления буржуазного правительства, но безрезультатно. Именно бывший премьер-министр Ю.Улуотс, послушный слуга оккупантов, направил 29 июля 1941 г. коменданту города Тарту меморандум, в котором предлагал свои услуги и содействие оккупационным властям при управлении страной. В этом же меморандуме он заикнулся о восстановлении буржуазного правительства и армии, об их пользе для оккупационных властей. Несколько дней спустя такой же меморандум был направлен в Вильянди командиру 18-ой армии генерал-лейтенанту фон Кюклеру. Но никакого ответа на эти меморандумы не последовало. В частном разговоре один из руководящих офицеров немецкой армии сообщил, что оккупанты не восстанавливают ни одного национального правительства в оккупированных странах. ¹

Надежды на восстановление буржуазного правительства возникли в 1943 году, когда министр иностранных дел фашистской Германии - Риббентроп, планировал создать в Эстонии какой-то орган с совещательной компетенцией для более успешного проведения мобилизации эстонцев. Такое предложение было сделано главварем оккупационных властей Липманом Ю.Улуотсу, который ответил, что для решения такого важного вопроса, он должен посоветоваться с лидерами политических партий. С 21 по 23 октября - 1943 г. состоялось совещание, в котором приняли участие лидеры бывших политических партий, представители церкви и экономических кругов. Участники совещания пришли к выводу, что для успешного проведения мобилизации, оккупационные власти должны предоставить эстонцам (читай: эстонской буржуазии) возможность восстановить свое конституционное правительство. Соответству-

¹ См. Vaba Eesti, 1972, 29 февраля.

ющий ответ, с приложенной к нему объяснительной запиской, был вручен Ю.Улуотсом и Е.Кантом Лицману, который сразу же эти бумаги бросил в корзинку. Эмигранты сами утверждают, что после этого события они потеряли всякую надежду на восстановление своего правительства в оккупированной Эстонии. После этого события началась подготовка к созданию нелегального правительства. На совещании председателей бывших политических партий 23 марта 1944 г. был создан нелегальный Национальный комитет Эстонской Республики как подпольный верховный орган власти. В состав комитета вошли по 2 представителя от каждой политической партии и по 2 представителя от национальных кругов Таллина и Тарту. Председателем комитета был выдвинут сперва К.Лийдан и потом - О.Тийф. 18 сентября 1944 г. Национальный комитет образовал подпольное правительство Эстонии. Х.Марк пишет, что будто бы председатель Национального комитета К.Лийдан встретился в Швеции с Ю.Улуотом и последний согласился признать Национальный комитет верховным органом власти в Эстонии и дал указание Национальному комитету взять власть в Эстонии в свои руки. Но эмигрантский историк Л.Каркпяэ находит, что утверждения Х.Марка не отвечают действительности. Он пишет, что ему не удалось установить факт встречи К.Лийдана с Ю.Улуотсом. По его мнению состояние здоровья Ю.Улуотса не позволило организовать эту встречу. Некоторые деятели эмиграции стараются утверждать, что именно организованное в Эстонии 18 сентября 1944 г. нелегальное правительство эмигрировало за границу и нынешнее "правительство в эмиграции" является его наследником.

Такие утверждения эмигрантов юридически неоправданы. "Правительство в эмиграции", не может сопрягать свое существование с находившимся в Эстонии каким-то нелегальным "правительством". Кроме того, как мы выше видели, реальное существование такого нелегального правительства находится под вопросительным знаком. Исходя из того, что такое нелегальное "правительство" было организовано в последнюю минуту перед освобождением Эстонии Советскими войсками от немецкой оккупации, оно не могло выполнить и не выполняло каких-либо правительственных функций. На освобожденной от оккупантов территории восстанавливалась Советская власть, деятельность Советского правительства Эстонии.

То обстоятельство, что провозглашение и деятельность "правительства в эмиграции" не согласуется даже с Конституцией буржуазной Эстонии, признают и многие эмигранты. В Конституции (ст.52) было указано, что в случае, если премьер-министр не может выполнить своих обязанностей, его временно замещает самый старший член правительства. Историк Л.Карупяэ обращает внимание на то, что в составе первого, провозглашенного в открытом море "правительства" не было ни одного члена бывшего правительства и таким образом, по его мнению, это "правительство" является неконституционным. Следовательно, неконституционными являются и все другие "правительства" в эмиграции, считавшие или считающие себя правопреемниками этого первого "правительства". Он находит также, что должность премьер-министра с полномочиями президента не предусмотрена в Конституции и по его мнению, употребление этого термина является злонамеренным и серьезным нарушением положений Конституции. Он удивляется, как лидеры эмигрантов могут пользоваться такими терминами, которые не имеют никакой связи с Конституцией. ¹

"Правительство в эмиграции нельзя считать законным правительством и из-за того, что ни одно иностранное государство его не признало. На родине своей территории, народом созданное правительство может существовать и выполнять свои функции без признания со стороны других государств. Как известно, Советский Союз существовал и успешно строил социализм, несмотря на то, что буржуазные государства продолжительно его не признавали. Длительное время империалистические державы также не признавали ГДР, КНР, МНР и ДРВ. Но все эти государства под руководством своих правительств существовали и развивались дальше. Правительство же в эмиграции не может являться законным правительством и выполнять свои функции без признания его со стороны других государств, по крайней мере со стороны государства, на территории которого находится эмиграционное правительство. Без признания оно может существовать только нелегально, как группа частных лиц, которые не имеют никаких прав и привилегий, обычно принадлежащих членам признанного

¹ Eesti Paevaleht, 1972, 22 марта

правительства. Известно, что некоторые буржуазные государства (в том числе и США) не признают до сих пор Советскую Эстонию и ее добровольное вступление в Советский Союз на правах суверенной союзной республики. На территории этих государств существуют до сих пор какие-то лица ("консулы"), которые считаются представителями буржуазной Эстонии. Но эти государства не признают "правительства Эстонии в эмиграции". Кстати, его не признают и те лица, которые действуют в некоторых буржуазных странах "официальными" представителями несуществующей буржуазной Эстонии. Эти "официальные" представители даже протестовали против посланного "эмиграционным правительством" западным странам меморандума, в котором было сказано, что названное "правительство" руководит "борьбой за освобождение Эстонии" совместно с "заграничными представительствами Эстонии и других прибалтийских республик". "Официальные" представители просили не создавать впечатления, будто бы они действуют совместно с "эмиграционным правительством" ¹.

На телеграмму, в которой сообщалось, что "премьер-министр с полномочиями президента" Эстонии А.Рей посетит США, бывший "генеральный консул" Ю.Кайв ответил, что "выступление А.Рейа в США в качестве главы государства в условиях, когда его не признают Соединенные Штаты, вредно для наших дел" ². Ю.Кайв просил эмигрантов не пользоваться не признанными со стороны других правительств титулами. Он назвал членов эмиграционного правительства "самозванными оккупантами" ³.

Эмигранты утверждают, будто бы знаками международного признания "эмиграционного правительства" является присылаемые ему поздравительные телеграммы по случаю "национального праздника", прием членами парламента или правительства членов "эмиграционного правительства" или упоминание буржуазной Эстонии в опубликованных в печати статьях или выступлениях официальных лиц. Как правило, правительства этих отдельных буржуазных стран,

¹ Eesti Päevaleht, 1972, 22 марта.

² Там же.

³ Там же.

которые ещё не признали Советскую Эстонию, посылают поздравительные телеграммы лицам, которые считаются "официальными представителями" буржуазной Эстонии в этих странах. Но эти телеграммы направляются, как сказано, "официальному представителю" когда-то признанной буржуазной республики Эстонии, и такие телеграммы не являются выражением признания самозванного "правительства". Знаками признания не являются и приемы и беседы. Таким образом буржуазное "правительство в эмиграции" является фактически нелегальным учреждением, не имеющим прав и возможностей выполнять функции правительства.

Тот факт, что нельзя говорить о "правительствах" буржуазных прибалтийских республик в эмиграции", признают и западные авторы. Так, например, английский автор Гефтер пришел к выводу, что "утверждения о существовании эмигрантских правительств Прибалтийских государств являются фикцией" I.

Какие цели преследует в своей деятельности "эмиграционные правительства"?

Ответ на этот вопрос мы можем найти в периодической печати эмигрантов. Бывший министр "эстонского правительства в эмиграции" А. Варма, писал, что главной задачей "правительства в эмиграции" является найти союзников для решения "эстонского вопроса", что, по его утверждению, является одной из проблем всей Европы. Под "эстонским вопросом" они понимают ликвидацию социализма и восстановление буржуазного строя в Эстонии. Для достижения этих реакционных целей они ищут союзников среди фашистских элементов западной Германии, которые тоже мечтают о ликвидации социализма в ГДР, ПНР и Советской Прибалтике и восстановления в этих республиках власти немецких колонизаторов. Сближение правящих кругов буржуазной Эстонии с германскими нацистами началось еще до второй мировой войны. Уже тогда главнокомандующий вооруженными силами Эстонии Ю. Лайдонер предлагал не напоминать о 700-летнем рабстве эстонского народа и говорить лишь о том положительном, что дала эстонцам власть немецких рыцарей над нашей страной. Такую же политику

I

Hefter. The Prospects of the Baltic Diplomats in London.-
"The Diplomat", 1961, august.

проводят и лидеры эстонских эмигрантов. Они говорят об исконной дружбе между "немецким и эстонским народами", о "совместной борьбе" эстонского и немецкого народов против русских. Наконец, они договариваются до того, что во второй мировой войне эстонцы совместно с немцами вели борьбу против коммунизма.

Все это лишний раз показывает, как далеко могут идти реакционеры в извращении истории. Наивно говорить о том, что находившийся в рабстве эстонский народ участвовал в управлении страной вместе с немецкими рыцарями. Действительно лишь некоторые эстонские капиталисты и кулаки и их отпрыски участвовали в боях против Советского Союза в составе фашистской армии. Но свора изменников Родины - это не народ. Эстонский народ (рабочие, крестьяне, передовая интеллигенция) совместно со всеми народами СССР, с Советской Армией героически боролся против немецких захватчиков и внес долю в освобождение Эстонии от немецко-фашистской оккупации, в достижении победы свободолюбивых народов над фашизмом во второй мировой войне.

За границей продолжают действовать некоторые организации, которые были основаны и существовали когда-то в буржуазной Эстонии (студенческие союзы и корпорации, молодежные организации, отдельные политические партии и др.). Все эти организации продолжают свою деятельность на основе уставов, которые были выработаны и утверждены в буржуазной Эстонии. Деятельность этих организаций находится под влиянием реакционных кругов эмиграции. В частности, эти круги факт существования таких организаций используют в качестве аргумента, якобы подтверждающего существование до сих пор буржуазного эстонского государства. Рассуждение более чем наивное, рассчитанное на неразборчивого потребителя. Но в этой связи стоит поговорить вот о чем. Большинство членов этих организаций молодые люди, родившиеся за рубежом и даже не видевшие Эстонию. Лидеры эмигрантов используют эти организации для распространения среди эмигрантов и их потомков реваншистских идей под маской национализма. В сущности деятельность этих организаций наносит вред добрососедским отношениям между государствами и народами, делу укрепления прочного мира в Европе. Лидеры эмигрантов гово-

рят о "возвращении на родину", но готовы для этого толкать человечество на ужасы третьей мировой войны. Деятельность руководимых ими организаций эмигрантов находится в полном противоречии с положениями Хельсинского заключительного акта. В свете этих положений государства, на территории которых находятся такие организации, должны запретить их деятельность. Чем раньше будет ликвидировано незаконное, самозванное эстонское "правительство в эмиграции", тем лучше для интересов добрососедского сотрудничества народов.

Что касается честных эстонских эмигрантов, желающих вернуться на родину и работать на благо дальнейшего процветания социалистической Эстонии, то для них граница Родины всегда открыта.

М. А. Максимайтис

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИТОВСКИМИ ФАШИСТСКИМИ ИДЕОЛОГАМИ
КОНЦЕПЦИИ СОЛИДАРИЗМА
ДЛЯ ОПРАВДАНИЯ ОТМЕНЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СВОБОД

Отказ от демократии, как средства формирования воли господствующего класса, ведет фашистское государство к отрицанию демократических прав и свобод граждан. Оно выражается в форме полной отмены прав и свобод, или обхода их молчанием, или наконец, в форме сведения их на нет системой различных ограничений¹. Причем фашистским государством иногда с предельной интенсивностью применяются свойственные буржуазно-либеральным странам ограничения, иногда же они создаются в результате тоталитаристских стремлений фашизма.

В отличие от буржуазно-либеральной концепции, допускающей ограничения прав и свобод, но обычно оставляющей определенный простор для проявления личной инициативы, фашистское тоталитарное государство, исходя будто-бы из интересов общества, нации, государства, фактически - монополистического капитала, стремится к полному подчинению деятельности граждан, в том числе, - связанной с осуществлением ими элементарных прав и свобод.

Используемый как одно из средств для привлечения граждан к активному содействию фашистскому государству, институт прав и свобод приобретает совершенно иное содержание, означающее не что иное, как фактическую его отмену.

Для теоретического обоснования подобной метаморфозы традиционного института, в фашистскую идеологию была интегрирована буржуазная концепция солидаризма, особенно широкой популярностью пользовавшаяся в начале XX века.

Осуждая индивидуалистическую доктрину о естественном человеке как изолированном существе, оторванном от других людей, от общества, солидаризм пытается изобразить права личности как его общественный долг, направленный на обеспечение солидарнос-

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908, с. 674.

ти общества - "все члены общества обязаны в силу норм права ничего не делать, что противоречило бы социальной солидарности, и делать всё, что в их власти, для обеспечения ее реализации" ¹. В концепции солидаризма, в целом выступающего против классовой борьбы, противопоставляющего ей солидарность членов общества, находило свое отражение свойственная империализму тенденция к разрушению буржуазно-демократических свобод, к попранию прав личности.

Идея солидаризма, подменяющая демократические свободы, обязанностью содействия мнимой солидарности членов нации и была взята на вооружение фашизмом. Фашистская идеология, обосновывая тоталитаристские стремления, подчеркивала активную роль государства в деле определения характера поведения людей, якобы направленного на удовлетворение интересов нации. Характер же поведения людей определяется государством, главным образом, посредством установления системы их обязанностей.

Фашизм объявил государство необходимой уздой для сдерживания дурных инстинктов человека. Утверждалось, что не государство существует ради индивида, а, наоборот, индивид существует для государства: "Для фашизма государство является абсолютом, по отношению к которому индивиды и группы являются релятивами" ². Противопоставляя нацию индивиду, фашизм отрицал и индивидуальную свободу как высшую ценность, на которой базируется конституционное право буржуазного государства. Формула фашистского тоталитаризма "все в государстве и ничего вне государства" не оставляла места для каких бы то ни было критериев в оценке того или иного действия, кроме критерия соответствия его интересам государства ³.

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908, с.674.

² Mussolini B. Fašizmo doktrina. Kaunas, 1935, p. 36.

³ Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919- 1929 гг. М., 1968, с. 342.

Идеология литовских фашистов, касающаяся отношений между государством и индивидом, полностью придерживалась концепций, заимствованных у западноевропейских единомышленников. В центре их внимания находилось обоснование всеобъемлющей активности государства, его приоритета над личностью: "Государство сегодня уже не может нигде играть роли ночного сторожа, как в свое время провозглашали сторонники либерализма" 1, "все государству, ничего сверх государства, ничего рядом с ним и ничего против него. Государство - организм, в котором сосредотачиваются политические, культурные, социальные, хозяйственные нужды всего населения. Там они созревают, там их согласуют, от туда наконец, исходят новые мысли и подвиги" 2. Во имя единства нации, солидарности, ее членов фашистское государство, якобы, "не может довольствоваться, как это делает либеральное государство, всего лишь регистрацией фактов и материальных побед духовной жизни индивидов, а должно формировать их духовную жизнь, устанавливать пределы возможного. Это право никому другому не принадлежит, как государству и только государству" 3.

Проблема "разумного и целесообразного определения отношений между индивидом и государством, между правами и обязанностями" занимала одно из центральных мест в идеологии фашизма в Литве 4. Главными идеологами фашизма в Литве являлись правящая фашистская партия - союз таутиников /националистов/, а также президент республики и "вождь нации" А.Сметона. В писаниях другого идеолога таутиников И.Тамошайтиса подчеркивалось, что существуют "социально-этические обязан-

¹ Gražiškis P. Vieninga tauta - vieninga spauda. Kn.: 1926-1936 gruodžio 17-tosios dešimtmetis.- Kaunas, 1936, p. 60.

² Daumantas A. laikraštis, viešoji nuomone, valstybe.- Vairas, 1934, Nr.2, p. 184.

³ Ašmuo ir valstybe.- Lietuvos aidas, 1934, Nr. 8.

⁴ Там же.

ности отдельного человека, его обязательства перед обществом, государством. Отдельный человек обязан помочь обществу в его созидательной деятельности" 1.

Приведенное высказывание находилось в явном противоречии с элементарными требованиями демократии, представляющей интересы индивида. " В демократии не человек существует для закона, - писал К.Маркс, - а закон существует для человека; законом является здесь человеческое бытие. между тем как в других формах государственного строя человек есть определяемое законом бытие" 2.

Требую помощи и содействия от всей общественности, правящие круги Литвы скрывали классовую сущность фашистской диктатуры, широко использовали для этой цели пропаганду классовой гармонии, сотрудничество всех слоев общества в рамках национального государства противопоставлялось классовой борьбе. "Не дела одного общественного сословия, а бытие всех, больших и малых, составляет заботу нации" - провозглашал А. Сметона 3. Правительство, якобы, стремится "к созданию такого политического строя, который положил бы конец раздроблению нации на противоположные, борющиеся между собой группы" 4. Высшим, объединяющим людей началом объявлялась нация, в центре внимания находилась пропаганда национализма.

Конечно, подобные рассуждения не были оригинальными, ибо буржуазия всегда старается внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам

1 Tamošaitis I. Asmuo ir bendruomenė.- Vairas, 1937, Nr.5, p. 12.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т.1, с. 252.

3 Smetona A. Pasakyma parašyta, p. 280.

4 Realisi suprasikime tautos vienybe.- Lietuvos aidas, 1936, Nr. 464.

дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных, против богатых и сильных и т.п." ¹. Их цель заключалась в создании иллюзии, будто-бы фашистское государство отстаивает общие интересы, а не интересы отдельно взятых классов или социальных групп.

Конституция и законодательная практика Литвы в годы фашистской диктатуры шли по пути постепенного отхода от либеральной формы свертывания демократических прав и свобод граждан к форме, основывавшейся на концепции солидаризма.

Проследивая судьбу демократических прав и свобод в Литве в условиях фашистской диктатуры, берущей свое начало 17 декабря 1926 г., необходимо учесть, что уже в годы парламентаризма буржуазно-демократические права и свободы были существенным образом ограничены из-за нелегального положения коммунистической партии, постоянным использованием в классовой борьбе чрезвычайного положения и т.п.

Дальнейшее свертывание демократических прав и свобод граждан фашистским государством протекало путем активизации деятельности властей, проходившей на основании соответствующего законодательства, уже использованного в период парламентаризма. Конституция Литвы 1928 года ², в смысле формы провозглашения прав и свобод граждан и их ограничения, соответствовала буржуазно-либеральным конституциям: объем прав и свобод определялся сопровождаемыми конституционные нормы оговорками, отмеченными еще К.Марксом относительно французской конституции Второй республики ³, подробное истолкование которых давало текущее законодательство.

Однако усилие революционной борьбы трудящихся, активизация оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных организаций,

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т. 5, с. 74

² Vyriausybės žinios, 1928, Nr. 275.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 8, с. 132.

имевшие место в начале сороковых годов в связи с разразившимся экономическим кризисом, тягостно отразившимся на положении широких слоев общественности, толкнуло фашистское правительство Литвы на перестройку своего отношения к институту прав и свобод в духе концепции солидаризма.

Ярким примером правового воплощения приспособленной к политическим стремлениям фашизма идеи солидаризма, представляет собой положение Закона о печати 1935 года I, предоставившее премьер-министру, либо по его поручению другому лицу, право отдачи указаний издателям и редакторам газет об обязательной публикации материалов или о более детальном совещании определенных явлений государственной или общественной жизни. Реализация предписаний закона осуществлялась, и материалы, подлежащие опубликованию в обязательном порядке, предоставлялись редакциями газет Отделом внутренней информации Литовского телеграфного агентства /Эльта/ 2.

Указанная мера в отношении печатных изданий пропагандистам идеи таутиников объяснялась стремлением государства включить "в созидательную работу" всю печать, в том числе и газеты буржуазной оппозиции 3. Указывалось, что "механизм цензуры, из-за оборонительного характера ее деятельности, во многих отношениях является недостаточно совершенной формой государственной политики относительно печати... Против политической, экономической и моральной деструкции тоталитарное государство ведет явно-последовательную и строгую наступательную борьбу" 4.

¹ Vyriausybės žinios, 1935, Nr. 510.

² Ruželytė O. Konstitucine žodžio ir spaudos laisvė buržuazinejs Lietuvoje ir tikrove. Kn.: Buržuazines valstybines teisines koncepcijos, ju taikymas Lietuvoje ir kritika.- Vilnius, 1972, p. 119.

³ Gražiškis P. Vieninga tauta - vieninga spauda. Kn.: 1926-1936 gruodžio 17-tosios dešimtmetis, p. 59.

⁴ Daumantas A. Laikraštis, viešoji nuomone, valstybe.- Vairas, 1934, Nr. 1, p. 64.

Законом о печати была узаконена коварная мера, непосредственно направленная на то, чтобы руками оппозиции способствовать усилению влияния правящей группировки на массы, пропагандированию политики правительства. Так, Отдел внутренней информации, в связи с приближающимися в 1936 г. выборами в сейм, обязал редакторов на первых страницах газет крупным шрифтом помещать призывы к гражданам, поощряющие их активное участие в голосовании ¹. Получилось так, что оппозиционные политические течения, осуждавшие антидемократические выборы и склонявшие своих сторонников к их бойкоту, в своих газетах должны были призывать читателей к избирательным урнам. Оппозиционные течения временно прекратили издания своих газет. В ответ на это явное нежелание оказать содействие правительству, постановлением министра внутренних дел редактора были отстранены от должностей, а выпуск газет - приостановлен ².

Подобным образом фашистское государство стремилось к подчинению себе организационной деятельности граждан. Позицию литовского союза таутиников и фашистского правительства относительно содержания свободы союза и обществ совершенно определенно высказал председатель союза таутиников и премьер-министр Д.Тубялис, отметивший необходимость превращения союзов и обществ граждан в надежную опору государства, принятия ими активного участия в деле развития национального единства. По его же словам "государство должно заботиться об общественных организациях, об их деятельности и устанавливать направление этой деятельности, соответствующее целям государства" ³. Со всей очевидностью им подчеркивалась обязанность общественных организаций вносить позитивный вклад в дело развития воображаемого единства нации.

¹ Lietuvos TSR istorijos šaltiniai.- Vilnius, 1961, t. 4, p. 619.

² Opoziciniai dienraščiai sustabdyti vienam mėnesiui.- Tritis, 1936, Nr. 25, p. 594.

³ Tubelis J. Organizuota visuomenė turi būti valstybės rams-tis.- Lietuvos aidas. 1936, Nr. 55.

В комплекс мероприятий правительства, направленных на осуществление упомянутой задачи, в первую очередь входило закрытие всех политических партий, за исключением союза тау-тининков, что и было осуществлено в феврале 1936 года². Большое внимание уделялось расширению сети родственных союзу таутининков общественных организаций - политических, экономических, культурных; некоторым из них, путем издания специальных законов, был присвоен публично-правовой статус.

Согласно идеологии таутининков, путь к национальному единству лежал через создание так называемой "организованной нации", под которой, как явствует из доклада, апробированного центральным правлением союза, понималось вовлечение в сеть санкционированных государством организаций всех ее членов с тем, чтобы они могли "ощутить важность общенациональных дел"². В действительности создание "организованной нации" должно было, по замыслу авторов идеи, направлять деятельность граждан по руслу, угодному для правящих реакционных кругов.

Следует заметить, что несмотря на усилия фашистского правительства и союза таутининков по вовлечению населения в фашистские организации, их эффект был незначительным. Даже реакционные эмигранты, глядя на минувшие дни через призму истории, сейчас вынуждены признать, что попытки таутининков "добиться объединения и консолидации народа привели к противоположным результатам."³

Важной формой внедрения в жизнь идеи об активной позиции фашистского государства в сфере общественной жизни граждан, явилось учреждение в 1938 г. при главе правительства Управления общественной деятельности. Официальная задача упомянутой институции, изложенная в специальном законе, заключалась в воспитании "национальной и государственной сознательности" граждан. Ее деятельность распространялась на устную агитацию,

¹ Partijos uždarytos.- Lietuvos aidas, 1936, Nr. 60.

² Центральный государственный архив Литовской ССР, ф. 554, оп. 2, д. 70, л. 85-86.

³ Trumpa V. Lietuviškoji kal re istorinėje perspektyvoje.- Metmenys, 1967, Nr. 14, p.32.

печать, общество, искусство I. Создание Управления означало еще одну попытку к достижению всеобъемлющего подчинения общественной деятельности граждан интересам фашистского государства.

В наиболее концентрированной форме идея о необходимости полного соответствия гражданских прав и свобод с интересами нации и государства была выражена в фашистской конституции Литвы 1938 года ², изданию которой предшествовала широкая кампания по публичному опорочиванию буржуазно-демократической конституции Литвы 1922 года.

В качестве основного аргумента были использованы утверждения о том, будто-бы многие народы, воссоздавшие после первой мировой войны свои государства, в обстановке "всеобщего триумфа демократии" допустили примерно те же просчеты, что и руководители французской буржуазной революции: слишком увлеклись нереальными концепциями, слишком идеально смотрели на природу людей, и допустили крайности в понимании свободы ³. Принявший Конституцию 1922 года Учредительный сейм обвинялся в том, что он "определил форму нашего государства исходя их шаблонов классической демократии, которые, основанные на крайнем индивидуализме, создали государственный строй не для литовца, не для литовской нации, а для индивидов, проживающих на территории литовского государства" ⁴.

В этой связи необходимо заметить, что критические высказывания сторонников фашизма по поводу крайностей в понимании свободы авторами конституции не имели основания: конституция содержала в себе лишь соответствующие декларации, не подкрепленные никакими гарантиями.

¹ Vyriausybės žinios, 1938, Nr. 617.

² Vyriausybės žinios, 1938, Nr. 608.

³ Alantas V. Revoliucija iš arti.-Vairas, 1939, Nr. 18, p.326.

⁴ Nausėdas K. Tauta 1938 metu konstitucijoje.-Vairas, 1939, Nr. 21, p.372.

Фашистская же конституция Литвы создавалась под воздействием иной идеологии, а институт прав и свобод в ней наполнялся иным содержанием.

В полном соответствии с отношением фашизма к государству и гражданину, конституция подчеркивала подчинение второго первому: "Государство гражданину является основой существования его самого" (ст. 16). Данное конституционное положение стало исходным относительно других норм, определяющих правовое положение личности.

Учитывая отношение фашистской идеологии к псевдоколлективизму, обязывающему индивида беспрекословно раствориться в массе людей, конституция фиксировала примат коллектива над индивидом. Именно этим объясняется, что вместо основных общепринятых политических свобод граждан, имеющих индивидуальный характер, конституция провозглашала всего лишь свободу общественной деятельности, которую государство обязалось охранять, однако, "следя, чтобы она не шла по опасному для государства направлению" (ст. 25).

Упомянутая конституционная норма не содержала в себе обычных оговорок, означавших упразднение свободы и предоставляющих правовую базу для их ограничения, обосновывающих ведение государством оборонительной борьбы против тех, кто, с точки зрения правящих кругов, злоупотребляет правами, использует их против интересов господствующего класса.

Конституция фиксировала, что любая общественная деятельность граждан, в особенности в печати, обществах и собраниях, должна осуществляться лишь в полном соответствии с интересами фашистского государства. Она имела в виду свободу сотрудничества с фашистской печатью, свободу участия в деятельности фашистских организаций и т.д. Свое правовое воплощение здесь получила идея, выразившаяся в том, что государство обязано не предоставлять кому-либо право проявления нелояльности по отношению к себе, что даже против готенциальных нарушений установленного порядка оно должно вести наступательную борьбу.

Воплощая в конституции идею "об обязательном позитивном воздействии общественной деятельностью граждан" на фашистское государство, авторам конституции Литвы 1938 года воспользова-

лись в качестве примера ст. 5 Конституции Польской республики 1935 года ¹, которая гласила, что государство обеспечивает гражданам свободу совести, слова и союзов, причем "пределом этих свобод является всеобщее благо". Комментируя это положение конституции Польши, печать литовского союза таутининков подчеркнула, что оно представляет собой "разумный синтез гражданских прав и обязанностей, соответствующий требованиям времени" ².

Таким образом обе конституции по существу в одинаковой форме закрепляли не права отдельного гражданина, а обеспечивали интересы фашистского государства, используя для этой цели "деятельность гражданина".

Конституция Польской республики 1935 года не имела специальной главы, посвященной правам и свободам граждан, она ограничивалась одним выше упомянутым положением. Конституция же Литвы 1938 года правовому положению граждан посвятила весь третий раздел, названный "Права и обязанности граждан", в котором провозглашался каталог личных свобод граждан - неприкосновенность личности, жилища, тайна сношения, свобода переселения и выбора местожительства (ст. 21-24). Все они, подобно буржуазно-либеральным конституциям, были снабжены привычными оговорками, предусматривающими возможность ограничения перечисленных свобод в целях "государственной безопасности" либо "борьбы с преступлениями". А ст. 140 содержала традиционное положение о возможности ограничения или приостановления провозглашенных прав и свобод в силу действующего чрезвычайного положения. Разумеется, в новой трактовке этого конституционного института, упомянутому положению по существу придавалось субсидиарное значение.

Непосредственное отношение к правовому воплощению фашистской концепции о классовом сотрудничестве имела конституционная регламентация вмешательства государства в социальную

¹ Конституции буржуазных стран.-М.-Л., 1935, т. I, с. 226.

² Dirmeikis B. T. Naujoji Lenkijos konstitucijas.-Vairas, 1937. Nr. 2, p. 184.

область в качестве своеобразного арбитра, посредника в отношениях между трудом и капиталом, в действительности же проводника интересов класса буржуазии.

Конституция 1938 года содержала в себе ряд статей, определявших активную позицию государства в отношении труда (ст. 44-47), здоровья и социального обеспечения (ст. 57-60), семьи и материнства (ст. 34-35), воспитания и просвещения (ст. 36-43). Эти конституционные положения в основном были изложены в форме социальных прав граждан, хотя они были помещены за пределами раздела, посвященного правам и обязанностям. Вместе с тем преследовали цель популяризации режима, расширения социальной базы фашизма, доказывания того, что рабочий класс в фашистском государстве пользуется всеми "благами", наравне с другими членами общества.

Подобные, явно демагогического характера положения, были подхвачены фашистской пропагандой и использованы по назначению "Сегодня слегка начинает проясняться поднебесье рабочего класса, - патетически воскликнул И.Тамошайтис.- ...Рабочий видит и чувствует, что государство, не давая в обиду своих граждан, считает его не приемным сыном, а настоящим сыном нации" ¹.

Конституционные положения о труде, социальном обеспечении и т.п., открывали простор для активного государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь в интересах капитала.

Формальное сохранение и даже некоторое расширение каталога прав и свобод граждан в фашистской конституции, в отличие от буржуазно-либеральной, отнюдь не означало определения сферы, свободной от вмешательства государства в пользу инициативы отдельной личности. Фашистская конституция санкционировала максимальное вмешательство государства в общественную и хозяйственную жизнь, фактически закрепила политическое и социальное бесправие граждан.

¹ Tamošaitis I. Tautos vienybės kėliais. Kn.: Lietuva 1918-1938.-Ке́льнас, 1938, p.18.

Из сказанного следует, что фашистская идеология приспособила концепцию солидаризма для теоретического обоснования правового закрепления в фашистском законодательстве отказа от прав и свобод граждан. Отмена института прав и свобод осуществлялась путем предоставления государству активной роли в направлении деятельности граждан по руслу, отвечающему интересам господствующих эксплуататорских кругов. Такая практика представляла собой более изощренную форму отмены института демократических прав и свобод граждан.

З.В.Пятраускас

КОНЦЕПЦИИ БУРЖУАЗНЫХ ЮРИСТОВ О СТАНОВЛЕНИИ
БУРЖУАЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЛИТВЫ И
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В 1917-1918 гг. литовская буржуазия тесно сотрудничала с кайзеровскими оккупантами, надеясь с их помощью укрепить свои позиции и преградить распространение революционного движения. Результатом сотрудничества явилось создание с благословения оккупантов буржуазного Литовского совета. В принятом им 11 декабря 1917 г. решении, объявлялось о "восстановлении Литовского государства" и установлении прочного союза с Германией, в акте о "независимости", принятом Советом 16 февраля 1918 г., в кайзеровском манифесте от 23 марта 1918 г. - о признании "Литовского государства", в принятии основ монархической конституции и т.д.

Буржуазные литовские юристы и историки, защищая мнимые заслуги Литовского совета в создании буржуазного литовского государства, тенденциозно освещали происхождение и оценивали сущность указанных выше документов. В многочисленных исследованиях буржуазных и реакционных эмигрантских авторов послевоенного периода, предпринимается попытка реабилитировать литовскую буржуазию, активно сотрудничавшую с кайзеровскими оккупантами, изобразить ее главной движущей силой национально-освободительной борьбы литовского народа, восстановившую литовскую государственность. Антисоветские центры литовских реакционных эмигрантов пытаются объединить усилия с антисоветскими организациями других национальностей, прославляют буржуазную государственность Литвы, Латвии и Эстонии, пытаются дискредитировать советскую государственность прибалтийских республик, участвуют в идеологических диверсиях против Советского Союза I.

I Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Литовская, латышская и эстонская антисоветская эмиграция на службе империализма. - Рига, 1979, с.36.

Цель данной статьи - осветить генезис этих документов, дать их юридическую оценку, критически рассмотреть концепции буржуазных юристов по этим вопросам.

События 1917 г. (отзвуки февральской революции, способствовавшей росту сопротивления в оккупированных областях, затянувшаяся война, приведшая Германию к экономической катастрофе) вынудили правительство Германии внести определенные коррективы в политику по отношению к Литве. Все это уменьшало уверенность правящих кругов Германии в реальности прямой аннексии Литвы и постепенно привело к осуществлению так называемой "Литовской политики", суть которой состояла в заигрывании с литовской буржуазией: ей давались неопределенные обещания, создающие иллюзию того, что будто именно Германия может восстановить литовскую государственность. По сути же, эта политика преследовала цель еще больше замаскировать прежние аннексионистские планы¹. В вопросе о будущих формах литовской государственности как отдельные концепции правящих кругов, так и официальная правительственная программа формировалась более, чем туманно: термин "государственность" заменялся термином "восстановление", толкуемым как восстановление пострадавшего края.

В 1917 году круг литовских буржуазных деятелей, сотрудничавших с оккупантами значительно расширился. Это в некоторой степени определила политика буржуазного Временного правительства России по отношению к национальным окраинам, которое, в основном, проводило "...то же самое, царистское подчинение, ту же политику анексий"².

Но, основной причиной переориентации литовской буржуазии был страх перед тем, что революция "переметнется" в Литву. В Германии же приближение революционной грозы еще не ощущалось.

¹ Basler W. Deutschlands Anneksionspolitik in Polen und im Baltikum 1914-1918.- Berlin, 1962. S. 272.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.32, с.5.

Германское правительство по изложенным причинам склонялось к заигрыванию с местной буржуазией. И вожди литовской буржуазии не замедлили воспользоваться этим. 10 июля 1917 г. рейхсканцлер получил от них меморандум с первым упоминанием о возможности литовско-германского хозяйственного союза. I Прямое согласия на политическое подчинение Литвы в этом не было, но достаточно ясно, что союз с гораздо более развитым экономическим и значимым политически империалистическим государством никаких иных последствий иметь не мог.

2 июня 1917 г. литовские буржуазные политические деятели получили от германского правительства предложение сформировать Полномочный совет (*Litauischer Vertrauensrat*), причем исключительно для дачи информации, даже без прав совещательного органа. Отклика этот план не нашел по той простой причине, что участие в столь явно марионеточном органе означало бы для любого литовца, претендующего на влияние в своей стране, безусловное падение всякого авторитета. Ксёндз В.Бартушка прямо объясняет отказ местных буржуазных деятелей от этого нелепого предложения страхом перед "местью разъяренной толпы" ². Однако с самой идеей создания Совета они согласились, выдвинув лишь требование предоставить ему более широкую компетенцию, в том числе для контакта с местным населением и литовской эмиграцией. Епископ П.Карявичюс, видный либеральный деятель И.Басановичюс и А.Сметона вступили по этому вопросу в переговоры с оккупационными властями, которые согласились на созыв конференции, но без каких-либо выборов делегатов.

Был создан организационный комитет (в составе 22 членов) по подготовке конференции. Комитет заседал с I по 4 августа 1917 г. На первом заседании был рассмотрен вопрос о будущих границах Литвы, причем резолюция имела весьма расплывчатый ха-

¹ Klimas P. Der Werdegang des litauischen Staates vom 1916 bis zur Bildung der provisorischen Regierung im November 1918. - Berlin, 1919, s.57.

² Bartuška V. Lietuvos nepriklausomybes kryžiaus kelias. - Klaipėda, 1937, p.145.

ракти, а именно: "Территория Литвы устанавливается по этнографическому признаку с необходимыми для экономического развития страны коррективами"¹. За этой не совсем понятной формулировкой уже скрывался зародыш будущих притязаний поднимающей голову литовской буржуазии на территории некоторых соседних народов. В тот момент подобные притязания были тем комичнее, что правительство Германии "заказывающее музыку", не дало претендентам даже минимальных гарантий того, что Литва вообще получит политическую самостоятельность.

И тем не менее представители литовской буржуазии А.Сметона, И.Шаулис и П.Климас развернули агитацию за союз с Германией. Они заявили, что "надо брать, что дают - иначе можно не получить ничего"², ссылались на то, что будущая мирная конференция (а конец войны, конечно, уже можно было предвидеть, как и ее вероятный исход) "не сможет дать меньше того, что дали немцы"³.

Правительство Германии, давая согласие на работу организационного комитета, и не намеревалось дать ему возможность реально заложить основы будущего государства. Это было с его стороны всего лишь "отвлекающим маневром". Оккупационная администрация на местах получила из центра именно такие указания. Более того, в некоторых волостях открыто заявлялось об этом членам организационного комитета⁴. Естественно, что наиболее трезвомыслящие члены комитета высказали опасение, что Германия использует всю эту акцию (а впоследствии - и сам союз) исключительно в целях собственной выгоды. С.Кайрис прямо заявил, что речь идет о "безболезненном" способе окончательного порабощения Литвы. И.Шярная также высказался против са-

¹ Отдел рукописей Центральной библиотеки АН ЛитССР (далее - ОР ЦБ АН ЛитССР), ф.165-156, л.6.

² Там же, л.27.

³ Там же,

⁴ Там же, л.14.

мой идеи литовско-германского союза на том основании, что немцы "не оставят литовцам места в хозяйственной сфере" ¹. Однако противники литовско-германского союза не смогли противопоставить пронемецки настроенным членам комитета четкую позитивную программу, и на заседании 4 августа 1917 г. была принята следующая резолюция: "Литовский народ составляет независимое государство в этнографических границах. Поскольку в своих хозяйственных и культурных интересах Литва связана не столько с Востоком или Югом, а и с Западом, предполагается, что в будущем, по достижении независимости, Литва войдет в определенные, еще подлежащие уточнению отношения с германским государством - однако без ущерба независимому развитию Литвы" ². Достаточно ясно, что под Востоком и Югом подразумеваются Россия и Польша, а под Западом - Германия. Формулировка довольно витиеватая, но вполне однозначная.

Второй раздел резолюции предусматривал заключение с Германией военного и таможенного союза, а также почтово-транспортной конвенции. Большинством голосов было решено, что условия такого союза будут впоследствии уточнены "более полномочным учреждением", однако уже сами вступительные разделы резолюции заранее ограничивали "полномочия" будущего "учреждения" четким указанием - "Германия является опорой самостоятельности Литвы". 12 членов комитета проголосовали за эту резолюцию, 4 - против, 2 воздержались.

Надо сказать, что комитет, который по идее должен был лишь "расчистить путь" будущей широкой информации, явно превысил свои полномочия, приняв резолюцию сугубо политического характера и загодя ограничив круг вопросов, подлежащих решению этой будущей конференции. Цель подобного "порочного круга" совершенно ясна: направить дальнейшее течение событий в нужное русло.

¹ ОР ЦБ АН ЛитССР, ф. 165-156, л. 20.

Пришла пора созывать саму конференцию. Но как? Оккупационные власти навязывали свой способ кооптации делегатов - из узкого, тщательно апробированного круга, без каких-либо широких выборов. Ясно было, что сколоченный подобным методом орган, да к тому же выдвигающий идею тесного сотрудничества во всех областях с оккупантами, выглядел бы в глазах масс по меньшей мере неблагонадежно. Было решено направить в оккупационное управление делегацию, чтобы "утрясти" щекотливый вопрос. Делегация добилась - таки определенных уступок. Военная администрация, отклонив возможность каких-бы то ни было выборов, разрешила созвать подобие собраний по уездам. Члены организационного комитета отправятся в уезды, отберут там кандидатуры и доложат о них исполнительному бюро ¹.

Формально на конференцию должны были быть приглашены представители всех слоев общества. На деле же это даже не предполагалось: участие представителей враждебных буржуазии классов создало бы дополнительные трудности в ходе "проталкивания" нужных организаторам решений. Чтобы застраховаться от антинамецких выступлений, организационный комитет сам разметил повестку дня конференции, еще раз превысил свои полномочия и фактически предоставил делегатам детализировать условия предрешенного союза с Германией.

Все это было настолько непопулярно в народе, что сами организаторы вынуждены были признать, что в уездах их эмиссаров встречают недоверчиво, видя в агитации за созыв конференции очередную уловку оккупантов, а в самих эмиссарах - платных немецких агентов ².

Конференция приступила к работе 18 сентября 1917 г. Присутствовали 222 делегата от 32 уездов. Их кандидатуры были утверждены организационным комитетом. Большинство этих тщательно отобранных делегатов составляли представители духо-

¹ ОР ЦБ АН ЛитССР, ф.165-166, л.6

² "Lietuvos aidas", 1918. 1. 8. Nr.4.

венства (66), кулачества и буржуазии (отчасти буржуазной интеллигенции)¹. Трудящиеся слои населения не были представлены вовсе. Точнее сказать: среди приглашенных были два ремесленника. Естественно, что конференция могла выразить не волю литовского народа, а только волю местной буржуазии. И все же на конференции не обошлось без критики в адрес оккупантов.

А.Сметона выступил с речью, в которой сбивчиво убеждал делегатов, что хотя "чаяния народа ему неясны", все же "с точки зрения экономики, культуры, прошлого, настоящего и будущего следует высказаться за ориентацию на Запад, что поможет поставить литовский вопрос на широкий конференции"².

Дело, однако, было еще и в том, что "неясные" для будущего диктатора чаяния народа были совершенно определены. Народ не намерен был далее терпеть бесчинства немецких оккупантов. И представители либеральной и мелкой буржуазии не могли это игнорировать. Некоторые делегаты настойчиво протестовали против навязываемого союза с Германией, резонно указывая, что такой союз развяжет немцам руки и отдаст Литву в их безраздельную власть³. В одном из выступлений было даже выдвинуто предложение принять резолюцию протеста против решения организационного комитета⁴.

Однако группировка Сметоны смогла протолкнуть задуманное решение, сделав оппозиции лишь одну уступку в виде неопределенного по форме пункта о созыве Учредительного сейма для определения основ будущего государственного строя и платформы отношений с соседними государствами. В окончательном текс-

¹ LIŠ, t. 3, p. 91-92.

² Протоколы Литовской конференции. - Отдел рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета, ф. I-Д1775, с. 4.

³ Там же, с. 7, 10.

⁴ Там же, с. 6.

те резолюции было сказано:

"1. Свободное развитие Литвы требует ее преобразования в независимое демократическое государство в этнографических границах с необходимыми для экономической жизни коррективами. Для окончательного определения основ государственности независимой Литвы и ее отношений с соседними государствами должен быть создан в Вильнюсе Учредительный сейм, избранный демократическим путем всем населением.

2. В случае, если Германия согласится еще до мировой конференции признать независимость Литвы и поддержать Литву на мирной конференции, то мы признаем возможным для будущего государства установить с Германией определенные, еще подлежащие уточнению, отношения - однако без ущерба самостоятельному развитию Литвы" I.

За эту резолюцию проголосовали 202 делегата, 6 голосовали против, 6 воздержались.

I-ый пункт не определяет с должной ясностью, идет ли речь об отношениях со всеми соседями или же преимущественно с Германией. Зато 2-ой пункт проясняет вопрос: фактически в нем одобрены такие тесные отношения с Германией, которые далеко выходят за рамки нормальных дипломатических отношений.

Принятие этой резолюции было крупным успехом группировки, которую возглавлял А. Сметона и которая намерена была самолично вершить судьбу Литвы. Конференция нужна ей была только для одного: "собласти благопристойность", создать впечатление, будто этот пагубный путь избран не оккупантами, а законными представителями самого литовского народа.

Как уже подчеркивалось выше, сам подтасованный состав этой отрететированной конференции обеспечивал идею литовско-германского союза абсолютный успех. Большинство делегатов, как огня, боялось одного - подлинной демократии, голоса трудового народа, революционных выступлений в Литве. Чтобы избежать этого, они были готовы на что угодно.

¹ Karpukas V. Pirmoji Lietuvos proletarine revoliucija ir Tarybu valdžia. - Vilnius, 1958, p.198.

Конференция, как и намечалось, избрала Совет в составе 20 человек.

23 сентября члены Совета выразили признательность командующему Восточным фронтом германской армии за разрешение на созыв конференции и просили утвердить Совет и предоставить ему право сразу же, еще до окончания войны проявить заботу о представительстве Литвы¹.

Как же оккупационная администрация расценила происшедшее? Было ли завершено формирование Совета?

Оккупационная администрация заявила, что рассматривает состоявшиеся выборы единственно как способ выдвижения кандидатов в Совет, а не как правообразующий факт. 26 сентября в официальном органе "Дабартис", контролируемом оккупационной властью, сообщалось: "23 числа текущего месяца по приказу главнокомандующего Восточным фронтом начальник власти создал представителей народа и по их рекомендации сформировал Литовский совет в составе 20 членов"².

Показателен ответ начальника оккупационного управления Ф.Изенбург-Бирштейна И.Басанавичюсу: "Членами Совета данного края согласно приказу назначен господ, предложенных собранием края"³. 29 сентября последовало такое назначение. Следовательно, оккупационные власти бесцеремонно считали Совет своей, назначенной ими кратурой.

Да и сам А.Сметона признавал, что Совет не станет органом власти или управления. Вот его формулировка: "Сколько смысла это будет иметь практически - сказать трудно. Это была бы посредничающая инстанция". Чуть позднее тот же Сметона заявил: "Совет - следствие факта, а не юридической основы"⁴. Это уже яснее. А.Сметона пытается отмежевать Совет от избравшей его конференции и тем полностью развязать себе руки. Так это впо-

¹ LIŠ, t.3, p.92; "D.bartis", 1917.IX.29, Nr.78.

² "Dabartis", 1917.IX.26, Nr.77.

³ Там же.

⁴ ЦГА ЛитССР, ф. 1014, оп.1, д.21, л.116.

следствии и выглядело на практике, что кандидату в правители так "трудно" было предвидеть.

Правительство Германии упорно считало Совет совещательно-информационным звеном своего оккупационного аппарата (что ничуть не смущало членов Совета) и убеждало, что "предоставляя литовскому народу Совет, оно показало, что хочет оказать краю помощь и помочь Литве занять надлежащее место в мире" ¹. Что же это за место? "Дабартис" утверждала: "После войны обстоятельства неизбежно заставят Литву опереться на средневропейский союз" ².

5 октября 1917 г. Совет получил подготовленный оккупационным управлением проект своего статута из 12 параграфов, несколько отредактировал его, но не в существенных частях. Предусматривалось, что заседания Совета (раз в месяц) назначает начальник оккупационного управления. По собственной инициативе Совет собираться не мог. За президиумом оставлялось право ходатайства перед оккупационным управлением о созыве чрезвычайных заседаний. Повестку дня устанавливал начальник оккупационного управления по согласованию с президентом Совета. Для начала работы требовался кворум (2/3 состава). Решения принимались большинством голосов. О каких-либо функциях Совета по части создания государственности в этом документе и не упоминается.

О создании Литовского Совета вскоре стало известно в странах Антанты. 26 сентября в "Le Temps" появилась заметка: "Полагают, будто Германия готова на уступки. Отнюдь. Она кует свои победы. На свой лад она собирается обустроить Польшу, на свой лад — Курляндию и Литву" ³.

Для литовской буржуазии не были тайной ни планы германского империализма, ни действительная цель создания марионеточного Совета. Вывод из всего этого один: определенные слои ли-

¹ "Dabartis", 1917, X. 4, Nr. 79.

² Там же.

³ Цит. по кн.: Vartuška V., цит. соч., с. 150.

товской буржуазии, не веря в поражение Германии, свернули на путь коллаборационизма, прикрытого флером "независимости" с фасада. Этим они служили единственно собственным узкогрупповым интересам (являясь фактически прислужниками германского империализма), а Совет им был нужен только для отвода глаз, чтобы обмануть народ, увести его в сторону от справедливой борьбы с оккупантами.

Октябрьская революция и последовавшие за ней исторические декреты Советской власти оказали огромное влияние на рост революционного и национально-освободительного движения в странах, оккупированных Германией, и на революционный процесс в самой Германии¹. Тяжелое военное и экономическое положение вкупе с усилением сопротивления рабочего класса империалистической политике вынуждали германское правительство менять формы своей политики².

Даже самые ярые представители милитаристских кругов Людендорф и Гинденбург высказывались за заключение мира с Россией³. Однако правительству Германии были неприемлемы предложения советской стороны о мире без аннексий и контрибуций. Германское правительство пыталось прикрыть свои аннексионистские притязания на Западные окраины бывшей Российской империи (в частности, на Прибалтику) лозунгом самоопределения наций. Захватнические планы приходилось маскировать. 29 ноября 1917 г. канцлер Германии, выступая в рейхстаге, заявил: "Что касается земель, подвластных ранее царю: Польши, Литвы и Курляндии - то мы стоим за самоопределение этих народов"⁴. Заправилам тогдашней Германии становилось все яснее, что "вряд ли можно

¹ См.: Целт И., Рейссиг К., Хейнке В. О влиянии Великой Октябрьской революции на немецкое рабочее движение. - М., 1967.

² См.: Германская история в Новое и новейшее время. - М., 1970, т.2, с.8.

³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Раппальского договора (далее - СГС). - М., 1968, т.1, с.244.

⁴ "Dabartis", 1917.XII.1, Nr.104.

рассчитывать на то, что Литва станет немецкой" ¹. Это вынудило их рассматривать вопрос о Литве отдельно от вопроса о Курляндии.

По мере изменения политической ситуации правительство Германии приходило к идее активного использования Литовского совета как орудия борьбы против Советской России, а лозунг самоопределения использовать при этом как удобную ширму.

Литовская буржуазия, напуганная растущим влиянием идей Октября, рассчитывала встретить угрозу в союзе с германским империализмом ². Тут вплетается и еще один момент: местные националисты надеялись, что их заслуги перед немцами будут учтены.

Новая политика кайзеровской Германии проявилась в предложении канцлера Германии (1 декабря 1917 г.) Литовскому совету провозгласить восстановление независимого Литовского государства с одновременным пересмотром всех прежних связей. При этом он изъявил желание видеть литовско-германский договор, основанный на идее тесного единства в сфере обороны, связи и транспорта, таможенных порядков и валютного обращения ³. На этих условиях делегация Совета в тот же день подписала подготовленный германским ведомством иностранных дел предварительный текст договора. По этому документу Литва объявляла о своей независимости, расторжении всех существовавших прежде государственных связей и установлении новых, включая конвенцию с Германией. В протоколе подчеркивалось, что окончательные решения явятся прерогативой предстоящего Учредительного сейма. Примечательно, однако, что компетенция этого сейма уже заранее была ограничена следующим образом: "Литовский совет считает обязательным после признания Германией независимости Литвы сразу же установить между Литвой и Германией вечный и тесный

¹ Basler W. Цит. соч., с.285.

² Там же, с.286.

³ Navickas K. Didžiojo Spalio reikšmė lietuvių tautos valstybingumui atkurti ir įtvirtinti.- Kn.: Didysis Spalis ir Lietuva.- V., 1977, p.19.

союз".

Тем не менее все это вызвало решительное противодействие со стороны немецкого военного руководства. Даже такие, вполне прозрачные по смыслу, условия казались ему помехой на пути создания военного плацдарма на северо-востоке Европы. Конкретно эти опасения выражались так: "Это не даст гарантии присоединения Литвы в той мере, в какой этого требует безопасность наших восточных границ"¹.

6-7 декабря 1917 г. в Берлине состоялось совещание правительства и военного командования. Протокол, о котором шла речь, подвергся на нем значительным переделкам. В его варианте уже умалчивалось об Учредительном сейме и указывалось, что внешняя политика Литвы будет формироваться самим Советом (а в его позиции можно было не сомневаться) по согласованию с немецкой администрацией. Решено было продолжить согласование между правительствами немецких земель вопроса о присоединении Литвы персональной унией к Пруссии².

8 декабря Совет по требованию оккупационных властей решил провозгласить независимость Литвы на основе этого существенно отредактированного немецким командованием проекта³. Вскоре, впрочем, выяснилось, что немецкая сторона "перестаралась": на переговорах с Советской Россией ей требовалось такое решение Совета, которое создавало бы видимость свободного самоопределения. Поэтому германский МИД срочно договорился с военным командованием об отмене только что принятого чрезмерно откровенного решения. 10 декабря представитель канцлера и МИД фон Лерснер представил Литовскому совету еще один вариант проекта. И этот вариант был утвержден в тот же день, 15 голосами против 3, при одном воздержавшемся⁴. На следующий день он

¹Basler W. Цит. соч., с.288.

²Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands, 1914-1918.- Düsseldorf, 1961, S.610.

³ЦГА ЛитССР, ф.1014, оп.1, д.14, л.35.

⁴там же, л.36.

уже в качестве утвержденного решения был вручен оккупационному управлению и по его требованию подписан всеми членами Совета. В первой части решения Совет, охарактеризовав себя как "единственное полномочное представительство литовского народа", объявлял о восстановлении независимого литовского государства со столицей в Вильнюсе и о разрыве всех существовавших ранее государственных связей. Во второй части говорилось: "Совет страны, создавая государство и выражая решимость защищать его интересы на мирных переговорах, обращается к Германии с просьбой о помощи и защите. Ради жизненно важных интересов Литвы Совет высказывается за прочные и долговременные связи с Германией, выражаемые в первую очередь в военном союзе и валютно-таможенном единстве" ¹.

Впоследствии некоторые из членов Совета в оправдание этого позорного документа ссылались на насилие со стороны Германии. Так, первый литовский премьер-министр А. Вольдемарас писал: "Откровенная аннексия была бы более желательной, чем такая "самостоятельность", ибо в этом случае Литва смогла направить в рейхстаг своих делегатов для защиты прав литовского народа" ². По утверждению А. Вольдемараса, это решение было "вырвано у Совета силой" ³.

Факты, однако, показывают, что Совет не противился принятию этого документа, хотя и прекрасно понимал, что Германия использует его только в своих целях. А. Сметона декларировал: "Литовцы верят Германии. На деле она одна может спасти нашу угнетенную страну" ⁴.

Литовский народ безоговорочно осудил бы это решение, ко-

¹ LIŠ, t. 3, f. 92-93.

² Voldemaras A. La Lithuanie et ses problèmes. Tome 1. Lituanie et Allemagne.- Lille - Paris, 1933, p. 186.

³ Там же, с. 187.

⁴ "Dabartis", 1917, Nr. 98.

торое даже член самого марионеточного Совета С.Кайрис охарактеризовал как "акт аннексии Литвы" ¹. Поэтому в меморандуме, который Совет направил 12 декабря 1917 г. рейхсканцлеру, была выражена просьба разрешить в "независимой" Литве гражданское правление ². Поскольку обнародование решения от 11 декабря разоблачило бы Совет перед лицом литовского населения, он рассудил за благо не публиковать его целиком. Возникли разногласия. Чтобы избежать окончательного раскола, 8 января 1918 г. Совет принял компромиссный проект провозглашения независимости, состоящий из первого раздела преславутого решения от 11 декабря с дополнением, гласившим, что "в целях поддержания внутреннего порядка и добрососедских отношений с определенными государствами необходимо с возможной поспешностью обеспечить созыв Учредительного сейма, избранного всем населением Литвы" ³.

Оккупационные власти не соглашались на какие-либо изменения в решении от 11 декабря 1917 г. и требовали нотификации от Совета в адрес Советской России точно в той редакции, которая содержалась в первом разделе этого решения. Совет дал согласие, но при условии получения ясного ответа на три вопроса: 1) будет ли и если да, то когда именно, признана Германией независимость Литвы? 2) Когда германские войска будут выведены из Литвы? 3) Когда и на каких условиях власть в стране будет передана Литовскому совету? ⁴. Этот момент был обсужден с представителем МИД Германии Р.Надольным. Положительный ответ последовал только на первый из заданных вопросов,

¹ Kairys S. Nepriklausomybes akto išvakarėse. - "Kultura", 1938, Nr. 2, p. 87.

² ЦГА ЛитССР, ф. 1014, оп. 1, д. 14, л. 44.

³ Там же, л. 49.

⁴ Там же, л. 50.

так что легко было понять, что от оккупации Литвы правительство Германии не намерено отказываться¹.

На заседании Совета 26 апреля 1918 г. А.Сметона заявил Совету, что окончательный ответ на упомянутые вопросы будет получен специальной делегацией, отправляющейся в Берлин для нотификации решения от 11 декабря 1917 г., и в ультимативной форме предупредил, что если Совет не удовлетворится полученным ответом, то президиум подаст в отставку. Звучало это так: "Отменой решения 11 декабря отменяется и Совет"².

Большинство Совета проигнорировало требование левого крыла аннулировать решение от 11 декабря 1917 г. и одобрило предложенную А.Сметоной формулировку.

26 января 1918 г. правительству Советской России была направлена нота, состоявшая из первого раздела решения от 11 декабря 1917 г. и дополнительного заявления о выходе Литвы из состава России и образовании независимого литовского государства³.

Однако независимости Германия Литве не предоставила, и положение Совета стало крайне двусмысленным. Не помогло и принятое 28 января 1918 г. решение аннулировать все данные Германии обеспечения, если она не признает независимости Литвы⁴. Правительство Германии и не думало использовать эту игру в каких-либо целях, кроме собственных.

В феврале 1918 г. канцлер Гертлинг обязал шефа администрации прибалтийских областей фон Фалкенхаузена принять меры к тому, чтобы "Литовский совет позитивно действовал в целях отражения большевистских, социалистических и польских тенденций в Литве" и были подготовлены конвенции, предусмотренные

¹ Цит. соч., с.292.

² ЦГА ЛитССР, ф.1014, оп.1, д.14, л.70.

³ Там же, л.76.

⁴ там же, л.74.

решением Совета от II декабря 1917 г.¹

Не выторговав у Германии ничего за свою готовность продать свой народ и стремясь как-то подправить сильно испорченную репутацию, Литовский совет решил провозгласить независимость Литвы. Вышедшие ранее из состава Совета представители левого крыла согласились на этом условии вернуться в Совет и принять участие в подготовительной работе. Совет связался с рейхстагом² и получил от представителей парламентского большинства заверение в поддержке. 16 февраля Совет принял официальное решение о провозглашении независимости, аналогичное проекту от 8 января 1918 г., т.е. раздел первый решения от II декабря 1917 г. с дополнением о пожелании скорейшего созыва Учредительного сейма³.

Дальнейшее течение событий показало, что это шаг являлся чисто демократическим приемом в целях улучшения репутации и маскировки враждебных народу планов. Потаенная его суть состояла в том, чтобы отграничиться от революционной России (и отчасти, - обезопасить себя от претензий со стороны Польши).

Буржуазные литовские историки и юристы не скупались на восторги по поводу этого куцевого "акта независимости". И все-таки даже они не могли не признать, что Литва как государство в это время не существовала.

По замечанию М.Рёмериса "явление государства недоставало наиболее важного его элемента, а именно, не хватало власти, опирающейся на территориальном империуме"⁴. Г.Рутенберг согласен с этим мнением и добавляет, что Совет "не является властью в смысле государственной власти, а представляет собой бессильный совещательный орган при оккупационной администрации"⁵. И все

¹ Basler W. Цит. соч., с.294.

² Lietuvos TSR istorija, t.3, - V., 1965, p.29.

³ LIŠ, t.III, p.95.

⁴ Rõmeris M. Lietuvos konstitucines teisės paskatos, I d. - Kaunas, 1937, p.38.

⁵ Rutenbergas G. Lietuvos, kaip nepriklausomos valstybes, sukūrimas ir jos pripažinimas tarptautines teisės šviesoje. - "Teise", Kaunas, 1927, Nr.11, p.47.

же Рёмерис придерживался формальной точки зрения: "Со стороны нормативного права этот акт положил начало созданию литовского государства. В юридическом отношении это несомненный факт со всеми вытекающими правовыми выводами" ¹.

Аналогичные концепции развивают современные литовские буржуазные (эмигрантские) кристы, утверждающие, не затрудняя себя анализом и аргументацией, что актом от 16 февраля 1918 г. Литва была восстановлена в качестве самостоятельного государства. Например, К. Рачкаускас заявляет, что это решение является "надконституционным документом, которому не имеют права противоречить какая-либо конституция или закон", и что "все сеймы Литвы ограничены актом от 16 февраля".

С этой концепцией никак нельзя согласиться. Она не учитывает, что Литовский совет не предпринял никаких конструктивных мер по реальному управлению страной и отстранению от него иностранных войск и оккупационной администрации. Представляется очевидным, что провозглашение независимости страны при условии ее реальной оккупации - пустой звук, если глашатаи этой независимости не намерены бороться с оккупантами и довольствуются крохами со стола их реальной власти.

Учредительный акт является юридическим выражением создания суверенного государства как нового субъекта международного права ². Между тем решение Литовского совета никак не могло иметь подобного значения, ибо Литва оставалась не субъектом права, а объектом оккупации. Более того, с самого начала буржуазные деятели, не придавали этому акту такого значения, которое придумали для него впоследствии. Это подтверждает хотя бы декларация Учредительного сейма от 15 мая 1920 г. о создании независимой республики Литвы (т.е. молчаливо предпо-

¹ Rómeris M. Цит. соч., с. 38

² Игнатенко Г.В. От колониального режима и национальной государственности. - М., 1966, с. 106.

лагалось, что до того независимой Литвы не существовало). Вся деятельность Совета показывает, что лозунг независимости нужен ей был только для одного - прикрыть свою прогерманскую ориентацию и физический коллаборационизм.

В декабре 1917 г. в Брест-Литовске начались мирные переговоры между Германией и Советской Россией. Делегация России требовала положить в основу переговоров принцип самоопределения народов, мир без аннексий и контрибуций. Германская делегация, не решаясь "в лоб" отвергнуть эти справедливые требования при решении вопросов, касавшихся Литвы, согласилась на решение Литовского совета от 11 декабря 1917 г. как на акт волеизъявления литовского народа, решившего якобы связать свою судьбу с Германией ¹.

Именно переговоры в Брест-Литовске заставили Германию склониться к проектам создания "независимой" Литвы. Литовская буржуазия подстегивала этот процесс, запугивая немцев возможностью большевистского восстания в Литве, если эти планы не будут осуществлены в самом скором времени ².

Сложность ситуации заключалась в том, что германское правительство не согласилось на какие-либо изменения в вполне устраивавшем его решении Литовского совета от 11 декабря 1917 г. Рейхсканцлер 17 февраля 1918 г. специально телеграфировал генеральному штабу о необходимости игнорировать новое решение Совета от 16 февраля 1918 г. ³. На правительственном совещании 20 февраля было решено "поставить Совет на место". Главный вывод совещания: "О признании литовского государства не может идти и речи", Литовский совет обязан "недвусмысленно признать собственное декабрьское решение" ⁴.

21 февраля рейхсканцлер направил Литовскому совету письмо, в котором обязательным условием признания Литвы было вы-

¹ Навицкас К. Литва и Антанта. - Вильнюс, 1970, с.15.

² LIŠ, t. III, с.94

³ Baerler W. Цит. соч., с.296.

⁴ Там же, с.296.

двинуто требование, чтобы "Совет вернулся к основам, гарантирующим будущие добрососедские отношения с немецким государством" ¹. Речь, конечно, шла о принципах, положенных в основу решения II декабря 1917 г.

Совет легко уступил этому нажиму и фактически отрекся от решения 16 февраля 1918 г. 28 февраля рейхсканцлеру было направлено письмо, в котором Совет заявлял, что решение от 16 февраля 1918 г. не противоречит решению от II декабря 1917 г., остающемуся "основой будущих отношений Литвы и Германии" и выражал желание получить признание Литвы Германией на этой основе ².

Ряд германских политических деятелей склонялось к мысли посредством формального признания независимости Литвы прикрыть подготовку к фактической ее аннексии. Но военное командование не намерено было ограничивать свои аннексионистские притязания никакими обязательствами и не шло ни на какие уступки. В одном циркуляре МИД Германии говорилось: "Генерал Людендорф, похоже, стремится развалить всю работу по созданию литовского государства. Но правительство рейха не может себе этого позволить" ³. Сотруднику МИД Р.Недольному было поручено подготовить проект дальнейшей политики Германии по отношению к Литве. 8 марта 1918 г. такой проект был представлен. Он содержал критику позиции генералитета и указание на то, что официальное признание литовской независимости ничего не изменит в существе дела: "Мы останемся там и после признания, причем при отсутствии конституционного органа (Bleigewichte) сможет направить политику еще свободнее и беспрепятственнее" ⁴.

¹ ЦГА ЛитССР, ф.1014, оп.1, д.14, л.90.

² Basler W. Цит. соч., с.295.

³ Там же, с.297-298.

⁴ Fischer F. Цит. соч., с.617.

10 марта 1918 г. правительство Германии вновь обсуждало литовский вопрос. Канцлер Гертинг и представители МИД предлагали пойти на признание независимости Литвы на основе решения Литовского совета 11 декабря 1917 г. И вновь сопротивление военного командования завело обсуждение в тупик. Лишь через несколько дней правительство и военное командование пришли к какому-то соглашению. Командование настояло на том условии, что Литва будет управляться военными органами и "целиком нести бремя военного хозяйства" ¹.

Получив от военного командования это согласие и понимая, что признание независимости Литвы не будет иметь никаких практических последствий, правительство Германии решилось, наконец, обнародовать акт о признании литовского государства. Прибывшая 22 марта 1918 г. в Берлин делегация Литовского совета пошла на максимальную уступку: согласилась положить в основу акта о признании решение 11 декабря 1917 г. ². На следующий же день кайзер издал манифест, которым Литва признавалась "свободным, независимым государством" на основе решения Литовского совета от 11 декабря 1917 г. со всеми вытекающими из него конвенциями ³. Акт обязывал Литву в качестве компенсации за "свободу" оплатить Германии часть военных расходов (3 млрд. марок).

Международная практика знает случаи признания империалистическими государствами марионеточных реакционных режимов с целью создания иллюзии, будто эти режимы являются полноценными субъектами международного права ⁴. По всем признакам кайзеровский манифест был демогогической уловкой, направленной

¹ Basler W. Цит. соч., с.300.

² Linde G. Um die Angliederung Kur-lands und Litauens.- "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", 1962, Bd.10, H.4, S.56.

³ LIŠ, t.III, с.96.

⁴ Признание в современном международном праве.- М., 1975, с.33.

на "узаконение" фактической аннексии Литвы, получение дополнительной аргументации для прикрытия экспансионистских планов Германии. И хотя делегация Литовского совета все это было совершенно понятно, она направила кайзеру телеграмму с выражением глубокой признательности за то, что "могущественная Германия дала литовскому народу свободу и первой признала независимость Литвы" ¹. Литовская буржуазия надеялась, что ее услуги будут зачтены оккупантами и что ей достанется часть функций по управлению страной.

Литовский буржуазный юрист Г.Рутенберг, изучавший этот вопрос, утверждал, что кайзеровский манифест от 23 марта 1918 года и означал признание Литвы *de jure* и тем самым Литва обрела международную правоспособность (по меньшей мере - по отношению к Германии) ². Это утверждение на разные лады перепевали многочисленные эмигрантские историки, чтобы замаскировать антинародную и антинациональную в своей сущности политику реакционной литовской буржуазии и представить кайзеровский манифест как ее дипломатический успех. Вообще же литовские буржуазные юристы не могли не признать, что суверенитет Совета в то время был явно недостаточен и необходимые признаки государственности отсутствовали ³.

Можно резюмировать, что кайзеровский манифест не мог означать признания Литвы *de jure*, т.к. объект признания не обладал государственностью - обязательным условием признания ⁴. Возникновение действительно независимого литовского государст-

¹ LIŠ, t. III, с. 97.

² Rutenberg G. Die baltischen Staaten und das Völkerrecht. Die Entstehungsprobleme Litauens, Lettlands u. Estlands im Lichte des Völkerrechts.- Riga. 1928, с. 122.

³ Römeris M. Цит. соч., с. 61; Rutenberg G. Цит. соч., с. 64-65.

⁴ См.: Херцег И. Признание государств и правительств.- В.кн.: Проблемы международного права.- М., 1961, с. 329, а также - Оппенгейм А. Международное право.- М., 1948, т. I, ч. I, с. 137.

ва никак не отвечало планам империалистической Германии, стремящейся превратить Прибалтику в свою колонию. Таким образом, Рутенберг противоречит сам себе, признавая, с одной стороны, что Литва в 1918 г. не обладала государственностью, и заявляя, с другой стороны, будто кайзеровский манифест от 23 марта 1918 г. является актом признания самостоятельности Литвы.

Главным условием международной правосубъективности государства является его суверенитет, основанный на свободном волеизъявлении народа. Если же неотъемлемые права народа узурпированы отдельными лицами или группами (в том числе - при поддержке извне, со стороны других государств), то право народа на свободное самоопределение нельзя считать осуществленным¹. Литовский совет, объявивший себя без каких-либо на то оснований представителем литовского народа, намеревался, опираясь на мощь германского империализма, узурпировать права народа ради собственных выгод и целей, угодных оккупантам. Буржуазная государственность в Литве не была создана не только в 1918 году, что безуспешно пытались доказывать буржуазные юристы и продолжают доказывать реакционные эмигрантские авторы, но и в первой половине 1919 г., так как буржуазная Литва в то время являлась фактически военным протекторатом Германии² и ее правительство не имело территориального верховенства и суверенной власти. Следовательно, сговор с германским правительством и все документы, скрепляющие этот сговор, не имеют ничего общего с возникновением государственности Литвы и должны рассматриваться единственно как одна из форм аннексионистской политики Германии по отношению к Литве.

Только изменение обстоятельств как в международном, так и во внутреннем положении привело во второй половине 1919 г. к постепенному самоуничтожению военного протектората Германии и становлению буржуазного государства.

¹ Фельдман Д.И., Курдаков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъективности. - Казань, 1974, с.33.

² Подробно см.: Пятраускас З.В. Юридический статус Литвы в конце 1918 г. - первой половине 1919 г. - Труды АН Литовской ССР. Серия А, 1982. Т.2(79).

С.А.Вансявичюс

ОТНОШЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ЛИТВЫ
К КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Буржуазная Литва была аграрной страной. Сельским хозяйством занималось 76,7% ее населения. Мелкие и средние крестьянские хозяйства составили 80,5% всех сельских хозяйств¹. Придя к власти, буржуазные партии прежде всего столкнулись с аграрно-крестьянским вопросом. Буржуазное временное правительство стремилось не трогать помещичьего землевладения. Это положение подтверждает закон от 19 июля 1919 г., на основании которого помещикам возвращалась национализированная Советской властью земля. Крестьяне могли убрать выращенный на этой земле урожай только после уплаты арендной платы помещикам.² Однако перед буржуазной властью стояла задача отвлечь трудовое крестьянство от рабочего класса и идей социализма и привлечь его на свою сторону. В начале были предприняты только пропагандические меры. Так председатель Учредительного сейма А.Стульгинскис на первом заседании заявил, что земельная реформа в Литве неотложный вопрос. Наряду с крупными именьями масса безземельных и малоземельных крестьян живут в нищете. Желаям обрабатывать землю, в первую очередь воинам, будет создана возможность стать самостоятельными хозяевами³. Восхваливался аграрный характер экономики Литвы и доказывалось, что только сельское хозяйство является основой благополучия. Лидер партии лядиников И.Крикшюнас, также лидер партии укининку (хозяев) И.Алекса и клерикал М.Крупавичюс проповедовали теорию превосходства мелкого крестьянского хозяйства над крупным. Пытались убедить крестьян, что при капиталистическом строе они будут иметь все условия для развития хозяйства. Но одной пропагандой

¹ Klases ir politines partijos Lietuvoje 1919-1926 m.-V., 1978, p.12, 35.

² Laikinosios vyriausybės žinios, 1919, Nr.9, p.4.

³ Steigiamojo seimo darbai, 1 sesija, 1920, p.4.

и пустыми обещаниями успокоить крестьянство не удавалось. Состоявшийся 15 февраля 1920 г. съезд представителей волостных советов Алитусского уезда, выражая настроения трудового крестьянства, потребовал от буржуазного правительства свободы слова и собраний, выборности должностных лиц и их ответственности перед судом, справедливого вознаграждения за реквизируемые продукты, прекращения экспорта леса и удешевления лесоматериала, а беднякам бесплатной его выдачи, сдачи в аренду сельскохозяйственным рабочим и малоземельным крестьянам необрабатываемых помещичьих земель на льготных условиях, оставив арендаторам скот, семена и инвентарь, разрешить сельскохозяйственным рабочим избрать в имениях свои комитеты и позволить коллективно обрабатывать землю¹. Такие настроения среди крестьян были и в других уездах. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и социалистической революции в Литве безземельные и малоземельные крестьяне поднимались на борьбу за землю. Они требовали раздела помещичьих имений. Правящие буржуазные партии были вынуждены приступить к подготовке земельной реформы. Необходимо отметить, что не только крестьянская борьба заставила буржуазию взяться за реформу. В годы первой мировой войны сельское хозяйство было разрушено и ограблено кайзеровскими оккупантами. В 1919 году по сравнению с предвоенным годом уменьшилось лошадей на 38 %, рогатого скота почти на 48 %, свиней на 44 %, овец на 30 %². Около 35 % помещичьих земель были залежными и около 90 % имений были обременены долгами не менее чем на 60 % их стоимости³. В то же время около 55 000 безземельных и 40 000 малоземельных крестьян требовали земли⁴. Земли требовали также добровольцы буржуаз-

¹ Центральный государственный архив Литовской ССР (далее ЦГА ЛитССР), ф.1064, 1920, оп.3, д.101, л.3-4.

² Lietuvos ūkis, 1922, Nr.5, p.2-9.

³ Žemės ūkio ministerijos metraštis 1918-1938.- Kaunas, 1939, p.330.

⁴ Там же, с.317.

ной армии, которых при поступлении в армию правительство обещало обеспечить землей.

Стремясь ослабить остроту борьбы крестьян за землю, буржуазия с помощью аграрной реформы предполагала частично удовлетворить требования безземельных и малоземельных крестьян и укрепить свои позиции путем передачи земель помещиков - нелитовцев новому слою национальных помещиков. Одновременно буржуазия хотела оказать помощь помещикам, не имевшим средств для восстановления разрушенных войной и разграбленных оккупантами имений. Кроме того, буржуазия добивалась создания условий проникновению финансового капитала в сельское хозяйство и расширению сельскохозяйственного производства для обеспечения легкой промышленности сырьем и увеличения своих прибылей.

Лидеры всех буржуазных партий резко высказались против конфискации помещичьих земель.

Основные положения аграрной программы партии крестьян лаудиников были изложены А.Римкой. Согласно этой программе в государственный земельный фонд должны войти: государственные земли, выкупленные помещичьи земли, превышающие установленную 100 десятичную норму. Крестьяне должны получить землю за выкуп или брать в аренду². Христианские демократы руководствовались указаниями своего лидера ксендза М.Крупавичюса, который писал, что необходимо обеспечить требующих крестьян землей и тем уменьшить численность пролетариата, гарантировать спокойствие в государстве². Христианские демократы, испугавшись социалистической революции, в 1919 году провозгласили, что земля должна быть собственностью тех, кто ее обрабатывает. Однако ради справедливости требовали выкупить землю у помещиков. Обещали наделить крестьян земельными участками от 10 до 12 десятин, оставляя помещику от 70 до 100 десятин. Также обещали новоселам оказать денежную и агрономическую помощь³.

¹ Rimka A. Del žemes klausimo Lietuvoje. - Voronežas, 1918, p. 51-52.

² Крупавиčius M. Žemes klausimas Lietuvoje. - Kaunas, 1919, p.7

³ Там же, с.49.

Партия социал-демократов в 1918 г. под напором революционных масс приняла резолюцию о национализации земли и сдаче ее в аренду крестьянам.¹ Однако после подавления Советской власти она пошла на сговор с другими буржуазными партиями и отказалась от своей резолюции. Партия таутининков высказалась за обязательный выкуп земли, превышающей установленную норму. По их программе земля безземельным и малоземельным крестьянам должна продаваться в собственность, а имения, которые находились в хорошем состоянии, оставить в качестве образцовых хозяйств².

Буржуазия стремилась укрепиться у власти и как-то успокоить крестьян. Помещики также не могли вести хозяйство, так как безземельные крестьяне отказывались работать в имениях. Опасаясь массовых крестьянских волнений, буржуазия была вынуждена предпринять какие-то реальные меры. В декабре 1918 г. были созданы центральная и уездная комиссии по земельной реформе. Также были созданы комиссии для обеспечения земель солдат, для изъятия земли, полученной на привилегированных началах, и для дачи разрешения на приобретение, передачу и залог земли. Департамент сельского хозяйства приступил к сдаче в аренду безземельным крестьянам государственных земель и земель бывшего крестьянского поземельного банка.

В январе 1919 г. состоялась так называемая вторая литовская конференция. Представители всех буржуазных партий взяли за основу по аграрному вопросу программные положения христианских демократов. В принятой резолюции конференция изложила следующие основы осуществления земленной реформы: 1) безземельные и малоземельные крестьяне должны быть обеспечены землей; 2) в первую очередь землю получают поступающие добровольцами в армию; 3) еще до созыва Учредительного сейма необходимо распределить майоратные земли, земли государственного и крестьян-

¹ Darbo balsas, 1918, Nr. 48

² Aleksa J. Lietuvos šioš dienos žemes ūkis ir jo atreitis.- Kaunas, 1924, p. 11.

ского банков, церковные земли и земли тех имений, собственники которых не в состоянии их обрабатывать; 4) земля должна отдаваться в собственность, а вопрос о вознаграждении за нее решит Учредительный сейм; 5) леса и воды переходят в собственность государства; 6) крестьянские земли, присоединённые к имениям, должны быть возвращены; 7) в отношении церковных земель надо руководствоваться каноническим правом.

Комиссия по земельной реформе в апреле 1919 г. подготовила основные положения закона о земельной реформе. Комиссия предлагала включить в государственный поземельный фонд: I) казенные и майоратные земли; 2) свободные земли поземельного крестьянского банка; 3) земли, подаренные разным лицам царскими властями; 4) сервитуты и земли, которые во времена крепостного права или позже были изъяты у крестьян; 5) церковные и монастырские земли, превышающие установленную норму; 6) земли и хозяйства, унаследованные родственниками третьей и последующих степеней; 7) земли, приобретенные во время войны людьми, не занимающимися земледелием; 8) имения, владельцы которых менялись за последние 20 лет; 9) имения, земля в которых истощена или четвертая часть ее залежная; 10) имения, в которых их собственники не живут и не занимаются сельским хозяйством; II) земли и хозяйства, собственники которых добровольно передадут за неуплаченные налоги и невозвращенные долги; 12) земли, превышающие установленную норму. Земли, перечисленные в пунктах 7-12, выкупались в обязательном порядке по ценам, установленным комиссией. Неприкосновенная норма земли намечалась от 80 до 200 га в зависимости от ее сорта. По мнению комиссии землю из государственного фонда должны получать безземельные и малоземельные крестьяне по следующей очереди: 1) солдаты, участвовавшие в боях за буржуазное государство; 2) земледельцы, имеющие или способные приобрести сельскохозяйственный инвентарь и лишённые других средств существования; 3) другие безземельные и малоземельные крестьяне. Земля передается в ограниченную собственность, срочную или бессрочную аренду с правом

приобретения ее в собственность. Одновременно с получением земли государственная казна предоставляет новоселу заем до 90% стоимости полученной земли при условии, что долг будет возвращен в течении 45 лет. Если новосел в течении 6 лет не обзаведется хозяйством, управление земельного фонда лишает его земли. Полученную землю без разрешения власти новосел не имел права продать, сдать в аренду и другими способами распоряжаться. Комиссия предлагала давать землю только "социально здоровому элементу"¹, т.е. лицам лояльным к буржуазному строю.

По плану земельной комиссии безземельные, которые были не в состоянии приобрести сельскохозяйственный инвентарь, должны были остаться дешевой рабочей силой для помещиков и кулаков. Комиссия прекрасно понимала, что не все новоселы сумеют обзавестись хозяйством в течении 6 лет и их земля также перейдет в руки кулачества.

С целью успокоения крестьян временное буржуазное правительство издало закон от 23 марта 1919 г. о нормировании аренды частных имений.² Закон обязал помещиков сдать в аренду землю соседним безземельным и малоземельным крестьянам. Было запрещено удалять арендаторов после истечения срока аренды и приказано продлить этот срок еще на один год.

Помещики широко продавали землю кулакам и спекулянтам. Крестьяне выражали открытые протесты против таких действий. Временное буржуазное правительство было вынуждено принять закон о порядке приобретения и передачи залога земли³. Помещики, владевшие более 70 десятин земли, лишились права без разрешения властей закладывать, продать, подарить или другими способами передавать землю за исключением случаев наследования. Продавать землю разрешалось сельскохозяйственным рабочим данного имения и соседним безземельным и малоземельным крестьянам. Арендный участок величиной до 20 десятин можно было продать только самому нанимателю. Безземельные и малоземельные крестьяне денег не имели и воспользоваться этим законом не могли.

¹ ЦГА ЛитССР, ф.465, 1919, оп.1, д.28, л.139-148. •

² Laikinosis vyriausybes žiniu papildymas, 1918, Nr.1.

³ Vyriausybes žinios, 1920, Nr.39.

После подавления восстания Каунасского гарнизона Учредительный сейм 3 августа 1920 г. принял закон об обеспечении землей солдат. ¹ Безземельные и малоземельные солдаты, которые прослужили до окончания войны или демобилизации, имели право получить землю в первую очередь. В зависимости от качества земли они получали от 8 до 20 десятин. Кроме того им выдавалось пособие в виде строительного материала и семян.

Другие безземельные и малоземельные крестьяне могли получить земли только в аренду. Так по закону от 27 июля 1920 г. ² вся залежная земля в имениях должна была сдаваться в аренду безземельным и малоземельным крестьянам сроком не менее чем на три года. Если помещики сами вели хозяйство на участках, превышающих 70 десятин, то такие имения переходили в государственный поземельный фонд и уездные комиссии сдавали землю в аренду сельскохозяйственным рабочим и малоземельным крестьянам, земля которых граничила со сдаваемой в аренду землей. Движимое имущество имения продавалось нанимателю земли в рассрочку. ³

Эти так называемые подготовительные законы земельной реформы были изданы с целью отвлечения сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян от борьбы и создания впечатления, что правительство готовит земельную реформу и крестьяне будут обеспечены землей. Той же самой цели служило и долгое обсуждение законопроекта о земельной реформе в Учредительном сейме. Фракция социал-демократов, стремясь показать себя борцом за интересы трудового крестьянства, в Учредительном сейме заявила, что земли бывшей царской семьи, церковные, монастырские, а также майоратные земли должны перейти в собственность государства, что без вознаграждения следует изъять землю у всех крупных владельцев. Максимальная норма земли для одной семьи должна быть определена съездами сельскохозяйственных рабочих. Бесплатно следует обеспечить землей тех, кто желает сам ее обрабатывать. Землю надо передать в наследственную

¹ Vyriausybės žiniuos, 1920, Nr. 39.

² Там же, Nr. 47.

³ Там же, Nr. 42.

собственность и разрешить, где это только возможно, вести коллективное хозяйство, применяя сельскохозяйственные машины и достижения науки. Фракция высказывалась и за сохранение образцовых хозяйств и за организацию различных кооперативов ¹.

Крестьянский союз и социалисты-ляудининки считали, что нет возможности да и необходимости дать земли всем, кто ее не имеет. С другой стороны они демагогически заявляли, что основной целью земельной реформы должно быть обеспечение земель тех, кто ее обрабатывает. Однако считали, что земли следует добавить малоземельным, а безземельным вообще не надо давать, ибо они не привыкли самостоятельно вести хозяйство ².

Христианские демократы также бросались лозунгами: "земля тем, кто ее обрабатывает", "имения должны быть разделены", "каждый безземельный и малоземельный крестьянин должен получить столько земли, сколько надо семье, чтобы прожить" и т.п. ³

Учредительный сейм установил, что надо раздать определенное количество земли безземельным и малоземельным, однако не давать им никаких пособий. Таким образом буржуазия надеялась успокоить крестьян; укрепиться у власти и потом провести земельную реформу в интересах сельской буржуазии.

В связи с подготовкой законов об аграрной реформе и сдачей в аренду безземельным части земли оставленных имений волна крестьянской борьбы начала спадать, а земельная реформа превратилась в сделку между буржуазией и крупными землевладельцами за счет трудового крестьянства.

Во время выборов Учредительного сейма социалисты-ляудининки и крестьянский союз ничего не говорили об условиях дачи земли крестьянам. Христианские демократы и федерация труда заявляли, что надо дать землю бесплатно. Однако после победы на выборах они уже доказывали необходимость выкупа зем-

¹ Steigiamojo seimo darbai, 1920, vas.4, p.151.

² Там же, с.154

³ Там же, с.157.

ли. Защищали принцип неприкосновенности частной собственности и доказывали, что нельзя взять землю у помещиков бесплатно и отдать ее крестьянам также бесплатно, так как крестьяне поймут, что помещики не своим трудом землю приобрели. Чтобы получить больше голосов во время выборов в первый сейм, социалисты-ляудининки решили отозвать члена своей пратии К.Гриноса с поста председателя кабинета министров и выйти из состава правительства потому, что христианские демократы выкупят землю у помещиков, которая давно выкуплена трудящимся, оставляют помещикам 80 га земли и в том числе 25 га леса, отчуждая церковные земли, придерживаются канонов церкви и разрешают Ватикану вмешиваться во внутренние дела Литвы, церквям оставляют по 80 га земли и создают земельный фонд для верхушки духовенства, а потерявшим здоровье воинам не дают земли бесплатно¹. Но это был очередной трюк борьбы буржуазных партий за голоса избирателей. На самом деле между ними не было разногласия в проведении аграрной политики.

Закон о земельной реформе был принят Учредительным сеймом 3 апреля 1922 г. Проект обсуждался почти два года. Представители буржуазии и помещиков искали наиболее выгодный вариант, стремясь создать подходящие условия для сельской буржуазии и помещиков. В преамбуле закона лицемерно говорилось, что он издан с целью обеспечения земель безземельных и малоземельных крестьян, со стремлением построить землевладение таким образом, чтобы создать благоприятные условия для расцвета сельского хозяйства и в первую очередь мелких крестьянских хозяйств.

Истинные цели буржуазной земельной реформы раскрыл III съезд Коммунистической партии Литвы. Съезд указал, что раздел крупных имений и продажа их земли сельской буржуазии и частично средним крестьянам имеет целью укрепить социальную базу буржуазной власти на селе. Также власти были вынуждены наделить землей хотя бы часть безземельных и малоземельных

¹ Steigiamojo seimo darbai, 1921, VII, 32, p.23-24.

крестьян для того, чтобы отвлечь их временно от революционной борьбы ¹.

Закон о земельной реформе имел явно выраженный классовый характер. Помещики получили право выбрать себе 80 га наилучшей земли, в том числе 25 га леса. В первую очередь изымалась земля запущенных имений с площадью, превышающей 150 га. Помещикам оставлялось имущество, необходимое для ведения хозяйства. Они имели право заключать договоры о передаче той части земли, которая до опубликования закона о земельной реформе была продана или запродаана. Они также имели право пользоваться всем имуществом, пока не составлялся акт об изъятии земли. За изъятую землю помещики получили вознаграждение по ценам 1910 - 1914 гг.

По закону безземельные крестьяне имели право получить от 8 до 20 га земли. Малоземельные могли получить добавку земли, чтобы вместе с имеющейся землей было не меньше чем 8 га. За полученную землю крестьяне были обязаны платить выкупные платежи в течении 36 лет или просить сдать им землю в аренду сроком на 36 лет. Буржуазные власти лицемерно доказывали, что интересы общества требуют выкупа земли у помещиков и за выкуп ее отдачи крестьянам. Иначе мол, государство не сумеет провести реформы, а помещики не смогут вернуть долги кредиторам.

Даваемая крестьянам земля служила гарантией уплаты выкупных платежей и других налогов. Новоселы имели право в любое время отказаться от полученной земли. Если они в течении 8 лет не сумели обзавестись хозяйством, то по закону лишались земли. Также в случае неуплаты выкупных платежей, невозврата полученных займов их земельный участок продавался в порядке, установленном министром сельского хозяйства.

Составной частью земельной реформы было переселение деревень на хутора. Расселяться надо было в обязательном порядке, если этого требовали две трети жителей села.

¹ ЦГА ЛитССР, ф.56, 1921, оп.3, д.1689, л.53.

Закон о земельной реформе предусматривал только однократное переустройство существующего землевладения. Это было сделано для того, чтобы не преградить пути росту сельской буржуазии.

Истинные цели земельной реформы полностью раскрылись в процессе ее осуществления. Представители всех буржуазных партий на заседаниях Учредительного сейма открыто говорили, что во время выборов поднимались более радикальные реформы, но после выборов на первое место следует поставить государственные интересы.¹

Согласно разработанному министром сельского хозяйства плану проведения земельной реформы² у крупных землевладельцев изымалась лишь самая худшая земля и запущенные постройки. Пока не был проведен раздел крупных имений, земля у помещиков, владевших до 250 га, изымалась только в особых случаях. В первую очередь изымалась арендуемая земля. Имения с высокой сельскохозяйственной культурой на определенных условиях оставлялись их собственникам в качестве образцовых хозяйств. Помещику оставлялись жилой дом, дом для батраков на 6 семей, склад, гумно, коровник, хлев для лошадей.

Крестьяне в списки для получения земли заносились в следующем порядке: в первую очередь включались лишенные земли после отмены крепостного права и восстания 1863 года, если управление земельной реформы признавало за ними преимущественное право на получения земли; во вторую очередь включались рабочие распределяемого имения, если они жили и работали в нем до войны; в третью очередь включались малоземельные, имеющие менее 10 га земли, если их земля граничила с землей распределяемого имения и малоземельные из соседних деревень, уходящие на хутора; в четвертую очередь попали арендаторы земли распределяемого имения, если они нанимали не более 55 га; в пятую очередь включались воины, которые добровольно поступи-

¹ Steigiamojo seimo darbai, 1921, vas.21, p.47.

² Vyriausybės žinios, 1922, Nr.102.

ли в армию и были демобилизованы в связи с болезнью или ранением, а также семьи погибших и умерших воинов и добровольцев, отличившиеся в боях или бывшие ранеными; в шестую очередь включались рабочие распределяемого имения и малоземельные из соседних деревень, а также все безземельные и малоземельные, просящие землю.

Комиссия по земельной реформе выделяла участки земли прежде всего для компенсации за ликвидируемые сервитуты и общие пастбища и для наделения землей крестьян, лишенных земли помещиками после отмены крепостного права и восстания 1863 года. Комиссия отводила до 80 га земли крупным землевладельцам (помещикам), намечала площади для расширения территории городов, для школ, больниц и других общественных нужд, а также для продажи. Оставшиеся после этого земли могли получить безземельные и малоземельные крестьяне в порядке, установленном законом. Комиссия также определяла выкупные платежи крестьянам за полученную землю и вознаграждение помещику за изъятую землю. Споры из-за сервитутов и общих пастбищ решались землеустроительными комиссиями. Уездная комиссия по земельной реформе установила сроки и условия обзаведения хозяйством для каждого новосела. Было установлено выплатить помещикам за изъятую землю 76 820 844 лита и обложить крестьян выкупными платежами на сумму 29 228 000 литов. ^I

Каждый крестьянин после получения земли был обязан соблюдать следующие требования: самому обрабатывать землю, своевременно обзавестись хозяйством, выполнять все повинности перед государством и органами самоуправления, в срок и аккуратно платить выкупные платежи, в течении 8 лет построить все необходимые в хозяйстве постройки. Новоселы, вовремя не уплатившие выкупные платежи, не обработавшие установленной нормы земли и не возвратившие пособия, выселялись из хозяйства.

Помещики получили право убирать урожай с распределяемых полей. Они сами выбрали себе 80 га наилучшей земли. Им остав-

^I ЦГА ЛитССР, ф.392, оп. II, 1930, Д.54, л.5.

лялись все постройки и другое недвижимое имущество, 12 га озимых посевов и все предприятия. Имеющие земли до 200 га продолжали владеть всей площадью до тех пор, пока не будут распределены все более крупные имения.

Вышеупомянутый порядок проведения земельной реформы был установлен в инструкциях. Практически эти инструкции не выполнялись. В большинстве случаев кандидатов на получения земли подбирали ксендзи, так как у власти были христианские демократы. Помещики захватывали все посевы, семена, весь инвентарь и оставляли только пустые поля. Под прикрытием хозяйств высокой культуры сохранялись довольно крупные имения. До начала распределения земли помещики выгоняли арендаторов и сельскохозяйственных рабочих с целью лишения их возможности получить землю. Они в массовом порядке давали земли своим родственникам, и такие незаконные акты утверждались старшим нотариусом. Они также использовали судебные органы, возбуждая мнимые гражданские иски.¹ Управляющий и директор департамента земельной реформы признали, что члены земельных комиссий недобросовестно выполняли свои обязанности. Они стремились незаконно обеспечить землей своих родственников и знакомых, брали взятки.²

Государство на льготных условиях продавало центры имений офицерам и чиновникам. С 1922 по 1936 год было продано 2205 таких центров.³ Покупатели платили только четвертую часть установленной цены сразу, а остальные три четверти суммы должны были уплатить в течении несколько лет. Если имение было куплено мужем и женой или отцом и сыном, то в таких случаях каждому собственнику оставляли по 80 га земли. Помещики, владевшие до 200 га, имели право сами продать излишки своей зем-

¹ ЦГА ЛитССР, ф.1247, 1923, оп.4, д.12, л.374-375.

² Там же, д.151, л.31.

³ Там же, 1937, оп.4, д.65, л.6

ли. Только до 1925 года они продали 32 763 га ¹.

Ксендзи, владевшие более 80 га земли, сохраняли всю площадь, а имевшие менее 80 га, получили добавку до 80 га в первую очередь. Крестьяне, имеющие право по закону на получение земли, ее получили только в том случае, если на выборах они голосовали за кандидатов партии христианских демократов. Если они состояли в левых партиях или голосовали за их кандидатов, то земли не получали. ²

В 1926 году во время выборов в третий сейм партия крестьян ляудининков и социал-демократы резко критиковали проводимую христианискими демократами земельную реформу. Крестьяне ляудининики обещали разделить все имения с площадью, превышающей 80 га, ускорить выдачу документов о получении земли, пересмотреть неприкосновенную норму земли, обеспечить крестьян строительным материалом, лишить права собственности помещиков, не проживающих в Литве и работающих в пользу другого государства. ³ Партия социал-демократов обещала предоставить новоселам дешевый кредит и техническую помощь, облегчить условия приобретения лесоматериалов, соблюдать законность при проведении земельной реформы, снизить налоги, не имеющим жилых домов, разрешить проживать в домах помещиков в течении трех лет, по-ровну разделить сервитутные угодия. ⁴ Однако после прихода к власти обе партии своих обещаний не выполняли, опасаясь настроить против себя крупную буржуазию и помещиков. Аграрная политика не изменилась и земельная реформа проводилась в интересах сельский буржуазии.

¹ Lietuvos ūkis, 1925, Nr.5.

² Seimo stenogramos, 1925, pos. 186, p.15.

³ Lietuvos žinios, 1926, Nr.33.

⁴ Socialdemokratai, 1926, Nr.33.

Захватив власть, фашисты приостановили осуществление земельной реформы. Предусматривалось закончить распределение имений, начатое в 1926 году, и в дальнейшем распределять только те имения, земли которых были в череполосице с землей деревень, расселяемых на хутора и полностью запущенные имения. В качестве образцовых хозяйств намечалось оставить имения с земельной площадью до 1000 га.¹ Кредиты предоставлялись не новоселам, а помещикам и кулакам для возведения образцовых построек. В 1935 году 50% такого займа было решено считать в качестве пособия.

В 1929 году президент издал указ, на основе которого неотчуждаемая норма земли была повышена до 150 га.² За изъятие земли помещики вознаграждались землей и лесом. Это было замаскированное возвращение земли помещикам. Только с 1927 по 1935 год согласно указу о повышении неотчуждаемой нормы земли помещики получили 17 535 га земли; 3263 га водных площадей, 16 315 га леса, а в аренду для возведения образцовых культурных хозяйств 139 862 га земли.³ В то же время 45% новоселов лишились полученной земли.⁴

В начале 1940 года 1600 крупных землевладельцев владели 270 300 га земли, а 77 747 бедных крестьян владели только 163 000 га земли. Мелкие хозяйства составляли 50% сельских хозяйств и только около 30% были средние хозяйства.⁵ Большая часть крестьянских хозяйств были безлошадные и не имели коровы.⁶ Крестьяне на горьком опыте убедились, что власть буржуазии не обеспечила их землей и не освободила от гнета помещиков и кулаков.

¹ Vyriausybės žinios, 1927, Nr. 248.

² Там же, 1929, Nr. 313

³ Tiesa, 1939 m. gruodžio 5 d.

⁴ Žemes ūkis, 1937, Nr. 11-12, p. 480.

⁵ Gregorauskas M. Tarybu Lietuvos žemes ūkis.- V., 1960, p. 69.

⁶ Tiesa, 1965, Nr. 250

Тактикой проведения земельной реформы буржуазия временно отдала социальную революцию и, сохранив крупное землевладение путем частичного перераспределения земли, по сути дела укрепила социальную базу власти на селе, помогла финансовому капиталу проникнуть в сельское хозяйство. Хотя значительно снизилась экономическая и социальная роль крупных помещиков, уменьшилось количество безземельных крестьян, классовые противоречия в деревне были все же острые. Вопрос о существенном преобразовании земельных отношений оставался основным вопросом экономического и политического развития страны. Власть буржуазии пыталась смягчить классовые противоречия на селе путем издания различных аграрных законов. Законы регулировали земельные отношения, сельскохозяйственное производство и реализацию сельскохозяйственной продукции, финансирование сельского хозяйства, вопросы ипотеки, землепользования, землеустройства и мелиорации. Но эти законы не ослабили классовых противоречий, они свидетельствовали о невозможности решить крестьянский вопрос в условиях капитализма.

А.А.Рейгас

РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ
(1920-1940 гг.)

Разработка и дальнейшее совершенствование демократических основ советского уголовного законодательства предполагает также непримиримость ко всем институтам буржуазного уголовного права, направленным против интересов трудящихся. Свидетельством этому служит вся история науки советского уголовного права. Советская уголовно-правовая наука, руководствуясь марксистско-ленинской теорией решениями съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС, одной из своих задач ставит разоблачение реакционной сущности буржуазного уголовного законодательства. В этом направлении ею многое сделано. К сожалению, разоблачению реакционной сущности уголовного права буржуазной Латвии до сих пор не было уделено должного внимания. В условиях обострения идеологической борьбы вопросы становления и развития, а также сущность уголовного законодательства буржуазной Латвии продолжают оставаться предметом обсуждения: буржуазные идеологи за рубежом, восхваляя порядки и "свободы" бывшей буржуазной Латвии, всячески стараются обсуждать и её уголовное законодательство. Но доводы наших идеологических противников насквозь лживы и антинаучны. Это доказывает вся история уголовного законодательства буржуазной Латвии.

Как известно, после падения Советской власти в Латвии в 1919 году латвийская буржуазия при помощи империалистических сил установила свою диктатуру. Её лидеры лицемерно обещали на роду создать "государство справедливости и права, в котором не будет места ни угнетению, ни иной несправедливости"¹. На деле же объявленные "свобода и демократия", - говоря словами В.И.Ленина, - были лишь демократией для ничтожного меньшинст-

¹ Tieslietu ministrijas un tiesu vēsture. 1918-1938.-R., 1939, 56.lpp.

ва, демократией для богатых ².

За время своего двадцатилетнего (1920 - 1940 гг.) существования латвийская буржуазия прилагала все усилия к укреплению своей власти, к обеспечению господства "серых баронов", безжалостно эксплуатируя и угнетая трудящиеся массы. На службу интересов буржуазии и кулачества было поставлено и уголовное законодательство. В целях жесткого подавления трудящихся масс, особенно рабочего класса и его Коммунистической партии, латвийская буржуазия законом от 5 декабря 1919 года ввела в действие уголовные законы царского самодержавия и контрреволюционного Временного правительства ³. Вводя в действие законы царской России, буржуазия Латвии показала, что ни о каких свободах, кроме свободы эксплуатации, угнетения и подавления трудящихся она никогда и не думала.

В буржуазной Латвии было введено в действие Уголовное уложение ³ царской России 1903 года, разработанное русскими криминалистами - Н.С. Таганцевым, И.Я. Фойницким и др. Отметим, что в царской России законом от 7 июня 1904 года была введена в действие лишь часть норм уложения, т.е. главы, которые отвечали потребностям царского самодержавия в борьбе с нарастающим революционным движением: о бунте против верховной власти, о государственной измене, о смуте и другие.

Немецкие оккупационные власти в Латвии, внося в уложение некоторые изменения, в полном объеме ввели его в действие в Курляндской губернии Латвии уже 14 мая 1917 года. После оккупации другого региона Латвии - Видземе действие уложения было распространено и на эту часть территории Латвии.

Номинально существующее временное буржуазное правительство Латвии законом от 6 декабря 1918 года оставило в силе введенное немецкими оккупационными властями уложение 1903 года ⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.33, с.88.

² Likumu un Valdības rīkojumu krājums, 1919, 154.

³ В дальнейшем - Уложение.

⁴ Latvijas Pagaidu Valdības Likumu un Rīkojumu krājums, 1919, 10.

Что же касается юго-восточного региона территории Латвии - Латгалии, то здесь уложение было введено в действие лишь законом от 15 марта 1920 года ^I.

Уложение 1903 года - это закон, защищавший царское самодержавие и развивавшиеся в Российской империи капиталистические отношения. Оно своим острием было направлено против трудящихся масс и в первую очередь против рабочего класса и его политических организаций. Именно это побудило буржуазию Латвии ввести уложение в действие на территории Латвии, оказавшись лишь от тех норм, которые в условиях буржуазной Латвии потеряли свой смысл (например, статья о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома).

Уголовное уложение 1903 года предусматривало суровые наказания; в том числе смертную казнь ("через повешение"), каторгу, ссылку на поселение без срока и другие, а также тяжкие правопоражения дополнительно к основным наказаниям.

В нормах особенной части уложения его классовая направленность была выражена еще нагляднее. На первое место было поставлены преступления "о нарушении ограждающих веру постановлений", за ними следовали преступления "о бунте против верховной власти", "о государственной измене" и "о смуте". В этих нормах предусматривалась наказуемость прежде всего тех деяний, которые в науке уголовного права именуются политическими преступлениями, что свидетельствует о ярко выраженном классовом характере уголовного законодательства.

Буржуазия Латвии, руководствуясь нормами уложения, сурово карала представителей трудящихся не только за создание своих политических организаций и за участие в их деятельности, но и за создание других прогрессивных союзов, обществ и объединений. Признавались преступления организация и участие в митингах и демонстрациях, признание учения марксизма-лени-

^I Likumu un Valdības rīkojumu krājums, 1920, 177.

низма и даже "сочувствие" к нему, а также хранение произведений классиков марксизма-ленинизма.

В соответствии с законом от 5 декабря 1919 года в буржуазной Латвии действовали также реакционные законы Временного правительства России. Особенно широко применялся закон от 2 августа 1917 года "О принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе" (так называемый закон Керенского) ¹, в котором отразилась политика "контрреволюционного палачества" ² по отношению к движению рабочего класса. "Закон Керенского" открыто отрицал провозглашенный уложением принцип "нет преступления без указания на то в законе": он наделил полицию правом (с согласия министра внутренних дел и военного министра) высылать за границу или держать в заключении "подозрительных" лиц. На основании этого закона в буржуазной Латвии на протяжении двадцати лет ³ без следствия и суда в заточении томились тысячи борцов за свободу и демократию.

На территории буржуазной Латвии также действовал с некоторыми дополнениями военно-уголовный закон Российской империи 1896 года ⁴.

Дополнениям подверглось и уложение 1903 года. Хотя в момент его создания оно в известной мере было достижением юридической мысли, т.к. включило в себя некоторые демократические институты буржуазного уголовного права, его положения применительно к изменившейся обстановке начала 20-х годов устарели. С точки зрения латвийской буржуазии оно не могло удовлетворить ее возросшие требования об ужесточении репрессий в борьбе с нарастающим революционным движением. Поэтому буржуазия Латвии с первых дней своего прихода к власти приняла ряд

¹ Krievijas bij. pagaidu valdības noteikumi, kuri Latvijā spēkā.-R., 1921.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.34, с.12

³"Закон Керенского" был отменен в феврале 1938 года.

⁴ Likumu un Valdības rīkojumu krājums, 1920, 182; Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums, 1925, 141, 158; 1928, 159; 1929, 18; 1933, 193; 1934, 279; 1936, 44.

актов, цель которых состояла в приспособлении уложения к своим нуждам. С декабря 1919 года по 1 августа 1933 года I в уложение было внесено свыше сорока изменений и дополнений. Как свидетельствует судебная статистика буржуазной Латвии тех лет, уложение было основным оружием в руках буржуазии в борьбе против революционного движения. Так, окружные суды Латвии с 1919 год по 1933 год привлекли к уголовной ответственности за "бунт" (глава 3-я уложения) — 1788, а за "смуту" (глава 5-я уложения) — 850 человек ².

Наряду с названными уголовными законами в буржуазной Латвии действовали и чрезвычайные законы. Например, 19 июля 1923 года был принят закон об усилении борьбы с некоторыми преступными деяниями ³. Его задача состояла в усилении борьбы с коммунистами и другими прогрессивно настроенными гражданами.

С 1927 года буржуазия Латвии взяла курс на постепенную фашизацию государства. Это нашло отражение и в законодательстве. 7 февраля 1927 года был принят чрезвычайный закон, который дал право правительству в мирное время в особо важных случаях создавать военно-полевые суды и передавать на их рассмотрение (без предварительного расследования) дела о революционной деятельности. Указанные суды в течении 24-х часов могли назначить "виновному" самую суровую меру наказания ⁴.

Действовавшие уголовные и чрезвычайные законы, превратившие трудящихся в бесправных граждан, казались латвийской буржуазии мягкими и либеральными. Она стремилась создать более

¹ Уголовное уложение 1903 года действовало до 1 августа 1933 года.

²² *Latviešu konversācijas vārdnīca.*—R., 1934 - 1935, 11. sēj., 21035.

³ *Likumi un Ministru kabineta noteikumu krājums*, 1923, 89; 1926, 179.

⁴ Там же, 1927, 20; 1931, 43; 1933, 183; 1934, 7.

суровые уголовные законы, расширяющие сферу репрессий по отношению к трудящимся. По этому уже в июле 1920 года была создана комиссия для выработки нового Уголовного уложения. Однако эта комиссия не справилась со стоящими перед нею задачами. В октябре 1921 года была создана новая комиссия, в состав которой вошли самые реакционные государственные деятели и юристы. Комиссией было выработано несколько вариантов проекта уложения. Работа над проектом Уголовного уложения была завершена лишь в 1928 году. В 1930 году проект нового Уголовного уложения был утвержден кабинетом министров ¹. В дальнейшем проект еще раз рассматривался специальной комиссией, и наконец, в окончательном варианте утвержден 24 апреля 1933 года ². Новое Уголовное уложение вступило в силу 1 августа 1933 года, отменив действие уложения 1903 года. Так была заключена, как хвастались его составители, "работа большого масштаба" ³. Уголовное уложение Латвии 1933 года, разработка и принятие которого длилось почти 13 лет, не может быть признано результатом самостоятельного законодательства юристов Латвии. Оно представляло собой переработанное в соответствии с потребностями латвийской буржуазии и приспособленное к ее условиям Уголовное уложение России 1903 года. Уголовное уложение 1933 года было принято в период, когда латвийская буржуазия шла к фашизму. Это позволило буржуазии не только сохранить в уложении старые реакционные институты, но и включить в него ряд новых институтов, позаимствованных из законодательства некоторых западноевропейских империалистических государств (уголовных кодексов Германии 1927 года; фашистской Италии 1930 года), нацеленных на усиление репрессий и применявшихся для подавления революционного движения. К таким институтам относились так называемые меры общественной безопасности, введение которых в уголовное законодательство рекомендовалось представителями реакционной социологической школы в буржуазной науке уголовного права, и которые нашли отражение в ст. 31 Уголов-

¹ Likums un Ministru kabineta noteikumu krājums, 1930, 138.

² Там же, 1933, 134.

³ Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, 1939, Nr. 1, 234. lpp.

ного уложения буржуазной Латвии. Данная статья предусматривала право суда признавать лица, отбывавшие наказание в виде принудительных работ или заключения в исправительном доме, описанными для общества и применять к ним меры общественной безопасности - заключение сроком от пяти до десяти лет. Упомянутое уложение содержало и другой реакционный институт - заключение в рабочий дом, которое применялось к лицам уже отбывшим наказание в исправительном доме или тюрьме. Упомянутые меры авторами Уголовного уложения 1933 года не рассматривались в качестве уголовного наказания. Они применялись наряду с наказанием в целях защиты "общественной безопасности". На практике указанные меры применялись к политическим противникам буржуазного строя. С каждым годом число лиц, подвергнутых мерам общественной безопасности, увеличивалось. По свидетельству официальной статистики число таких лиц на 1 июля 1938 года составляло 500, а на 1 января 1939 года - 548 человек¹.

Уголовное уложение 1933 года содержало отдельные либеральные декларации: запрещалось применение уголовного закона по аналогии; обратную силу имели только благоприятные для виновного уголовные законы; допускалось условно - досрочное освобождение; устанавливались обстоятельства, позволяющие исключить уголовную ответственность. В целом же уложение 1933 года, наравне с предшествовавшим ему уложением 1903 года, полностью сохранило свой реакционный характер, способствовало укреплению власти имущих и подавлению революционной борьбы трудящихся.

Об антинародном направлении нового уложения свидетельствует также система наказаний и санкций в особенной части уложения. Буржуазные юристы Латвии лицемерно утверждали, что их уложение более гуманно чем его русский образец 1903 года².

¹ Tieslietu ministrijas un tiesu vēsture.-R., 1939, 128.lpp.; Tieslietu Ministrijas Vēstnesis, 1939, Nr. 3, 767. lpp.

² Iatviešu konversācijas vārdnīca.-R., 1934 - 1935, 11.sēj., 21137.

Самым суровым наказанием, предусмотренным уложением 1933 года, были принудительные работы, по своему существу соответствовавшие каторге, применявшейся в России до 1917 года. Следует отметить, что в уголовных законодательствах большинства западноевропейских стран от такого наказания как принудительные работы уже отказались ввиду его очевидной жестокости. По уложению 1933 года принудительные работы применялись пожизненно или сроком от четырех до пятнадцати лет за совершение тяжких, в том числе политических, преступлений. Судебная статистика того времени свидетельствует о том, что после вступления в силу уложения число рабочих и крестьян, приговоренных к принудительным работам, стремительно возросло с каждым годом: в 1932 году этому виду наказания было подвергнуто 138, а в 1933 и 1934 годах - уже около двух тысяч осужденных¹.

Для усиления репрессивного воздействия принудительных работ, авторы латвийского уложения, по примеру немецкого законодательства, в "особо важных" случаях предоставили судам возможность решать вопрос о содержании осужденного в кандалах на срок от трех месяцев до трех лет (ч.2 ст.13). В связи с этим отметим, что даже Временное правительство России не решалось применять эту меру и отменило её законом от 17 марта 1917 года.

Помимо принудительных работ уложение 1933 года предусматривало и такие виды наказания как заключение в исправительный дом на срок от одного года до четырех лет (ст.14), заключение в тюрьму на срок от двух недель до одного года (ст.15), арест (ст.17) и денежный штраф (ст.26). О жестокой системе наказаний свидетельствует также факт лишения всех прав лиц, осужденных к принудительным работам и к заключению в исправительный дом (ст.27). Именно к этим двум видам наказания в основном осуждались лица, привлекаемые к уголовной ответственности за политические преступления. Новое уложение отказалось от тако-

¹ Советская Латвия, 1949, 2 февраля.

го наказания как заключение в крепость, предусмотренного уложением 1903 года. Политический смысл такого отказа заключался в том, что режим при крепости по сравнению с принудительными работами и исправительным домом был более мягким.

Смертная казнь как уголовное наказание латвийскими уложением не предусматривалась. Однако это не означало, что в буржуазной Латвии она вообще не применялась. К участникам революционного движения ее применяли на основании военно-уголовного законодательства, законов военного времени и чрезвычайного законодательства ¹.

Санкции, содержащиеся в новом уложении, по сравнению с уложением 1903 года также были более суровыми: пожизненные принудительные работы предусматривались столь же часто как смертная казнь и пожизненная каторга (вместе взятые) в уложении 1903 года (1,3 %); лишение свободы на срок, свыше восьми лет в новом уложении встречались чаще, чем в старом (соответственно 4,6 и 4,1 % санкций), а самая мягкая мера наказания - денежный штраф - предусматривалась лишь в 10,3 % санкций вместо 13,4 % в уложении 1903 года ².

Кроме того, уложение 1903 года давало право суду повышать максимальное наказание, предусмотренное санкцией, если "два или более преступных деяния полностью одинаковы или однородны и совершены виновным в виде ремесла" (ст.58). На основании данной статьи суд, вполне реально мог вменить революционерам в вину два или более "одинаковых или однородных" политических преступления и тем самым превысить предусмотренную уложением максимальную границу санкции.

Особенная часть уложения 1933 года состояла из 39 глав: в семи из них (гл.2-8) предусматривалась уголовная ответственность за преступления против государства, т.е. за политические преступления. К политическим преступлениям были отнесены такие деяния как бунт (действия, направленные на изменение существующего государственного строя; приготовление к совершению указанных действий; участие в организациях, целью которых яв-

¹ См. Военно-уголовный закон Российской империи 1896 года, Закон буржуазной Латвии от 11 февраля 1938 года и др.

ляется изменение государственного строя), деяния направленные на осуществление указанных действий; деяния, направленные против президента государства и другие. Анализ статей особенной части показывает, что система политических преступлений в новом уложении мало чем отличалась от соответствующей системы в уложении 1903 года. Однако в уложении 1933 года: во-первых, был расширен круг политических преступлений; во-вторых, диспозиции политических преступлений были сформулированы весьма неопределенно, что давало возможность подводить под них практически неограниченное количество деяний; в-третьих, политические преступления не только были признаны самыми тяжкими, но и за их совершение были предусмотрены самые суровые наказания. Характерно и то, что санкции в уложении были сформулированы расплывчато ("принудительные работы пожизненно или на определенный срок", "исправительный дом или тюрьма" и т.п.), что создавало широкие возможности для судебного произвола.

Анализ остальных глав особенной части Уголовного уложения 1933 года показал, что уложение значительно расширило круг уголовно-наказуемых деяний. К преступлениям, например, причислялись любые забастовки и даже призыв к таковым (ст.244,245). С помощью этих и других норм буржуазия фактически лишила рабочих прав на борьбу с произволом предпринимателей. В уложении 1933 года детально разработана система норм, защищающих неприкосновенность частной собственности. Подробное описание составов преступлений в этих главах, свидетельствует о усиленной охране имущественных интересов буржуазии.

Уложение 1933 года было уголовным законом идущего к власти фашизма. Оно не только уничтожило последние остатки формальных буржуазно-демократических свобод, но и открыто защищало произвол стоящей у власти буржуазии. "Уложение, изданное буржуазией, по существу означает возврат к судам средневековья и к тюрьмам инквизиции", - заключал нелегальный журнал "Саркана Палидзиба" ¹.

¹ Саркана Палидзиба, 1933, Nr. 4/5.

15 мая 1934 года в Латвии был совершен фашистский переворот. В результате установления фашистской диктатуры был разогнан сейм, распущены оставшиеся при "демократической" Латвии рабочие организации, полностью уничтожены остатки формальных буржуазно-демократических свобод, а также было объявлено военное положение, просуществовавшее до 1938 года. Фашистский режим Ульманиса создал "по отношению к огромному большинству населения наиболее совершенный режим политического бесправия и произвола"¹.

В борьбе с революционной активностью рабочего класса и всех трудящихся фашистская клика широко использовала чрезвычайные законы (особенно "закон Керенского") и военные законы. Уложение 1933 года продолжало действовать, хотя оно по своему существу было фашистским законом и открывало возможности неограниченного произвола полиции и суда в отношении лиц, обвинявшихся в совершении политических преступлений, всё же оно отступило на задний план, уступая дорогу исключительным законам. Но и уложение 1933 года в последующие годы широко использовалось буржуазией для упрочения своего политического и экономического господства. Более того, в него было внесены многие изменения, отвечающие интересам стоящей у власти фашистской клики. Так, первые изменения были внесены в ст. 69 уложения². Эта статья предусматривала ответственность за "бунт" - насильственные действия, совершенные с целью свергнуть сейм или лишить его предоставленных ему конституцией функций. Действие лиц, совершивших 15 мая 1934 года фашистский переворот подпадали как раз под действие указанной 69 статьи уложения. Поэтому уже 18 мая 1934 года из текста данной статьи было исключено слово "сейм", и тем самым были "узаконены" произведенный переворот и разгон сейма. Соответственно была изменена и ст. 80 уложения, которая устанавливала уго-

¹ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un SK plēnumu rezolūcijas un lēmumi.-R., 1958, l.d., 602.lpp.

² Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums, 1934, 135.

ловную ответственность за воспрепятствование выборам в сейм.

Дополнения в уложение были внесены также и 12 марта 1935 года¹.

Они были направлены на усиление репрессий против борцов за дело рабочего класса. В введенной в уложение ст. 27¹ устанавливалось, что лица, осужденные за бунт и измену, подвергаются также дополнительному наказанию - конфискации имущества. Статьей 31¹ уложения предусматривалось введение полицейского надзора сроком на три года за лицами, осужденными к принудительным работам, заключению в исправительном доме или тюрьме. Полицейский надзор осуществлялся после отбытия наказания. Кроме того, диспозиции ряда статей уложения были изменены таким образом, что появилась возможность расширить круг лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за участие в революционном движении (ст. III, II2 и 282). Дополнения, внесенные в уложение, были также направлены на усиление уголовно-правовой защиты организации айзсаргов², полиции и армии как опоры фашистского режима. Например, статьи 179¹ и 179² предусматривали тюремное заключение за "неуважение законной власти", выразившееся в оскорблении армии в целом или отдельной ее части, полиции или организации айзсаргов путем явно неприличного поведения, либо письменно, либо в публично произведенной речи или в таком же сочинении, либо в распространении или открыто выставленном сочинении или изображении. Фашистская клика в очередной раз "согласовывала" нормы уложения с фактически существующим в стране режимом. В частности, из уложения была исключена глава 4-я, предусматривавшая уголовную ответственность за "нарушение действий сейма". Это и понятно, так как сейм был разогнан уже 15 мая 1934 года.

Дополнения и изменения вносились в уложение и в последующие

¹ Likumu un Ministru kabineta noteikumu kraujums, 1935, 34.

² Фашистская военизированная организация.

годы¹ и все они имели единую цель - усиление уголовных репрессий за действия, направленные против фашистского режима.

II февраля 1938 года правительство Ульманиса, опасаясь дальнейшего роста революционного движения, приняло новый фашистский акт - Закон о порядке и общественной безопасности в стране². Этим законом были отменены некоторые чрезвычайные законы: принятый 2 августа 1917 года "закон Керенского" и Закон об усилении борьбы с некоторыми преступными деяниями от 7 февраля 1927 года.

Новый закон также был чрезвычайным законом - он был направлен против трудового народа и его коренных интересов; он предоставил возможность карательным органам без следствия и суда расправляться со всеми инакомыслящими. Так, закон от II февраля 1938 года не только предоставлял право министру внутренних дел своей властью устанавливать правила и издавать распоряжения об ограничении различных мероприятий, собраний, уличных шествий и т.п., о поддержании порядка и общественного спокойствия, но "в случае необходимости" даже создавать нормы, не предусмотренные Уголовным уложением. Именно таким путем была установлена административная и уголовная ответственность за неумышленное распространение слухов или сведений, "вредных государству и обществу", а также за нарушение запрета на забастовки и локауты или за подстрекательство к подобным действиям. Следует отметить, что в соответствии с ранее действовавшим уложением распространение подобных слухов или сведений признавалось наказуемым лишь в тех случаях, когда деяния совершались умышленно и открыто (ст. 282 - 285), а уголовная ответственность за забастовки и подстрекательство к ним наступила лишь тогда, когда соответствующие действия существенно угрожали общественным интересам (с. 2-4).

Кроме того закон от II февраля 1938 года полностью воспроиз-

¹ Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums, 1936, 137; 1937, 53; 1938, 54; 1939, 137, 162.

² Там же, 1938, 41.

вёл хорошо известные латвийскому пролетариату нормы "закона Керенского", позволяющего признанных "вредными для безопасности государства или его хозяйственных интересов" лиц, содержать под стражей сроком до шести месяцев (в дальнейшем разрешалось неоднократное продление этого срока), высылать за пределы государства на определенный срок или запрещать им проживание в определенных местностях. Кроме того, Закон о порядке и общественной безопасности в стране предоставлял военному министру право передавать на рассмотрение военного суда дела о так называемых политических преступлениях, предусмотренных Уголовным уложением. К таким преступлениям были отнесены деяния, совершенные с целью изменения существующего в Латвии государственного строя; деяния, направленные на свержение президента или правительства или лишения их законных функций; участие в организации, преследующей указанные цели; посягательство против государственного спокойствия и другие. За совершение указанных преступлений суд мог в соответствии с военно-уголовным законом приговаривать осужденных к пожизненным принудительным работам или даже к смертной казни. Показательно, что буржуазные юристы одобрительно отзывались о применении к борцам за свободу столь суровых репрессий¹.

Дополнения, внесенные 19 сентября 1939 года в закон от 11 февраля 1938 года, значительно расширили применение внесудебных репрессий². Внесенными дополнениями предусматривалось помещение лиц, которые "могли бы угрожать общественному спокойствию и народу" в особые лагеря. Таким образом, полиции было предоставлено право помещать в специальные места заключения лица, опосредованных в будущем совершить преступление. Юридически это означало, что реакционная буржуазия Латвии окончательно отказалась от элементарнейших принципов законности в уголовном праве. Стремление буржуазии "...избавиться от ее же созданной и для нее ставшей невыносимой законности"³ в фашистской Латвии ока-

¹ Minz P. Krimināltiesību Sevišķa daļa. - R., 1939, 13. lpp.

² Likumu un Ministru kabineta noteikumu krājums, 1939, 150.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

залось претворенным в действительность.

Предусмотренные в уголовных и чрезвычайных законах суровые меры в первую очередь использовались для расправы с революционерами. За двадцать лет господства латвийская буржуазия при помощи своих карательных органов арестовала более 45 тысяч человек, обвинив их в участии в революционном движении. В 1933 году вместе с Уголовным уложением вступило в силу новое положение о дисциплинарных наказаниях¹, которое значительно ограничило права политических заключенных. На политзаключенных был распространен так называемый "прогрессивный режим" отбывания наказания, предусмотренный инструкцией 1927 года². Тюремная политика фашистского правительства была направлена на то, чтобы не выпустить живым из тюрьмы ни одного политзаключенного³.

После фашистского переворота местом заточения политзаключенных стала Калнциемская каторга. Она была создана в 1935 году специально для политзаключенных: режим в тюрьмах казался карательным органам слишком мягким. Кроме того, тюрьмы не могли вместить всех арестованных рабочих и крестьян. Калнциемская каторга "славилась" особо зверским режимом⁴ и ничем не отличалась от гитлеровских концлагерей. Однако революционное движение в Латвии нарастало. Вопреки жестким репрессиям в революционное движение под руководством Коммунистической партии включались всё новые тысячи трудящихся, ведущие непримиримую борьбу за окончательную победу трудового народа и диктатуру пролетариата. Эта борьба увенчалась успехом летом 1940 года, когда трудящиеся Латвии, восстановив Советскую власть, завоевали подлинную демократию и свободу.

¹ Likumi un Ministru kabineta noteikumu krājums, 1933, 135.

² О тюремной политике буржуазной Латвии и о борьбе политзаключенных см.: Latvijas demokrātijas moku kambaros. - М., 1923; Aiz restēm. Latvijas politisko ieslodzīto rakstu krājums. - М., 1929; Rapórorts G. Pagrīdes ikdiēna. - R., 1961 и.с.

³ Комунāгу Сīпа, 1933, 8. Janvāri.
⁴ Пролетарская правда, 1940, 27 ноября.

Э.Б.Белонас

РЕАКЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТВЕ

Среди острейших социальных проблем в буржуазной Литве была и проблема общеуголовной преступности. Высокий уровень, быстрый рост, неблагоприятные структурные сдвиги последней наглядно фиксировались, не смотря на неполноту и иные серьезные недостатки, самой официальной статистикой, отражавшей деятельность органов уголовной юстиции. Например, среднегодовое количество уголовных дел, поступавших в суды буржуазной Литвы, в двадцатые годы составляло примерно 74 тысячи¹. В последующее десятилетие оно увеличилось почти в полтора раза и превысило 108 тысяч дел. Это давало очень высокий коэффициент преступности. В тридцатые годы он колебался в пределах 4 - 5,7 тысяч дел на сто тысяч населения. Обработка официальной отчетности за период с 1920 по 1939 г. методом аналитического выравнивания показывает, что количество поступавших в суды уголовных дел ежегодно увеличивалось примерно на 6,4%. В то же время численность населения Литвы росла всего на 1% в год. Таким образом, преступность, измеряемая уголовными делами, обгоняла рост населения более чем в шесть раз. При этом постоянно возрастало количество наиболее опасных и распространенных преступлений: убийств, телесных повреждений, случаев разбоя, краж, мошенничества и др. Увеличивался их удельный вес в структуре преступности. Такие же неблагоприятные тенденции обнаруживала молодежная и рецидивная преступность. Не менее рельефно подобные черты общеуголовной преступности раскрывали также материалы поли-

¹ Использование здесь именно этого показателя деятельности судов навязано спецификой уголовной статистики буржуазной Литвы.

цейских, тюремных и других органов I.

Такое положение дел вызвало острую потребность в изучении преступности, в рекомендациях по борьбе с ней. Однако конкретно-исторические условия, в частности, отсутствие специалистов и научных традиций в области таких исследований, были причиной относительно медленного зарождения криминологической мысли в буржуазной Литве. В начале двадцатых годов серьезное обсуждение проблем преступности, как показывает анализ источников того времени, по сути дела не проводилось. Со временем положение постепенно менялось, и уже к началу тридцатых годов появилось много работ, посвященных этим проблемам.

Необходимо отметить, что криминологическая мысль в буржуазной Литве формировалась и развивалась под определяющим влиянием зарубежной криминологии. Литовские авторы ссылались, как правило, на труды известных ученых западных стран: А.Кетле, Ч.Ломброзо, Р.Гарофало, Э.Ферри, Г.Тарда, Э.Дюркгейма, А.Принса, а в последствии и Э.Сатерленда, О.Кинберга, А.Ленца и др. Известны были и концепции дореволюционных русских криминалистов, в частности Д.А.Дриля, а также отдельные работы советских ученых, например, М.Н.Гернета. В целом можно сказать, что основные криминологические течения того времени в Литве были известны.

Заимствование идей столь разнообразной, сложной и противоречивой зарубежной криминологии приводило к тому, что литовская криминологическая мысль, представляемая наряду с юристами также медиками, психологами, статистиками и специалистами других областей, обнаруживала большую пестроту воззре-

I Подробно статистические материалы см.: Dągys J. Ką rodo buržuazines Lietuvos kriminaline statistika. - Lietuvos TSR aukštesnysis mokymų mokymo darbai. Teisė. T.2. Vilnius, 1961. Белюнас Э.Б. О преступности в буржуазной Литве (1920-1939). - Вестник МГУ. Право, 1977 №4; его же, О преступности несовершеннолетних в буржуазной Литве. - Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Право. Т. XIV. Вильнюс, 1978.

ний. Однако это не привело к серьезным дискуссиям, к принципиальной научной конференции сторонников разных криминологических течений. Отчасти это объясняется тем, что литовские авторы, исходившие из своих профессиональных и иных интересов, изучали только отдельные участки криминологической проблематики. Попытки же создать целостные криминологические теории вообще отсутствовали. На наш взгляд, это свидетельствует о сравнительно невысоком научном уровне развития криминологии в буржуазной Литве.

Недостаточный уровень её развития, коренные методологические и методические пороки лежали в основе многих искажений и ложных выводов как при исследовании и оценке состояния преступности и отдельных её частей, так и в области поиска причин их роста и распространения, а также рекомендаций по борьбе с ними. Эти недостатки ещё более ярко обнаруживали классовую сущность криминологии, роль её выполнении социального заказа правящей буржуазии. Интересам последней полностью соответствовало имевшее место приукрашивание картины преступности, затушевывание генетических связей её с глубинными процессами, имманентными капиталистическому обществу, создание иллюзий о возможности сдерживания и успешной борьбы с преступностью в рамках данного общества.

Установлению максимально точного представления о состоянии общеуголовной преступности препятствовали многие факторы. Конечно, в первую очередь необходимо иметь в виду традиционные репрезентативные недостатки, свойственные официальной уголовной статистике буржуазной Литвы как и любой другой капиталистической страны. Вместе с тем следует указать и на другие обстоятельства, на конкретно-исторические особенности создания и функционирования системы органов уголовной юстиции. Так, в первые годы буржуазного господства в Литве работа полиции и судов ещё не была налажена. Для последующих лет характерны значительные организационно-структурные изменения этих органов. Вполне понятно, что это сказывалось на статистической отчетности, препятствовало её стабилизации. Кроме того, часто менялись и внутриведомственные акты, непосредственно регламентировавшие ведение уголовно-статистической отчетности, что ещё больше повышало её изменчивость. Всё это серьезно затрудняло, но не ис-

ключало изучение и оценку общего состояния преступности. Тем не менее литовские буржуазные юристы не предпринимали попыток глубже изучить всю накопленную статистическую информацию, довольствуясь лишь удобными для использования отрывочными данными полицейской или судебной отчетности. Кстати, здесь следует обратить внимание и ещё на одно обстоятельство. Статистические отчеты полицейских и судебных органов отражали преступность своеобразно, не одинаково полно и далеко не всесторонне. Поэтому отдельно, вне связи между собой анализируемые ведомственные материалы не только не отражали всю общеуголовную преступность но и, претендуя на это, искажали реальную её картину, приуменьшали действительные её размеры.

Существенным пороком в трудах литовских авторов тех лет следует считать абсолютное доверие, наряду с официальной уголовной статистикой, и к статистике демографической. А между тем официально публикуемые демографические данные, без которых не обходились криминологические подсчеты, нельзя было признавать достаточно надёжными. Дело в том, что Статистические ежегодники Литвы, служившие источником демографической информации, не учитывали массовой эмиграции за границу, а также сезонной маятниковой миграции. Следовательно, при подсчётах этот фактор упускался из виду, хотя очевидно, что интенсивные миграционные процессы не могли не повлиять на размеры и динамику преступности. Так, с 1920 по 1939 год из Литвы, население которой лишь немногим превышало 2 миллиона, эмигрировало не менее 100.000 человек. Естественно, в основном это были наиболее работоспособные группы населения, молодежь, которая в то же время "поставляла" и наибольшее количество преступников. Кроме того, значительный размах имела сезонная, маятниковая миграция: тысячи людей каждой весной отправлялись на сельскохозяйственные работы в Германию и Латвию, возвращаясь после их окончания домой. В 1929 - 1936 гг. в одну только Латвию ежегодно в среднем уезжало до 14 тысяч сезонных рабочих¹. Расхождение между реальной, действительной численностью населения и сведениями,

¹ См.: Lietuvos TSR istorija. T. 3. Vilnius, Mintis, 1965, p.

приводимыми в Статистических ежегодниках на конец 1938 г. составляло около 77 тысяч¹. Поэтому, если скажем, сопоставлять только официально опубликованные данные, то получится, что в 1938 г. на сто тысяч населения в судах приходилось около 4.010 уголовных дел. В то же время при учёте эмиграции коэффициент повышается до 4.165 дел. Ещё более сщутимо это отражается на коэффициентах отдельных видов преступлений.

Возвращаясь к уголовной статистике необходимо отметить, что она обходилась и без сознательного, умышленного искажения некоторых криминологически значимых данных. Возьмем, к примеру, такой показатель как раскрываемость преступлений. Судя по официальной отчетности, к раскрытым причислялось каждое раскрытое в данном конкретном году преступление, не зависимо от даты его совершения. При вычислении процента раскрываемости эта совокупность соотносилась с массой тех преступлений, которые были совершены в рассматриваемом году. Естественно, процент раскрываемости искусственно завышался. Поэтому не удивительно, что по некоторым категориям преступлений он даже превышал стопроцентный предел. Конечно, такие "показатели" значительно улучшались и случаями "раскрываемости" самоочевидных преступлений. Видимо, именно манипуляции подобного рода лежали в основе отрядных заявлений о том, что в Литве, дескать, самая лучшая полиция, самый высокий процент раскрываемости преступлений и т.д.². Столь высокие оценки не подтверждаются при первой же проверке. В качестве примера возьмем раскрываемость преступлений в том же 1938 г. Полицией зарегистрировано 75.508 преступлений³. Раскрыто (напомним, что формулировка "из них" здесь не подходит!) - 66.083 случая. Официальный процент раскрываемости - 87,5%. Соответствующие проценты выведены и для 84 категорий преступлений в отдельности. Раскрываемость один-

1 См.: Jurskis A. Lietuvos gyventojai 1938 metais.- *Ekonomika*, 1939 Nr.2, p.97.

2 См., напр.: *Policija*, 1928, Nr.8, p.12.

3 См.: *Kriminalistikos žinybas*, 1939 Nr.26, p.74-81.

надцати категорий преступлений - стопроцентная. К ним относится дача взятки, нарушения законов о воинской обязанности, об эмиграции и т.д. Раскрываемость шести категорий преступлений из-за манипуляций при подсчете превышает 100%! Это относится даже к некоторым категориям убийств: из корыстных побуждений (107,7%), в драке (105,2%) и т.п. Но вот возьмем другие деяния. Изготовление поддельных денег раскрыто 40% случаев; сбыт таких денег - 38,6%. Возьмем наиболее распространенные преступления: кража лошадей - 71,3%, кража иного скота - 40,2%, карманные кражи - 61,4%, квартирные - 48,6%, кражи из магазинов и складов - 44%, остальные (16.296 случаев) - 60,5%. Разбой - раскрыто всего около 50% случаев. Таким образом, механизм образования благополучного общего процента раскрываемости налицо. В действительности же под ним спрятана масса нераскрытых преступлений, причем самых распространенных, наиболее опасных. Излишне говорить, что масса таких дел не могла быть отражена в статистике судов, так как до них просто не доходила. Кстати, органы полиции не направляли в суд даже некоторые раскрытые дела. Часть уголовных дел по обвинению несовершеннолетних после завершения расследования оставалась в полиции в ожидании дальнейшего поведения подростков. Только в случае совершения ими повторных преступлений дела направлялись в суд¹. Добавим, что уголовные дела вовсе не возбуждались по многочисленным крупнейшим финансовым аферам и другим преступлениям представителей буржуазии. А в тех случаях, когда чересчур зарвавшиеся спекулянты и растратчики из "высших" слоев общества всё же привлекались к уголовной ответственности, суды часто их оправдывали².

¹ См.: Pivorūnas Z. Mažamečių nusikaltėlių kvatos ir bylų kelimas. - Kriminalistikos žinynas, 1940 Nr. 31, p. 11. Valys J. Mažamečių nusikaltėlių klausimu. - Policija, 1938 Nr. 21, p. 410.

² См., напр.: Spekuliacinio kapitalo valdžioje (1919-1926). Dokumentų rinkinys. Vilnius, Moskva, 1976.

Несмотря на одновременное действие многих факторов, способствовавших искусственному занижению размеров общеуголовной преступности, искажению её статистического отображения, большинство буржуазных юристов всё-таки усматривало и подчеркивало серьёзность проблемы преступности в Литве. Конечно, этого нельзя сказать об авторах публикаций, преследовавших явно пропагандистские цели ¹.

Пессимистические оценки положения дел сопровождались разнообразными попытками выявить причины преступности. Правда, распространялись и такие идеи, которые полностью исключали детерминистическое понимание природы преступного поведения или отрицали возможность определения круга криминогенных факторов, познания механизма их действия ².

Важно отметить, что в литературе того времени чаще всего говорилось не о преступности в целом, а об отдельных видах преступлений. Обсуждались проблемы убийств, хулиганства, краж, поджогов и пр. Подход к преступности как к массе, сумме преступлений вёл к тому, что вопрос её причин решался путём отыскания криминогенных факторов в генезисе отдельных преступлений. Упоминалось несколько десятков самых различных факторов: нищета, последствие войны, влияние городской среды, неурожай, стихийные бедствия, безбожие, невоспитанность, наркомания, проституция, пол, возраст, венерические болезни, наследственные склонности к психическим заболеваниям, неустойчивому и преступному поведению, национальная и расовая принадлежность и т.д. ³. Предпринимались попытки объединения подобных факторов в группы, утверждалось, что "криминогенный комплекс", вступающий причиной преступления - это следствие взаимодействия экзогенных (внешних) и эндогенных (внутренних) факторов. Мнения расходились только при решении вопроса о соотношении этих факторов,

¹ См., напр.: Ruzickas Petras. Visuomenes kova su nusikaltimais. Kaunas, 1937, p.13-16.

² См.: Tomkus J. Doroš mokslas ir nusikaltimai.- Кн.: Kova su piktu radijo bangomis. Kaunas, 1938, p.53-54. Kurklietis Iz. Nusikalstamumo problema.- Naujoji Romuva, 1939 Nr.II, p.225.

³ См.: Kova su piktu radijo bangomis. Kaunas, 1938.

поскольку доминирующая роль отводилась то одной, то другой их группе.

Наиболее яркими представителями биосоциального направления, акцентировавшими доминирующее значение прирочденных свойств человека в преступном поведении, являлись проф. И. Блажис, приват-доцент Б. Лазерсонас, В. Густайнис и некоторые другие. Следует вместе с тем отметить, что взгляды сторонников этого направления заметно варьировали. Наиболее реакционные идеи были высказаны В. Густайнисом, одним из фашистских идеологов, в статье под названием "Уголовные преступления и евгеника" ^I. Восхваляя расистские концепции преступности и практику их осуществления в фашистской Германии, он писал, что преступники - либо прирочденные, либо стали такими сами по себе, из-за своих духовных качеств, моральной недисциплинированности. По утверждению этого реакционера, евгеника допускает также существование вида "сознательных" преступников со здоровой натурой, подталкиваемых на совершение преступлений притупленной, заснувшей моралью. К этой последней категории им причислялись и представители состоятельных слоев общества, высокопоставленные чиновники, пользовавшиеся влиянием и известностью. Поставлен перед многочисленными и широко шумевшими фактами крупнейших преступлений, совершенных представителями буржуазии, автор статьи, очевидно, избегал отнесения последних к дегенератам. Рецидивисты в то же время прямо назывались вырожденками или моральными дегенератами. Хотя выявление таких преступников-дегенератов было, по мнению В. Густайниса, не такой уж простой задачей, тем не менее "... во многих случаях опытный глаз психиатра с самых поверхностных признаков определяет, связано преступление с унаследованной негативной натурой, или оно является только следствием плохой среды". Далее пишется, что выявление дегенератов, почти без исключения имеющих врожденные преступные наклонности, должно исходить из внешности человека, его походки, черт лица, взгляда, почерка и пр. Наконец, "... если не дисгормония лица, походка и манера вести себя, не блу-

^I Gustainis V. Kriminaliniai nusikaltimai ir eugenika.- Kn.: Kovokime su nusikaltimais. Kaunas, 1933, p.86-92.

ждающие глаза, обезьяньи уши, то часто определенные нюансы голоса много говорят о натуре человека".

После таких рассуждений ломброзианского толка, вполне естественно, излагались соответствующие рекомендации по "усовершенствованию" борьбы с преступностью. Тут же писалось, что наказания, назначаемые, в частности, рецидивистам, должны иметь защитный характер, а не воспитательное значение или моральный смысл. "Нельзя ждать, чтобы преступники-дегенераты исправились! Поэтому и из тюрем их не надо выпускать!" - восклицает В.Густайнис. Если же преступник не осужден к пожизненному заключению, то его следует хотя бы стерилизовать, чтобы не дожидаться потомства с отягощенной наследовательностью.

В целом указанная статья В.Густайниса является конденсатом самых реакционных человеконенавистнических идей и предложений, расхваливающих неограниченный произвол и беззаконие, призывающих к крайнему ожесточению уголовной репрессии.

Сходные идеи излагал и некий Й.Купрюс, отмечавший, что вопрос этот - расовый, и выражавший сожаление в том, что в Литве он только начинает подниматься ¹.

Другой представитель этого направления, приват-доцент Каунасского университета В.Лазерсонас, высказывал более сдержанные суждения. Он, в частности, писал, что хотя мы "... признаем влияние конвергенции, взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов, однако на вопрос, существует ли тип врожденного преступника, должны ответить положительно" ². Говоря о преступном деянии как результате взаимодействия множества унаследованных и приобретенных человеком пороков, он подчеркивал, что здесь особенно большая роль принадлежит унаследованным психофизическим дефектам:

¹ Kuprius J. Nusikalteliai, paveldėjimas ir sterilizacija.- Policija, 1933 Nr.20, p.324-325.

² Lazersonas V. Mažamečių nusikaltelių klausimu.- Tautos mokykla, 1935 Nr.6, p.126.

Профессор И. Блажис, заведующий кафедрой нервных и психических заболеваний Каунасского университета, в ряде своих трудов тоже акцентировал доминирующее значение прирожденных факторов в генезисе преступного поведения. Однако по исследованиям, проведенным им самим, в Каунасской каторжной тюрьме удалось обнаружить только 5% заключенных с невропсихическими аномалиями¹.

Изучение литературы того времени показывает, что, несмотря на относительную популярность биокриманологических идей, большинство авторов примыкали всё-таки к социологическому направлению буржуазной криминологии. Здесь нужно отметить, что масса работ социологического направления характеризовалась исключительной пестротой, выдвиганием на первый план самых различных социальных и иных факторов, нередко с противоречивой оценкой, и различной глубиной их анализа и т.д. Наряду с явно поверхностными, порой просто спекулятивно выведенными связями того или иного фактора с преступностью, предпринимались попытки и более глубокого, соответствовавшего уровню тогдашней науки, анализа криминогенности отдельных факторов или их групп. Однако некоторые верно подмеченные моменты не получали дальнейшего развития, не связывались с более глубокими социальными процессами, с проблемой происхождения самих этих криминогенных факторов.

В целом предполагаемые успехи в борьбе с преступностью социологами связывались с искоренением бродяжничества, безработицы, нищеты, пьянства, проституции, с улучшением материального, жилищного обеспечения населения, его просвещения, воспитания, с укреплением религии, привлечением общественности к профилактической деятельности, проведением разных реформ в других областях общественной жизни. Но при этом всегда обнаруживалась полная и закономерная их беспомощность в вопросе о конкретных путях осуществления подобных проектов в условиях данного общества.

¹ Blažus J. Nusikalčių tyrimas ir nusikalstamybės profilaktika. - Kriminalistikos žinynas, 1939 Nr. 25, p. 12.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать вывод о наличии ряда поверхностных суждений, серьезных ошибок и реакционных выводов, свойственных криминологии в буржуазной Литве. В основе их, как мы пытались показать, лежали крупные недостатки информационной базы криминологических исследований в сочетании с коренными пороками в области методологии и методики их проведения. Не в зависимости от того, желали этого представители тогдашней литовской криминологической мысли или нет, результаты их работ полностью отвечали классовым интересам и вопросам правящей литовской буржуазии, обнаруживая тем самым и свою общую реакционную направленность.

Э.А.Малькисис

ИЗВРАЩЕНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ ПРОГРЕССИВНЫХ ИДЕЙ ГАРЛИБА МЕРКЕЛЯ

Гарлиб Меркель (1769-1850) - виднейший прогрессивный прибалтийский политический мыслитель и общественный деятель в конце 18-го - начале 19-го веков. Его антифеодальные выступления, самоотверженная борьба за освобождение латышского и эстонского народов от многовекового ига остзейских баронов-помещиков, борьба за тесные связи Прибалтики с Россией оставили заметный след в истории прибалтийских народов.

Мировоззрение Меркеля формировалось под влиянием гуманных идей Просвещения и французской буржуазной революции. Его политические позиции определили жесточайшая крепостническая эксплуатация латышских и эстонских народов, осуществлявшаяся остзейско-немецкими колонизаторами, и массовые крестьянские волнения. Он самоотверженно встал на сторону поработенных и эксплуатируемых прибалтийских народов. В своих воспоминаниях Меркель писал, что он решился "взяться за опасное начинание: быть судьей не отдельных личностей, а всех тех общественных отношений, которые делали возможным такие злодеяния и всеобщее несчастье двух народов!"¹

Таким обвинительным актом являлся его первый труд "Латыши, особенно в Лифляндии в конце философского столетия", опубликованный в 1796 году в Лейпциге на немецком языке. В последующем, книга "Латыши..." 6 раз переиздавалась на латышском, 4 раза - на немецком, 2 раза - на русском языках; отдельные ее главы были переведены на французский и датский языки.

Книга "Латыши..." вызвала огромный общественный резонанс и интерес. Шестьдесят лет спустя русский революционный демократ Н.Г.Чернышевский назвал эту книгу "замечательным сочета-

¹ Merkel G. Darstellungen und Charakteristiken aus meinen Leben. Bd.1, Leipzig, 1839, S.217.

нием в котором автор ярко выставил вредное влияние и жалкое последствие крепостной зависимости¹. Она по своей антикрепостной направленности перекликалась со знаменитой книгой А.Н.Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" и той острой критикой феодального строя, которая под влиянием французской буржуазной революции разнеслась по всей Европе.

В кругах остзейского дворянства и духовенства книга Меркеля вызвала, как правильно отмечает академик П.И.Валескалн, "переполох и дикую ярость"². Влияние этой книги оценивалось как взрыв бомбы.

Интересно, что время, прошедшее с тех пор, не погасило раскаты этого взрыва. Историк ГДР Хорст Ададек правильно подметил, что та политически острая полемика, которая началась выступлением Меркеля, продолжается по сей день"³.

Уже в течении первых 25 лет общественной деятельности Меркеля, как он сам подсчитал в 1821 году, против него были опубликованы 254 книги, статьи. Академик Я.Зутис правильно отметил, что целые полчища дворянских писак в продолжении ста лет старались опорочить его критику крепостного права в Лифляндии"⁴.

Фальсификация и искажение передовых политических идей Меркеля, начатые представителями остзейского дворянства и духовенства, продолжали и идеологи, и публицисты в буржуазной Латвии. Правда, они как правило, отрицали действительность борьбы Меркеля против крепостнических порядков. Некоторые, как например, Бено Аберс, признавали даже влияние Меркеля на последующее крестьянское законодательства. Однако, многие буржуазные

¹ Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч., т.5, с918.

² Валескалн П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли в Латвии, Рига, 1967, с.62.

³ см. *Freimütiges aus den Schriften Garlieb Merkels*. HRGS. von Horst Adameck. Berlin, 1956, S.6.

⁴ Зутис Я. Очерки по истории Латвии. Ч.1, Рига, 1949, с.94.

историки и публицисты, в том числе А.Швабе, заявляли, что Меркель слабо ориентировался в вопросах аграрных отношений, не знал истинных нужд латышских и эстонских крестьян. Некоторые пытались утверждать, что якобы в предложениях Меркеля содержатся зачатки роковых ошибок аграрных законов 1816-1819 годов, согласно которым эстонские и латышские крестьяне получили личную свободу, однако без права на землю и сельскохозяйственный инвентарь. В этой связи эстонский и советский историк Ю.Кахк отметил, "что таким образом ответственность за реакционную и корыстную аграрную политику зваливалась на Меркеля, который на самом деле самсоотверженно защищал интересы крепостных крестьян" ¹.

Неприемлимыми для идеологии латышских буржуазных националистов были взгляды Меркеля на социально-политическую роль остзейско-немецкого дворянства и духовенства в истории народов Прибалтики. Гарлиб Меркель был одним из первых политических мыслителей, который, несмотря на свое немецкое происхождение, приступил к последовательному и конкретному разоблачению господствовавшей в то время "теории" о том, что остзейские бароны и их предки - крестоносцы в XIII веке принесли прибалтийским народам "культуру и цивилизацию". В своих трудах "Латыши...", "Древние времена Лифляндии" и др. Меркель показывал, что прибалтийские народы уже до нападения германских завоевателей имели свою самобытную культуру, свои государственные образования, жили свободной, независимой жизнью. Они находились как раз на пути к дальнейшему развитию, расцвету. Но именно германские завоеватели прервали путь естественного развития латышского и эстонского народов, лишили их свободы и под "кнутом жесточайшего деспотизма заставляли обрабатывать свои поля в пользу вечно чуждого класса людей ..." ². Г.Меркель убедитель-

¹ Кахк Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии. Таллин, 1962, с.153.

² Merķelis G. Izlase, R., 1969, 52.lpp.

но показывал, что германские завоеватели путем грубого насилия довели латышей и эстонцев до скотского состояния", стали воображать, что их власть над крепостными сходна с "властью мясника над купленным скотом" ¹.

Подобные разоблачения, которые убедительно показаны в трудах Меркеля, явно противоречили утверждениям идеологов латышских буржуазных националистов, особенно после фашистского переворота в 1934 году, о том, что исторические судьбы латышского народа якобы прочно связаны с Германией, с юнцами, предки которых якобы спасли прибалтийские народы от "восточного варварства".

Весьма характерны в этом отношении высказывания бывшего эстонского буржуазного политического деятеля Акселя де Фриес, который до своей смерти в 1963 году являлся в Западной Германии председателем немецко-прибалтийского землячества. Он пытался утверждать, что "сегодня нет никаких сомнений насчет того, что прибалтийские народы, прежде всего латыши и эстонцы, как на родине, так и их эмигранское правительство, узам судьбы связаны с Западом" ². При этом Аксель де Фриес приносит свою "благодарность и почтительность" предкам, которые "своей жизнью и своим трудом" создали в прежние века такую "ориентацию". Одновременно Аксель де Фриес вынужден был констатировать, что даже в наше время, правда, по его выражению, "случайно" имеют хождение взгляды из "обличительной литературы конца 18-го начала 19-го века", автором которой является Меркель. Но с этой литературой, также как приведенными Меркелем фактами он справляется одним росчерком пера, заявляя, что эта литература "не соответствует фактам истории" ³.

Латышским и эстонским буржуазным националистам особенно не понравилось приведенное Меркелем доказательство того, что

¹ Merķelis G. Izlase, R., 1969, 52.pp.

² Axe de Vries. Die Westorientierung der baltischen Völker.- Jahrbuch des baltischen Dautschums. Bd.X, 1963, S.114-115.

³ Axel de Vries. Die Westorientierung., S.113.

историческая судьба и будущее прибалтийских народов связаны не с германскими завоевателями, а с народами России.

Убеждения Меркеля о том, что народы Прибалтики должны поддерживать и упрочнять свои отношения с Россией основываются на двух предпосылках. Во-первых на правильном понимании Меркелем географического положения Прибалтики, непосредственно связано не с Германией или Швецией, а с обширной Россией. Об этом он писал уже в своем первом труде "Латыши..." Меркель указывал, "что будущее Лифляндии, ее экономический прогресс, расцвет латышского народа зависит от политической и хозяйственной общности с Россией, что это определено географическим положением Лифляндии" ¹.

Вторая предпосылка о необходимости упрочнять связи народов Прибалтики с Россией коренится в его убеждении, что Россия, русский народ имеет особую жизненную силу, "напористый юношеский характер" ². Это убеждение особенно укоренилось после победы русского народа над вторгнувшимися полчищами Наполеона в 1812 году. В это время Меркель приходит к выводу, что Россию ждет особое будущее, что она "будет шествовать к тому высокому назначению, куда зовут ее природные способности и характер наций" ³.

Меркель всегда подчеркивал свое уважение к России, считая ее своим отечеством ⁴. В этом отношении характерен следующий факт. Когда в 1799 году Меркель жил в Берлине, к нему обратился посол Франции, видный конституционалист Аббат Сийес с предложением переселиться во Францию и поступить на службу. Отвергая это предложение, Меркель, как позже он писал в своих воспоминаниях, ответил послу, что он "родился в России", и

¹ см. Merķelis G. Izlase, 129.lpp.

² см. Merķelis G. Brīvie latvieši un igauņi. Pēterburga, b/g, 2.lpp.

³ Меркель Г. Положение Европы в декабре 1812 г. - "Вестник Европы", 1812, ч.65, с.304.

⁴ см. Merkel G. Über Deutschland, Bd. 2, Riga, 1818, S.177.

хотя "по своему значению является только пылинкой, все же он не хотел бы даже этот ничтожный вес бросить на весы против России" ¹.

Латышские буржуазные националисты пытались полностью замалчивать или исказить до неузнаваемости действительные взгляды Меркеля о России, о взаимоотношениях прибалтийских народов с народами России. Ни в одной из публикаций эти взгляды не освещались. Публицист К. Лейниекс (Дзильлея) в своей обширной книге "Гарлиб Меркель" (1935) прямо искажал взгляды Меркеля о России. В частности, излагая эпизод встречи Меркеля с аббатом Сийес, Лейниекс писал, что Меркель якобы дал аббату следующий ответ: "Я немец. И пока я не могу вернуться на родину, я могу быть полезен и для Германии" ².

Но защитникам политики остзейского дворянства и духовенства, представителям идеологии буржуазных идеологов не удалось предать забвению подлинные политические взгляды Меркеля. Советскими учеными восстановлены и раскрыты основные положения прогрессивных взглядов Меркеля - самоотверженного борца за жизненные права народов Прибалтики ³.

¹ Merkel G. Darstellungen und Charakteristiken ..., Bd. 1, S. IV.

² Dzilleja K. Garlibs Merķelis, Rīga, 1935, 190-191. lpp

³ см. Миллер В.О., Мелькисис Э.А. Политико-правовые взгляды Гарлиба Меркеля, М., 1977, с.159.

Г.Я.Клява, А.А.Плотнико

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В ЛАТВИИ
В УСЛОВИЯХ БУРЖУАЗНОЙ ДИКТАТУРЫ

Два десятилетия существования буржуазной государственности в Латвии (1920 - 1940) в области общетеоретических юридических наук характеризовалось насаждением в высшей школе традиционных для буржуазной науки юридических и политических доктрин. Латвийская буржуазная профессура и ученые - белоэмигранты из советских республик пытались предать забвению марксистско-ленинскую общую теорию права, которая как отрасль знания в республике начала развиваться в 1917 - 1919 гг. ¹. Источниковедческую базу немногих публикаций по общетеоретическим вопросам права, вышедших в свет в те годы в Латвии составляли работы русских дореволюционных и западноевропейских правоведов; марксистская теория права в них обходится почти полным молчанием.

Тем не менее, это не могло приостановить процессы становления и развития марксистско-ленинской общей теории права. Учение марксизма-ленинизма о государстве и праве творчески применялось в деятельности Коммунистической партии Латвии - в ее документах находили свое решение и вопросы, не лишённые теоретического интереса. В Латвии нелегально распространялись изданные в Советской России на латышском языке труды классиков марксизма-ленинизма. В 1924 г. издательством "Прометей" был выпущен в свет на латышском языке первый том "Капитала" К.Маркса ².

¹ Стучка П. В борьбе за Октябрь. Рига, 1960, с.55-59. 107-113. 155-159, 210-226; Стучка П. За советскую власть в Латвии. Рига, 1964, с.68-67; Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с.225-274; Stučka P. Nacionālais jautājums un latviešu proletariāts. Rīga, 1972., 216-217, 225-242, 256-265 lpp.

² Маркс К. Капитал, 1 сēj. Maskavā, 1924.

К изданию избранных произведений В.И.Ленина на латышском языке приступило "Центральное издательство народов СССР." В 1925 году впервые были изданы на латышском языке произведения В.И.Ленина, написанные в период революции 1905 года¹. В предисловии редакционная коллегия, в состав которой вошли П.Стучка, И.Крастинь, В.Кноринь и Р.Баузе, изложила основную задачу издания: теоретически вооружить трудящихся, дать им возможность с позиций ленинизма оценить достижения и ошибки в революционной борьбе. "Латвийским рабочим и работницам, - говорилось в предисловии, - еще предстоит завоевать политическую власть, и написанное В.И.Лениным о давно минувших событиях дает богатый материал для понимания многих современных событий"².

Видную роль в распространении среди рабочего класса Латвии марксистско-ленинских взглядов на государство и право сыграли труды П.Стучки. В многочисленных статьях, опубликованных в нелегальной коммунистической печати, разоблачался процесс конституирования буржуазной государственности³, реакционный характер буржуазной избирательной системы⁴ и общий кри-

I. Ļepins N.(Uljanovs V.). Rakstu izlase, 3.sēj. Maskavā, 1925, 344 lpp.

² Turpat, 12 lpp.

³ § [Stučka P.] Taktikas jautājums.- Cīņas Biedrs, 1920., Nr. 3, 1.-10.lpp.; § [Stučka P.] Vēl reiz taktikas jautājumā.- Turpat, Nr. 4., 1-16. lpp.

⁴ § [Stučka P.] Rīgas pilsētas vēlēšanas un boikots.- Cīņas Biedrs, 1920., Nr. 1., 2.-10. lpp. § [Stučka P.] Jaunā situācija ? - Turpat, 1922., Nr. 20., 14.-25. lpp.;

§ [Stučka P.] Vēlēšanu iznākumi un izredzes.- Turpat, 1925., Nr. 30., 1.-21.lpp.

зио буржуазного парламентаризма в Латвии¹. Предупреждая об опасности установления фашистского государственного режима², П.Стучка учил трудящихся, что Латвийское государство сможет стать подлинно свободным лишь в составе Союза Советских Социалистических Республик³.

Из работ П.И.Стучки общетеоретического профиля широкое распространение в Латвии получила статья "Пролетарское право", которая была издана на латышском языке в переводе Д.К.Стучка еще в 1919 г.⁴ В этой статье впервые в концентрированном виде было изложено учение о рожденном Октябрем праве как особом историческом типе с присущими ему характерными свойствами и закономерностями развития. Руководствуясь данной К.Марксом и В.И.Лениным схемой развития права после социалистической революции, П.И.Стучка различал право переходного времени, или право пролетариата, и право социалистического общества. "Переходный период требует особого права переходного времени, - писал П.И.Стучка, - отчасти потому, что сам строй меняется не в один миг, отчасти же потому, что старый строй продолжа-

¹ § [Stučka P.] Parlamentārisma krīze.- Cīņas Biedrs, 1926., Nr.5-6., 1.-15. lpp.;

§ [Stučka P.] Trīspadmitā Latvijas valdība.- Turpat, 1928., Nr. 1., 25.-46.lpp.

² § [Stučka P.] Jaunais pasaules revolūcijas posms.- Cīņas Biedrs, 1923., Nr. 22., 1.-14. lpp.

[Stučka P.] Kritiskas piezīmes taktikas jautājumos.- Turpat, 1929., Nr. 3., 39.-53.lpp.

³ § [Stučka P.] Politiskas izredzes un Kompartija Latvijā.- Cīņas Biedrs, 1925., Nr. 27., 1.-18. lpp.

⁴ Stučka B. Proletariāta likumība. Rīga, 1919., 16 lpp.

ет жить в головах людей как традиция прошлого" ¹ О праве социалистического общества он говорил "в совершенно новом смысле этого слова, ибо с устранением государства как органа угнетения в руках того или иного класса взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не пренуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, т.е. всего нового общества" ².

Подлинно революционным пафосом пронизаны слова П.И.Стучки о новом качестве права, о необходимости в правотворческой деятельности всемерно развивать присущие новому типу права свойства. Он призывал "закрепить в статьи действительные завоевания пролетарской революции", "творить новые, действительно революционные законы" ³.

Поскольку в советском законодательстве к тому времени уже были сформулированы "основные положения нового пролетарского права", П.И.Стучка признавал назревшей необходимостью кодификацию законодательства переходного периода и в связи с этим наметил примерную систему пролетарского права (или законодательства). В статье упоминается о "систематическом сборнике", "кодексе" пролетарского права, в котором выделяются такие части, как Советская Конституция, права и обязанности граждан, социальное право (семейное право, имущественные права, право на труд), договорное и международное право. К особенностям кодификации пролетарского права П.И.Стучка относил деление всех норм права на основные и технические. Основные нормы в "кодексе" пролетарского права - наиболее существенные, которые должны знать широкие массы, обязательные для всех. Основное право дополняется дальнейшими узаконениями - техническими инструкциями, руководствами, в которых "обязательны лишь самые общие

¹ Стучка П. Пролетарское право. - В кн.: Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. М., 1919, с. 212.

² Там же, с. 210.

³ Там же, с. 212.

места". К таким он относил, среди всего прочего, "правила о судопроизводстве", "примерную инструкцию об уголовных преступлениях и наказаниях, об отбывании наказаний..." I.

Разработанная П.И.Стучкой модель марксистско-ленинской концепции права, которая в целом была воспринята советской наукой общей теории права и легла в основу ее дальнейшей разработки, впервые наиболее полно была изложена в книге "Революционная роль права и государства". По словам П.И.Стучки, - "только благодаря концепции права как одной из форм классовой борьбы, а именно в стадии завоевания власти новым, до того угнетенным классом в виде диктатуры пролетариата, и благодаря революционной диалектике как исключительному методу анализа и разработки вопроса могла появиться "Революционная роль права и государства" 2. Охватывая понятия классовой борьбы, область права, П.И.Стучка сформулировал признаки права, все-сторонне отражающие его классовую сущность (соответствие права интересам господствующего класса и охрана права организованной властью господствующего класса), исследовал право как социальный институт, существующий в классовом обществе и изменяющийся в ходе борьбы классов, смену исторических типов права в социальных революциях и революционную роль права восходящего класса. Обусловленность права экономической жизнью П.И.Стучкой раскрывается посредством категорий "содержание" и "форма". Рассматривая право как многогранную форму по отношению к регулируемым им материальным общественным отношениям, он различал три составных части этой формы: правовые отношения, правовые нормы, правосознание, отражая в содержательном понятии права все стороны юридического бытия.

Книга "Революционная роль права и государства" на латышский язык была переведена, но ее основные положения были известны в буржуазной Латвии, преимущественно по другим, из-

I Стучка П. Пролетарское право. - В кн.: Октябрьский переворот и диктатура пролетариата, с.212.

2 Стучка П. Мой путь и мои ошибки. - Советское государство и революция права, 1931, № 5-6, с.69.

данным на латышском языке, трудам П.И.Стучки. Определение права как системы (или порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованной силой его I, которое получило обоснование и всестороннее развитие в "Революционной роли права и государства", приводится и в книгах "Лекции по историческому материализму" 2 и "Учение о государстве и о Конституции РСФСР" 3. В первой из упомянутых работ П.И.Стучка отличительной особенностью этого определения называет то, что оно раскрывает интерес господствующего класса как содержание права. "Кроме того,- продолжает автор,- мы подчеркиваем, что здесь речь идет об "общественных отношениях", т.е. о взаимоотношениях между людьми, поскольку они выражают к интересы господствующего класса или соответствуют им. Наконец, мы еще подчеркиваем, что здесь речь идет не об отдельных отношениях, а о целой системе или порядке отношений, которая на все эти отношения налагает определенный характер. Вы видите ясно, что на наш взгляд, такого "права и справедливости" не было, когда еще не было классов, и не будет, когда падут классовые противоречия и сами классы (пер.мой - А.П.)" 4. Во введении к книге "Учение о государстве и Конституции РСФСР" изложена, правда весьма сжато, идея сложной структуры права. Выделяя систему общественных отношений в качестве "объективного, материального права", П.И.Стучка упоминает и о законе как о средстве проведения в жизнь "такой системы... общественных отношений, для которых уже созрели материальные условия" и о классовом правосознании - "сознании со стороны победившего класса своего классового инте-

I Стучка П. Революционная роль права и государства. М., 1921, с.9 и след.

2 Stučka P. Lekcijas par vēsturisko materiālistu. Maaskavā, 1920., 47.lpp.

3 Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 3-е. М., 1923, с.14. Латышский перевод книги был напечатан почти одновременно с первым русским изданием (Stučka P. Valsts teorija un Padomju konstitūcija. Pleskavā, 1922, 179 lpp)

4 Stučka P. Lekcijas par vēsturisko materiālistu, 47-48.lpp.

реса, до революции лишь его программы, после победы уже охраняемого его организованной властью" ¹, а также в общих чертах характеризует механизм их взаимодействия.

В брошюре "Через буржуазную демократию - к Советской власти", написанной накануне выборов в сейм 1925 г., П.И.Стучка возвращается к вопросу о соотношении революции и законности и решает его в духе известных писем Ф.Энгельса ². Напоминая о классовом характере справедливости, законов и законности, П.И.Стучка предостерегает рабочих от иллюзии, что социалистическая революция может быть осуществлена в рамках буржуазной законности. "Законы, законность - это целая система, при помощи которой господствующий класс в современном государстве организовано управляет организацией общества и его движением (пер.мой - А.П.)" ³. Переход власти может быть проведен только революционным путем. "Но когда этот прыжок осуществлен, - подытоживает автор, - тогда новая власть издает новый, свой закон или вкладывает новое классовое содержание в старом законе (пер.мой - А.П.)" ⁴. В основу нового правотворчества должны лечь программные требования коммунистической партии. В этой связи П.И.Стучка пишет о том, что после победы революции лозунги превращаются в "государственные законы", а программа и лозунги Коммунистической партии после

¹ Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР, с. 15-17.

² Энгельс Ф. Письмо Эдуарду Бернштейну, 18 января 1883 г. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.35, с.357; Энгельс Ф. Письмо Августу Бебелю, 18 ноября 1884 г. - Там же, т.36, с. 205; Энгельс Ф. Введение к работе К.Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г." - Там же, т.22, с.545.

³ Stučka P. Pār pilsonisko demokrātiju - uz radomju varu. Maskavā, 1925., 31.lpp.

⁴ Turpat, 33.lpp.

завоевания власти становятся законом. С другой стороны, брошюра предупреждает об опасности механического отрицания буржуазной законности. Отстаивая ленинское положение о соединении легальной и нелегальной форм классовой борьбы, П. И. Стучка высказывался за всемирное использование парламентской трибуны для агитации в условиях спада революции.

П. И. Стучке принадлежит большая заслуга в правовом воспитании будущих строителей социализма в Латвии. В первой половине 20-х гг. он читал лекции о государстве и советской Конституции в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского, на латышском рабфаке и в педагогическом техникуме в Москве¹. Некоторое представление о том, какие задачи П. И. Стучка как преподаватель ставил перед собой дает его выступление в КУНМЗ в 1926 г. Приветствуя слушателей от имени Центрального Комитета КПЛ, он говорил: "Когда мы пять лет тому назад от гражданской войны перешли к новым методам борьбы был учрежден Ком. У-нт Народов Запада мы не закончили, не отбросили старую борьбу, это та же борьба, но новыми средствами, средствами может быть более трудными, чем в предыдущей борьбе"². Основной задачей слушателей, по его словам, является воспитание в себе качеств, присущих интеллигентам нового типа - рабочим интеллигентам: "У нас нет противопоставления рабочего и интеллигента, вы одновременно и рабочие, и интеллигенты. Но кроме изживания этого противопоставления, вам предстоит и другая задача - вы должны выработать новый тип национала-интернационалиста, вы должны устранить то противоречие, которое господствует в буржуазном обществе и пути лечения которого указал наш незабвенный Владимир Ильич"³.

В 20-х гг. центром марксистско-ленинской науки общей теории права общесоюзного масштаба становится основанные

¹ Pēteris Stučka laikabiedru atmiņas. Rīga, 1965., 176. lpp.

² ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 32, л. 1-2.

³ Там же.

П.И.Стучкой секции общей теории права и государства Коммунистической академии. В секции выросло и новое поколение латышских правоведов - марксистов: О.П.Дзенис¹, А.К.Стальгевич², Г.Я.Клява.

В личности О.П.Дзениса органически сочетались качества видного партийного работника и талантливого ученого. Как коммунист - подпольщик О.П.Дзенис в 1925 г. был заключен в Рижскую центральную тюрьму. После возвращения в Советскую Россию он публикует статьи, разоблачающие произвол и беззаконие, ца-

¹ О.П.Дзенис - родился в 1896 г. В 1915 г. вступил в Рижскую организацию СДЛК. Участник взятия Зимнего дворца во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; в 1923 г. на VII съезде КПЛ избран членом Центрального Комитета. Учился на факультете советского права I-го Московского государственного университета и в Институте красной профессуры (1927-1930 гг.). Работал преподавателем I-го МГУ и ИКП. С 1928 г. - действительный член секции общей теории права и государства КА, научный секретарь и член бюро Президиума Коммунистической академии (1931-1933 гг.). С 1934 г. вице-президент и президент Всеукраинской ассоциации института марксизма-ленинизма.

² А.К.Стальгевич - родился в 1897 г. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1918 г. вступил в Руенскую организацию ЛСДЛ. Учился в Высшей советской школе штабной службы (1920-1921 гг.), на факультете общественных наук Воронежского государственного университета (1921-1923 гг.) и факультете советского права I-го Московского государственного университета (1923-1926 гг.), в аспирантуре Института советского права РАНИОН (1926-1929 гг.). С 1927 г. - член-соревнователь, с 1928 г. - действительный член секции общей теории права и государства КА. В 1925-1941 и 1943-1949 гг. преподавал в высших учебных заведениях Москвы, в 1941-1943 гг. - Алма-Аты; в 1950-1952 гг. - проректор по науке ЛГУ им.П.Стучки. С 1952 г. - заведующий кафедрой теории государства и права и профессор в Высшей школе и Академии МВД СССР.

рящие в политической охранке и в тюрьме буржуазной Латвии¹. Несколько позже, возвращаясь к теме о политической ситуации в Латвии, он дает обстоятельную характеристику буржуазного правительства и разоблачает капиталистическую политику социал-демократов².

Направленный после окончания Института красной профессуры в командировку в Германию, О.П.Дзенис одним из первых советских правоведов приступил к теоретическому исследованию фашистского политического режима, и на заседании директората Института советского строительства и права 3 октября 1932 г. ему было поручено организовать отдельную бригаду ученых по разработке проблем фашизма³. В докладе "Фашизация Германии", прочитанном на научной сессии Института советского строительства и права 2-3 февраля 1933 г. О.П.Дзенис дает обстоятельный анализ явлений экономической и политической жизни Германии тех лет, анализирует фашизм как типичную разновидность политического режима буржуазного государства. "...фашизм и демократия - говорил он - является двумя методами укрепления диктатуры буржуазии. Они отличаются лишь тем, что при фашизме применяется преимущественно метод террора в противоположность преимущественного применения при демократии - обмана"⁴.

В центре внимания О.П.Дзениса как ученого - юриста были

¹ Jaunais Kalējs Dzenis O. Latvijas tiesas - politiskās ap-
sardzes turpinājums.- Krievijas Cīņa, 1925, 8.septembrī;
Sirmais Dzenis O. Bailes no grāmatas.- Turpat, 1925, 20.okt.

² Dzenis O. Valdības krīze Latvijā.- Cīņas Beidrā, 1927,
Nr.11-12.

³ ЦГАОР СССР, ф.5284, оп.1, д.375, л.36; АИГПАН, ф.1, оп.5,
д.184, л.24.

⁴ АИГПАН, ф.1, оп.5, д.269, л.26-27.

преимущественно проблемы диктатуры пролетариата ¹, Советской Конституции ² и советского строительства ³. Вопросы общей теории права в опубликованных им работах, если не считать газетную статью "П. Стучка как теоретик права" ⁴, почти не затрагивались, однако о его взглядах в этой области можно судить по обширной рукописи "Право и государство в переходный период", представленной в Институт красной профессуры в 1929 году.

¹ Дзенис О. Диктатура пролетариата в районах сплошной коллективизации.- Большевик, 1930, № 2, с.64-75; Дзенис О. Диктатура пролетариата и уничтожение классов.- Советское государство и революция права, 1930, № 4, с.19-30; Дзенис О., Бутаев К. Диктатура пролетариата и строительство социализма в СССР. Изд. 2-е. М.-Л., 1931. 380 с.; Дзенис О. Маркс против Каутского и К^о, диктатура пролетариата против "чистой демократии".- Коммунистический интернационал, 1933, № 7-8, с.42-51; Дзенис О. Задачи укрепления диктатуры пролетариата в свете решений XVII съезда ВКП/б/. Тезисы. Харьков, 1934. 8 с.;

² Дзенис О. О внесении некоторых изменений в советскую конституцию.- Под марксистско-ленинским знаменем, 1935, № 3, с. 28-45.

³ Дзенис О. Проявление правого уклона в низовой советской практике.- Коммунистическая революция, 1929, № 18, с.27-39; Дзенис О. К вопросу о путях уничтожения классов и классовых сдвигах в деревне к началу второй пятилетке.- Советское государство, 1933, № 4, с.3-22; Дзенис О. О районе и районном центре.- Советское государство, 1934, № 3, с.20-33.

⁴ Dzenis O. P.Stučkas kā tiesību teorētiķis.- Krievijas Cīņa, 1930., 1.augustā.

Начиная с признания, что единственными авторами марксистского выдержанного учения о праве в советской юридической науке являются П.И.Стучка и Е.Б.Пашуканис, в дальнейшем О.П.Дзенис всецело встал на сторону Е.Б.Пашуканиса, который руководил подготовкой слушателей правового отделения ИКП по теории государства и права, и пытался привести дополнительные аргументы в пользу предположения, что экономическую обусловленность права следует понимать как его обусловленность отношениями обмена. В частности, О.П.Дзенис утверждал, что правовые отношения возникают не в процессе производства, а исключительно на фазе обмена, что лишь в обмене реализуются взаимобусловленные категории "стоимость" и "правосубъективность". Категория "обмен" им трактовалась как "форма общественного труда" ¹. В деле проведения связи между общей теорией права и политэкономией О.П.Дзенис пошел даже несколько дальше Е.Б.Пашуканиса. Так, логическое или социологическое понимание права, якобы, зависит от понимания категории "абстрактный труд", объектом изучения теории права названа "связь принципа формального равенства производителей с действием закона стоимости" ² и т.д. Одновременно чувствуя уязвимость такой конструкции общей теории права, когда она в целом сводится к учению о форме права вообще, какую пытался создать Е.Б.Пашуканис, молодой ученый счел необходимым усилить момент классовой характеристики права. "...право имеет всегда две характеристики: первую - как правовая форма - общий принцип общественной связи товаровладельческого общества; вторую - как система отношений, в которой заинтересован определенный класс, которую он закрепляет, использует и защищает. Первая характеристика отражает единообразие правовой формы, ее постепенное разворачивание с развитием товарных отношений; вторая - наоборот, качественно

¹ ЦГАОР СССР, ф.5148, оп.1, д.313, л.129-133.

² Там же, л.123, 127.

³ Там же, л.191.

изменчивую систему, терпящую с наступлением каждой новой общественной формации переворот в функциональном классовом характере" 1.

В центре научно-исследовательских интересов А.К.Стальгевича были преимущественно создание курса марксистско-ленинской общей теории права и в этой связи разработка понятийного аппарата, определение предмета и системы науки 2, а также критический анализ буржуазных доктрин права и разоблачение попыток приспособления этих доктрин к советской действительности 3.

Г.Я.Клява занимался преимущественно проблемами Советской Конституции и совершенствования деятельности государственного аппарата 4, а также критическим анализом буржуазной государственности 5.

1 ЦГАОР СССР, ф.5148, оп.1, д.313, л.191.

2 Стальгевич А.К. Программа по общему учению о праве, государстве и Советской Конституции. М., 1929. 19 с.; Стальгевич А.К. Программа по общей теории права. М., 1929. 35 с.; Стальгевич А.К. Марксистская теория права. М., 1930. 44 с.; Стальгевич А.К. Основные вопросы марксистской теории права. - Советское государство и революция права, 1930, № 7, с.156-185, № 10, с.104-122 и др.

3 Стальгевич А. Против рейснеризма. - Большевик, 1927, № 4, с.83-88; Стальгевич А.К. Пути развития советской правовой мысли. М., 1928. 96 с.; Стальгевич А. Об одной правовой теории советского государства. - Большевик, 1929, № 16, с.27-38; Стальгевич А. К вопросу о бухаринском понимании государства. - Советское государство, 1935, № 3,

4 Клява Г.Я. Государственное строительство СССР и РСФСР, вып. I. М., 1930, 56 с.; Гришин З.З., Зайцев Г., Клява Г., Минкин К., Шляен Р. В борьбе с недостатками госаппарата. М.-Л., 1931. 136 с.; Клява Г.Я. Староста электрозавода. - "Советское государство и право", 1931, № 2

5 Клява Г.Я. Партии и парламентские выборы в Англии. - Ученые записки Саратовского юрид.института, вып.1. Саратов, 1940. с.21-51.

В Ленинграде в Институте советского строительства и права ЛОХА в 30-х гг. работал Р.Я.Преде¹, который опубликовал ряд работ по теме советской демократии².

Если в Советском Союзе практика социалистического строительства являлась благодатной почвой для деятельности многонационального коллектива советских ученых-юристов, включавшего и представителей латышского народа, по разработке правовой науки нового типа, в том числе по обогащению новыми научными выводами марксистско-ленинской общей теории права, то в буржуазной Латвии реакция в политике сопровождалась застоєм в теоретической мысли. Латышская буржуазия, пришедшая к власти в 1920 году, нуждалась и в идеологических средствах угнетения трудящихся. Для этого она использовала церковь, школу, искусство. Существенная роль в духовном порабощении народа была отведена и юриспруденции, призванной оправдать господство буржуазии, установленный ею политический режим, разрабатывать и оттачивать юридические средства осуществления диктатуры. Буржуазная юриспруденция Латвии была антинародна, реакционна.

¹ Преде Р.Я. - родился в 1899 г. Вступил в Малиенскую организацию СДЛК в 1915 г., участник гражданской войны. Учился на факультете общественных наук Петроградской высшей военно-педагогической школы (1922-1923 гг.) и Институте красной профессуры (1927-1931). С 1931 г. - ректор Всесоюзного сельскохозяйственного коммунистического университета, с 1932 г. - член Ученого комитета при ЦКК СССР, с 1935 г. - действительный член Ленинградского Института советского строительства и права.

² Преде Р.Я. Поднять роль советов в проведении на практике ленинской линии партии. - Правда, 1930, 27 дек.; Преде Р.Я. 15 лет диктатуры пролетариата и развитие советской демократии. - Ленинская учеба, 1932, № 5-6; Преде Р.Я. О сельских съездах Ленинградской области. - Советское строительство, 1935, № 9.

Одним из первых мероприятий по созданию буржуазной государственности было восстановление действия царских законов и законов Временного правительства России, действовавших на территории Латвии до 24 октября 1917 года. Этот шаг мотивировался тем, что новые законы не могут быть изданы в один день. Однако факт обращения именно к царским законам, отмененным Великой Октябрьской социалистической революцией, сам по себе был контрреволюционным шагом. Правда, буржуазные власти Латвии издали и свои законодательные акты. Было установлено, что прежние законы подлежат применению поскольку они не противоречат законам и правопорядку. Но суть дела в том, что и старые и новые законы были весьма однородны по своей классовой природе и держались в основном на одних и тех же "китах": на частной собственности, эксплуатации человека человеком, на диктатуре эксплуататорского класса. О так называемом "новом" законодательстве можно сказать, что это был старый залежалый товар, но только в другой упаковке.

Царское законодательство непрестанно "присутствовало" в правовой системе буржуазной Латвии. Оно "присутствовало" и после "великой реформы", т.е. фашистского переворота 15 мая 1934 года, когда в политической жизни утвердился ярый шовинизм. "Великая реформа" (так этот фашистский путч был окрашен самими фашистскими воротилами) в области права выразился в издании и применении законодательских актов, упразднивших последние остатки буржуазной демократии и закрепивших авторитарный фашистский политический режим в Латвии. Так, ульмановский министр юстиции Г.Апситис в 1939 году писал, что российский закон 20 ноября 1864 года с незначительными исключениями продолжал определять судоустройство Латвии¹. А гражданский кодекс 1937 года (вступивший в силу с 1-го января 1938 года), считавшийся сугубо латвийским законодательным актом, был подготовлен на основе III тома свода местных законов, санкционированных царским правительством в 1864 году.

Таков был тот действующий правовой материал, которым

¹ Darbam un tiesībām. Latvijas krimināltiesību beidzības izdevums. 1939, 15. lpp.

пользовалась, оперировала и "питалась" официальная юриспруденция буржуазной Латвии. Она послушно служила своему классу в годы парламентаризма (1920-1934), так и в годы фашистской диктатуры (1934-1940).

Среди юристов участвовавших в создании буржуазной республики и ее правопорядка, особенно среди буржуазной профессуры, большинство получили юридическое образование в России и лишь небольшая часть - в западных странах. Поэтому влияние русской дореволюционной правовой мысли в Латвии было весьма ощутимо. Было, конечно, и западное влияние. В Риге с 1926 года существовало немецкое юридическое общество, которое издавало свой журнал "Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft". Западное влияние, особенно в его фашистском варианте, усилилось после прихода к власти ульманисовской клики.

Буржуазная правовая мысль однородна по своей классовой природе, но разнообразна по формам своего проявления. В них сказываются различия между фракциями буржуазии, а отчасти - и между профессиональными интересами ее интеллигентных слуг. Среди юристов-практиков возобладала догматическая юриспруденция, ремесленническое отношение к делу. Среди юристов-теоретиков - расхождения преимущественно в философских взглядах на право и государство. Но была у них общая платформа-борьба против революционного марксизма.

Единственным высшим учебным заведением в буржуазной Латвии, готовящим юридические кадры для государственного аппарата, а также для частной практики, был Латвийский университет. Здесь на отделении права факультета народного хозяйства и права были сосредоточены и виднейшие ученые юристы. Некоторые правовые предметы читались и на других факультетах, больше всего на экономическом отделении факультета народного хозяйства и права. I

I "Введение в правоведении" читалось и на отделении народного хозяйства рижского коммерческого института.

Общетеоретические предметы в области права читались только на отделении права.

Среди общетеоретических предметов не было дисциплины под названием "общая теория права" или "теория государства и права", какая читается в нашем советском юридическом факультете. На отделении права в буржуазном университете преподавались следующие общетеоретические предметы: "Введение в правоведение", "Философия права", "Социология" (обязательные предметы); "Методология правоведения", "Развитие форм государства", "Теория развития права" (факультативные предметы). Лекции читались по всем предметам, семинарские занятия проводились только по обязательным. Студенты учились по учебникам и монографиям, изданным в дореволюционной России или зарубежных капиталистических странах, преимущественно в Германии. "Общая теория права" Г.Ф.Шершеневича и "Теория права в связи с теорией нравственности" (т. I) Л.И.Петракицкого были переизданы в Риге в начале 20-х годов (на русском языке). Некоторые главы из книги Г.Шершеневича были переведены на латышский язык и изданы под названием "Общество и государство".

Местными авторами были изданы учебники и монографии по гражданскому праву (проф. В.Синайским), торговому и вексельному праву (доц. А.Леберс), уголовному праву (проф. П.Минц, А.Круглевский, доц. А.Угримов), государственному праву (проф. В.Грабовский, ст.доценты К.Диллерс, П.Муцзинекс), истории права (проф. А.Швабе, Б.Фрезе).

В 1922 году были изданы лекции А.Леберса "О введении в правовую науку" (две части), а в 1927/28 учебном году стенограммы лекций доц. К.Ахментыньша "Введение в правовые науки" (обе работы изданы на латышском языке). Гектографическим способом были изданы лекции на латышском языке по философии права ст.доцента П.Леиньша.

Большинство работ по общетеоретическим вопросам права было опубликовано в периодических изданиях.

В буржуазной Латвии в разное время выходили следующие юридические журналы: "Tieslietu ministrijas vēstnesis" (Вестник Министерства юстиции), "Jurists" (Дрист), "Tautas tiesības" (Народное право), "Darba tiesības" (Тру-

довое право), "Valsts darbinieks" (Государственник), "Rigische Zeitschrift für Rechtswissenschaft", "Закон и Суд" (выходил с 1929 года на русском языке, издание русского юридического общества, в нем сотрудничали Г.В.Альбат, В.И.Буковский, А.И.Каминка, М.Я.Лазерсон, А.Ф.Леберс, П.М.Миц, В.И.Синайский, П.Н.Якоби и др.)

В первой половине 20-х годов "Введение в правоведение" на правовом отделении факультета народного хозяйства и права Латвийского университета читал А.Леберс (Augusts Lēbers) а со второй половины 20-х годов доцент Р.Акментиньш, философию права читал ст. доц. П.Леиньш и приват-доцент Л.Шульц: Известно, что факультативный предмет "Методология юридических наук" одно время читал проф. В.Синайский. М.Лазерсон в университете не работал, но читал лекции в коммерческом институте.

Посмотрим, что собой представляют эти теоретики права, каков их жизненный путь и какие идеи они культивировали.

Петерис Леиньш родился в 1879 году в Эргльской волости, окончил философский факультет, а в 1917 году экстерном окончил еще и юридический факультет Московского университета. После университета работал в Пензенском окружном суде судьей и экспертом, в Пензенском Народном университете читал лекции по русскому государственному праву. Вернулся в Латвию в 1920 году, работал в Латвийском университете ст. доцентом, одно время был адвокатом. В университете читал: философию права и уголовную психологию. Публиковался мало. В университетских анналах опубликована статья "Кант как философ права", а в "Вестнике министерства юстиции" - "Показания свидетелей с психологической точки зрения". В своих работах отстаивал неклассовость права и государства, утверждал, что правотворящими факторами являются индивид и общество. Осуждал Великую Октябрьскую социалистическую революцию за то, что она, по его мнению, вызвала падение нравов. Следовательно, разрыв социалистической революции с эксплуататорскими нравами он воспринял как падение нравов вообще. Сваливая вину за падение буржуазных нравов на социалистическую революцию, П.Леиньш стремился отвлечь внимание своих читателей и слушателей от действительных причин падения буржуазных нравов, заложенных

в самом буржуазном строе.

Об А.Леберсе известно, что он родился в 1865 году в г. Риге. Окончил юридический факультет Дерпетского университета, пополнял свои знания в Геттингемском университете, работал некоторое время в Рязанском окружном суде и в адвокатуре в Риге (в 1912-1919 гг.), был доцентом Рижского политехнического института и читал гражданское и торговое право. В 1918 году избран доцентом Латвийского университета по торговому и вексельному праву, но в первой половине 20-х годов читал "Введение в правоведение". Имеет публикации по торговому праву в зарубежных журналах, в "Вестнике министерства юстиции". В 1922 изданы его лекции "О введении в науку права" (на латышском языке).

Правовая концепция А.Леберса эклектична. В лекциях много места отведено некритичному изложению различных теорий. Наука права, по его выражению, есть продукт мысли. Однако она не закрывает глаза на реальность, считается с существующим общественным строем, полна жизни. Введение в науку права призвано ознакомить слушателей с основными юридическими понятиями, подготовить их к усвоению юриспруденции, к пониманию того, что "ius est ars boni et aequi" (Celsus).

Первый раздел книги (введение) занимает общесоциологические рассуждения о положении человека в обществе, о понятии общества, об учениях об обществе (Гуго Гроций, Огюст Конт, Г.Спенсер, Штейн, Моль, Гирке, Штаммлер, Колер и др.). Трудно установить каково его собственное мнение. Но в заявлениях, что "нет общества вне государства", что индивидов связывают вместе лишь духовные потребности, культура и правопорядок, видно, что через эклектические рассуждения просвечивает идеалистический взгляд на социальные явления.

Право, по мнению Леберса - сложное компактное явление, но ограничивается при этом перечислением ряда признаков (*genus proximum*), каковыми, по его мнению, являются, во-первых, предложение (догадка) о чем-то нормативном, чем право отличается от физически ощущаемых предметов, событий и т.д. и, во-вторых, предложение (догадка), имеющее отношение к организации человеческого общения, к порядку внешнего поведения людей, чем право отличается от логики и морали.

По мнению автора книги право имеет компромиссный характер. Основная цель - примирение сторон, обладающих различными интересами. Ядром мирных договоров являются взаимные уступки. Отступление от идеи компромисса возможно только ввиду исключения. Автор не дает четкого определения права. Создается впечатление, что лекции были подготовлены еще до Октябрьской революции. В книге не упоминаются ни марксизм, ни советское государство. Прочитав книгу, не узнаешь об их существовании.

Старший доцент Р. Акментиньш родился в 1880 году в Тайвельской волости (Эстония), выучился на землемера и работал в Муроме земским землемером, в 1913 вольнослушателем окончил юридический факультет Казанского университета. Участвовал в русско-японской и первой мировой войне. Служил юрисконсультом в одном из министерств при Колчаке, сотрудничал с буржуазно-националистической организацией "Латышский национальный совет Сибири и Урала". Во Владивостоке был заместителем прокурора в белолатышских воинских частях. В 1920 году прибыл в Латвию и некоторое время работал юрисконсультом, а затем стал заведующим восточным и славянским отделами министерства иностранных дел. Являлся секретарем латвийской делегации по заключению мирного договора с Советской Россией. Преподавательскую деятельность в Латвийском университете начал в 1922 году. Читал конституционное право и введение в правовые науки. После восстановления Советской власти в Латвии в 1940 году работал профессором кафедры государственного права в Латвийском государственном университете. Вел курс государственного права зарубежных капиталистических стран.

В буржуазной Латвии было опубликовано его учебное пособие - "Введение в правовые науки". Пособие было издано на латышском языке в 1928 году. Вся работа выдержана в буржуазно-либеральном духе. Читателю внушается, что изучение юриспруденции нужно для укрепления латвийского буржуазного государства. Во введении подчеркивается, что ошибаются те, которые думают, что государство можно защищать только ружьями и пушками. Государство, мол, можно защищать, - поучает автор, - и при помощи культуры, при помощи сознания своей обя

занности. В этой связи он напоминает примеры из истории, которые как будто подтверждают его мысль. Названа Грузия, народ которой "создал свое государство, но не сумел его отстоять". Автор не указывает, когда это было - в 1801 году, когда Грузия присоединилась к России, или в 1920 году, когда в Грузии хозяйничали меньшевики. А может быть имеется ввиду какое-то другое событие.

По мнению Акментиньша общественная жизнь может быть изучена с нескольких, по крайней мере, двух точек зрения: с формально-юридической (в идеальном аспекте) и с социологической (в реальном аспекте). Теория же права охватывает частицы той и другой точек зрения: она объясняет действующее право и рассматривает его и с точки зрения желаемого. Теория права характеризуется как самая общая из всех юридических наук, как наука, которая путем абстрагирования из отдельных конкретных правовых понятий выводит общие правовые принципы и соединяет их в определенную систему. Далее рассматриваются социальные нормы, общество, государство, определения права в юридической литературе и прочие традиционные вопросы так называемой "энциклопедии права".

В отличие от некоторых других авторов, например, Леберса и Лазерсона в учебном пособии Акментиньша дан обзор соотношения законодательства буржуазной Латвии и дореволюционной России.

Говоря о государстве, Акментиньш не дает определения понятия государства. Но из сказанного им можно заключить, что он придерживается распространенного в буржуазной литературе взгляда на государство как на совокупность людей, живущих на определенной территории и подчиненных одной власти. На вопрос, что такое государственная власть? - Акментиньш заявляет: - "Трудно ответить". Реально ее трудно констатировать, так как она изменчива. "Государственная власть, - поясняет он, - может принадлежать одному лицу, группе людей и даже целому народу." Однако народовластие, по его мнению, - это иллюзия; оно реально не осуществимо. "Многие, - рассуждает автор, - не хотят участвовать в государственной жизни." В референдумах участвуют лишь наиболее активные члены общества. Народу принадлежит власть только во время выборов. С окончанием выборов

кончается и власть народа. "Так оно и есть, - заключает свое рассуждение Акментиньш, - вы это сами знаете". Таким образом, пороки буржуазной демократии он приписывает демократии вообще. Это логическое следствие его неклассового подхода к вопросам государства и права.

Р. Акментиньш идеализирует буржуазное государство. Указав, что признаками государственной власти являются, во-первых, моральная сила (авторитет), и во-вторых, физическая сила, он утверждает, что в современных (т.е. буржуазных - Г.К и А.П.) государствах второй элемент отступает на задний план.

Резонно отвергнув скептическое мнение о невозможности определения понятия права: Р. Акментиньш однако к определению права подходит не путем анализа правовой реальности, а путем сличения, сопоставления различных точек зрения и в итоге дает следующее определение права: "Правом называется норма или совокупность норм, регулирующих общественную жизнь путем распределения обязательных требований и обязанностей". Функциями права, по его мнению, являются: во-первых, распределение обязанностей и требований между людьми; во-вторых, уменьшение столкновений (коллизий) в обществе (установление правового мира), в-третьих, обеспечение правовой свободы. Как видно, здесь полностью отсутствует классовое понимание права.

В учебном пособии Акментиньша приведены многочисленные высказывания буржуазных авторитетов, но ни одним словом не упоминается, какова точка зрения марксизма по вопросам государства и права. Лишь в одном месте мимоходом, не называя имен, не указывая источника, заявляется, что "делаются попытки построить классовую идеологию известного класса и в праве" и приводится определение права, которое дано НКЮ РСФСР в 1919 году и в трудах П.И. Стучки. Приводится для того, чтобы предать анафеме классовое понимание права. "Выходит, - пишет Акментиньш, - что право - это система для господствующего класса. Значит, другие классы абсолютно не имеют никаких прав. Конечно, в истории такие правовые системы, которые предоставляют все преимущества одному классу и не предоставляют их другим классам, были. И в настоящее время такие системы встречаются. Но это лишь в отношении одного государства или определенной общественной группы. Но нам важно усвоить, что право вообще

есть какая-то историческая категория и в таком смысле является понятием, пригодным для всех времен, всех народов и различных стран... Не следует упускать из виду такого факта, что в наше время роль так называемого социального элемента в праве сильно возрастет. Вы все заметили, что несмотря на то, что во всех государствах господствует капиталистический строй (автор делает вид, что не замечает Советского Союза, который находится рядом с Латвией и где капиталистический строй не существует уже более десятилетия - Г.К. и А.П.) и исключительно быстро развивается социальное законодательство, всякого рода страхование, вводится всеобщее избирательное право". Таковы "аргументы" Р.Акментиньша против классового понимания права. Отрицать классовость права невозможно. Классовость права не выдумана кем-то. Она органически присуща праву как социальному явлению. Это доказано всемирно-исторической практикой человечества. Это истина, которую никто не в состоянии опровергнуть. Напрасны были потуги нашего автора, но иначе не позволяла ему поступить его классовая совесть.

В буржуазной Латвии одно время подвизался М.Лазерсон. В 1922 году он покинул Советскую Россию, а в 30-х годах переехал в США. В Риге был опубликован ряд его работ. Наиболее крупной среди них была его "Общая теория права. Введение в изучение права", изданная на русском языке в 1930 году. Как указывает сам автор, в книге сведены в систему лекции, читанные с 1916 года на юридическом факультете Петроградского университета, затем с 1919 года - в Институте народного хозяйства (бывш. Коммерческом институте), а в последующие годы - в Коммерческом институте и на Русских университетских курсах в Риге. Таким образом эта книга была "зачата" в дореволюционной России и потому, хотя не только поэтому, пропитана духом дореволюционной буржуазной юриспруденции. Нет надобности подробно о ней говорить. Достаточно сказать, что книга состоит из четырех крупных глав: 1. Метод и задачи теории права; 2. Учение о сущности права; 3. Виды права; 4. Учение о творении права. Тринадцать страниц в книге отведены "критике" исторического материализма и марксистской концепции права. Если некоторые ученые юристы буржуазной Латвии предпочитали обойти марксизм молчанием, то М.Лазерсон был одним из тех,

кто решил открыто выступать против него. Он хотел казаться объективным ученым. Для этого был не прочь признать и некоторые заслуги исторического материализма. Но в душе он ненавидел марксизм и старался фальсифицировать прежде всего его теоретическую основу - исторический материализм. Вот некоторые его примеры.

"Марксизм, - пишет М.Лазерсон, - изображает право как надстройку над экономическим базисом". Но тут же прибавляет: "над производительными силами". А это уже искажение понятий. Экономический базис и производительные силы, хотя и взаимосвязаны, - не одно и то же. Но проследим, что делается дальше. "Право - вторично, производное, объясняемое всецело базисом", - продолжает он. Здесь тень на плетень наводится словечком "всецело". Известно, что экономические отношения лишь в конечном счете определяют право. На право влияние оказывают не только экономические, но и другие общественные отношения - политические, нравственные и т.д. Исторический материализм вскрыл механизм взаимодействия общественных отношений, среди которых в конечном счете, решающее значение имеют экономические отношения.

Фальсификацией является последующая сентенция. Ф.Энгельс внес поправку, продолжает М.Лазерсон свое рассуждение, - "искажающую ясную картину о базисе и надстройке", а именно, что "надстройка есть функция (зависимая величина) основы, и обратно: основа (экономический базис) есть функция надстройки". Эта поправка или дополнение, - заключает Лазерсон, - "совершенно искажает учение исторического материализма". Вот чудо - Лазерсон защищает исторический материализм от его искажения Ф.Энгельсом. Но суть-то здесь в том, что не Ф.Энгельс, а Лазерсон искажает исторический материализм, приписывая Ф.Энгельсу свои измышления. Напомним лишь сказанное Ф.Энгельсом в письме В.Боргиусу от 25 января 1894 года для того, чтобы уличить нашего ретивого "критика" в фальсификации. "Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис... Люди сами делают свою историю, однако, в данной, их обуславливающей среде, на основе уже

существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию" ¹.

М. Лазерсон заявляет, что исторический материализм выдвигает причинное изучение права и что истмату принадлежит заслуга низведения правовых норм на землю. Но эта лесть является только приготовлением к выпадку. За ней следует тирада следующего содержания: истмат все же не раскрывает бытие права; право с точки зрения марксизма остается чем то внешним по отношению к человеку; человек и общество для него оказываются только объектами воздействия права. Приписав бездоказательно (реальных доказательств — то нет) марксизму измышленные им самим пороки, М. Лазерсон формулирует и уничтожительный приговор: "Научная ценность этих утверждений немногим выше, чем учение о божественном происхождении права".

Учинив таким образом расправку над истматом, наш критик смотрит, что не осталось после "разгрома": нельзя ли кое-какие остатки "утилизировать". Не поступить ли так, как поступили О. Бауэр, Макс Адлер, К. Реннер и другие ренегаты, соединившие марксизм с кантианством, или как Штерн — со спинозизмом? И приходит к выводу, что марксизм можно соединить с психологической теорией права Петражицкого. "Не отрицая влияния смены исторических условий на содержание предписаний права, — заявляет Лазерсон, — мы должны в теории раскрыть, наконец, те психологические элементы, на которых покоится... единственная позитивно-причинная теория права".

Соединить несоединимое — марксизм и буржуазную теорию, материализм и идеализм (теория Петражицкого — чистейший идеализм) — невозможно. Что касается "психологических элементов", то именно марксизм вскрыл их подлинное место и значение в праве, а не Петражицкий или кто-то другой.

Для более полного освещения состояния общетеоретической правовой мысли в буржуазной Латвии, остановимся еще

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 39, с. 175.

на трудах Л. Шульца - доцента по философии права. Л. Шульц принадлежал к тому поколению буржуазных ученых юристов, которое выросло в самой буржуазной Латвии. Родился он в 1904 году в Бидрижской волости в семье состоятельных родителей, получил образование в Латвийском университете по двум специальностям - юридической и философской. По окончании правового отделения был оставлен при кафедре философии права для подготовки к научной деятельности. В 1933 году был избран приват-доцентом. Наряду с педагогической работой в университете занимался адвокатской деятельностью. Стажировался в Чехословакии, был в научной командировке во Франции, участвовал в работе VIII международного конгресса философов, в секции философии права которого прочел реферат на тему "Les rapports entre le droit et la morale" (взаимоотношения права и морали). После восстановления Советской власти в Латвии в 1940 году продолжал работать в университете, но перестал преподавать философию права, вел специальный правовой предмет. После войны оказался в Западной Европе в эмиграции.

Первые публикации Л. Шульца появились во второй половине 20-х годов. Более крупные работы опубликованы в период фашистской диктатуры в Латвии. Как философа права его привлекали две основные проблемы: взаимосвязь права и нравственности и соотношение права и принуждения. Проблемы эти рассмотрены в чисто академическом духе, отвлеченно, вне связи с актуальной действительностью и классовой борьбой.

В работе "Проблема автономии-гетерономии в праве" (*Autonomijas-heteronomijas problēma tiesībās*) (Вестник Мин. юстиции, 1935, № 3, с. 449-479) Л. Шульц отвергает точку зрения на право как на совокупности автономных норм, усматривая в ней игнорирование права как социального явления. Высказывает мнение, что право содержит изрядное количество неэтических норм.

В следующей работе по философским проблемам права, озаглавленной "Проблема легалитета в теории права" (*Legalitātes problēma tiesību teorijā*). (Вестник М.Д., 1936, № 3, с. 508-528) рассматривается отличие права от морали. Под легалитетом автор подразумевает такую реализацию права, когда "внешняя форма" этого процесса соблюдается, но игнорируется

его мотивы, т.е. субъективная сторона. Отсюда и вывод: для права мотивы маловажны, для морали же они имеют существенное значение.

В 1936 году появилась на свет более обширная работа Л. Шульца - "Право как этический минимум" (Tiesības kā ētikas minimums) (85 с.). Первая часть книги: морфология теорий этического минимума (от Х.Томазия до Петражицкого и Гартмана). Вторая часть книги - разбор четырех типов теорий этического минимума с целью выявить идеи, которые могут пригодиться "современной теории права" (автор не расшифровывает, что значит "современная" теория права - его собственная или какая-нибудь другая). Рассмотрев различные теории, автор заключает, что в революциях и в периоды рождения новых государств этические эмоции преобладают над эмоциями правовыми.

В работе "Элементы принуждения в праве" (вестник М.Д., 1937, № 2, с.225-252) Л.Шульц в философском плане рассматривает понятие принуждения (эволюция проблемы, взгляды сторонников и противников принуждения в праве, место принуждения в праве и т.п.). Вывод автора: физическое принуждение не имеет существенного значения для права. Принуждение - это второстепенное для права, сопутствующее ему явление. Все же в принципе право не исключает возможности физического принуждения. Примерно в таком же духе написаны и остальные труды Л.Шульца. В то время, когда трудовой народ Латвии самостоятельно вел борьбу против реакции и угрозы новой мировой войны, против закабаления страны Западными империалистическими державами, отстаивал свои элементарнейшие права в жестких классовых битвах, Л.Шульц и ему подобные буржуазные интеллигенты занимались далеким от реальной жизни абстрагированием. Занятие не столь уж безобидное. Объективно оно означало нейтрализацию интеллигенции от участия в борьбе на стороне народа.

Нельзя сказать, что все представители общетеоретической правовой мысли в Латвийском университете были реакционны. Среди молодого поколения были и прогрессивно мыслящие. Ассистент кафедры теории и истории государства и права Латвийского государственного университета А.Цирсис отдал свою жизнь, сражаясь в рядах Советской Армии против немецко-фашистских

захватчиков. Приват-доцент В.Е.Калниньш, овладев марксистско-ленинской методологией, стал видным советским ученым и долгие годы плодотворно работал в Латвийском государственном университете им. П.Стучки, пользуясь большим авторитетом и уважением в своем коллективе и среди студенчества. Можно было бы назвать и других (доц. А.Павасарс, проф. П.Муциниекс и др.). В послевосенный период в Латвии выросло новое поколение учёных-юристов, в том числе по теории государства и права, стоящих на научных позициях марксизма-ленинизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Миллер В.О. Буржуазная фальсификация становления советской государственности народов Прибалтики	3
Уусталь А.Т. Несостоятельность "теорий" лидеров эстонских эмигрантов о существовании в настоящее время буржуазного эстонского государства	15
Максимайтис М.А. Использование литовскими фашистскими идеологами концепции солидаризма для оправдания отмены демократических свобод	29
Пятраускас З.В. Концепции буржуазных юристов о становлении буржуазной государственности Литвы и действительность	41
Вансявичюс С.А. Отношение буржуазных политических партий Литвы к крестьянскому вопросу	64
Рейгас А.А. Реакционная сущность уголовного законодательства буржуазной Латвии (1920 - 1940 гг.)	80
Белюнас Э.Б. Реакционные черты криминологической мысли в буржуазной Литве	95
Мелькисис Э.А. Извращения в буржуазной Латвии прогрессивных идей Гарлиба Меркеля	106
Клява Г.Я., Плотниекс А.А. Общетеоретическая правовая мысль в Латвии в условиях буржуазной диктатуры	112